

ЕКАТЕРИНА
СОБОЛЬ

АНИМА

ВЕСЬ ЦИКЛ
В ОДНОМ ТОМЕ

Екатерина Соболев

**Анима: Золотой стриж.
Серебряный ястреб. Медная чайка**

«РОСМЭН»

2019, 2020

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Соболь Е.

Анима: Золотой стриж. Серебряный ястреб. Медная чайка /
Е. Соболь — «Росмэн», 2019, 2020

ISBN 978-5-353-09758-7

Все три книги серии «Анима» в одном томе! Когда-то земли золотой магии жили по законам анимы – силы самой жизни, радости, добрых чувств и поступков. Но безжалостное племя Ястребов избавилось от добрых волшебников и захватило власть. И все же на их пути оказываются те, кто готов бросить вызов и противостоять могучей теневой магии. Те, кто испытывает самые разные чувства: восторг, любовь, счастье – и печаль, ненависть, отчаяние... Невероятные испытания и приключения, неожиданные знакомства и открытия – все это в серии «Анима» от Екатерины Соболь, автора популярного цикла «Дарители»!

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-09758-7

© Соболь Е., 2019, 2020

© Росмэн, 2019, 2020

Содержание

Золотой стриж	6
Пролог	8
Глава 1	12
Глава 2	21
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	43
Глава 6	51
Глава 7	58
Глава 8	67
Глава 9	76
Глава 10	81
Глава 11	88
Глава 12	96
Глава 13	105
Глава 14	113
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Екатерина Соболев

Золотой стриж. Серебряный ястреб. Медная чайка

Серия «Анима»

© Е. Соболев, текст, 2021

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2021

* * *

Золотой стриж

АНИМА

ЗОЛОТОЙ СТРИЖ

*Йорки, моему дорогому другу, на память о сборнике историй с
золотым тиснением*

Пролог

Все началось с того, что один мальчик забрел далеко-далеко в лес.

Хотя на самом деле, конечно, началось вовсе не с этого – к тому моменту большая история уже неслась вперед на всех парах, но для мальчика и его земли точкой отсчета стало как раз то ясное летнее утро.

История любит точность, и вот пара цифр: племя мальчика насчитывало восемьсот сорок два человека, на часах, будь у кого-нибудь в этой области часы, было бы шесть утра, а что до года – это слишком важный вопрос, чтобы ответить на него без всякой подготовки.

Итак, мальчик решительно продвигался вперед, разводя перед собой ветки кустов и сухие стебли. Лицо его было уже изрядно расцарапано, но что такое мелкие неудобства на пути к великой цели? А цель у него была: добраться до озера, где в камышовых зарослях утки разводят птенцов, и унести парочку, чтобы вырастить их в пруду около своего дома. Пусть малышей и придется отнять от матери, размышлял он на ходу, им уготована почтенная судьба: стать родоначальниками целого утиногo племени. Надо объяснить это утятам и их маме, тогда она, наверное, не будет возражать. Он пока, конечно, еще не волшебник и не умеет так хорошо передавать свои мысли другим живым существам, но вдруг, если попробовать много раз подряд, все-таки получится?

– Здравствуй, – вдруг сказал чей-то голос.

Мальчик подозрительно огляделся. Никого.

– Привет, – кивнул он, заглядывая за ближайšie деревья. Там тоже никого не было. Но чего бояться? Он дома, на своей земле, а тут ничего плохого случиться не может. – Ты потерялся?

– Пока нет, – ответил голос и внезапно загрустил. – Но это, к сожалению, сегодня произойдет. О, прости, что не представился: я дух вашей земли. Хорошо, что ты сюда зашел. Я очень хотел с кем-нибудь попрощаться, а близко к жилищам мы не подходим.

– Зачем прощаться? Ты не нашел подарка? – испугался мальчик. – Яблоки мы тебе оставляем под большим деревом на поляне, а репу...

– Я все нашел, не в этом дело, – вздохнул дух. Голос у него был немного картавый, удивительно человеческий для бестелесного существа. – Просто вашу землю сегодня попытаются захватить, а я не дам этому случиться.

Мальчик нахмурился. Разве землю можно захватить? Прошлым летом соседнее племя попыталось захватить корову, принадлежащую его дяде, но тот вовремя проснулся, достал особенную булавку, которую, как выяснилось, лет тридцать хранил для такого случая, и бросил в захватчиков. У тех выросли овечьи уши, и вот так они и ходили еще неделю на радость всем вокруг, пока уши не растворились: магия в их глухих краях – редкость, не каждый день такое увидишь! Дядя сиял от гордости и даже пригласил бедолагу на пир дружбы, все помирились, а мальчик с тех пор возмечтал стать волшебником, чтобы самому научиться делать такие интересные предметы.

– Им что, опять коровы нужны? – спросил он. – Можем поменять на овец.

Голос издал сухой смешок.

– Вы тут, похоже, совсем не знаете новостей. Гроза добралась даже сюда. – Мальчик обернулся, но никакой грозы не увидел и в помине, небо было чистейшего синего цвета. – Кто же знал, что магию можно ткать из Тени, не только из анимы? О, мирные земли!

– Ты что, правда умрешь? – нахмурился мальчик. – Слушай, возьми, это тебе. Тут всего на день, но папа сказал, что для умирающего день ценнее, чем для здорового.

Мальчик сосредоточился и попытался передать аниму из своего сердца руке. О, этот трюк он уже освоил! Теплое золотое сияние скользнуло в его ладонь, и на ней загорелся огонек.

– Анима, – прошептал дух. – Самое ценное, что есть в мире. Сила самой жизни, душа и радость, ибо все это – одно и то же.

– Я месяц назад подарил немного дедушке, ему совсем плохо было, – гордо сказал мальчик. – Ну и я ему вот столько же отдал – он потом целый день прожил, со всеми попрощался, дела закончил и спокойно заснул. Папа сказал, что я молодец.

– А он не сказал, что, отдавая кому-нибудь один день, ты отнимаешь его у себя?

– Сказал. А еще сказал, что я сильный и за жизнь хорошими поступками накоплю себе много анимы. И что волшебники в сказках всегда умели делиться. А я очень, очень хочу стать волшебником.

Мальчик почувствовал, что кто-то сжал его раскрытую ладонь в кулак и золотое сияние впиталось обратно в кожу.

– Тебе самому пригодится, – сказал голос совсем близко и громко, и мальчику показалось, будто что-то невидимое вглядывается ему в лицо. – Впереди тяжелые времена.

Дух замолчал, и ощущение внимательного взгляда из пустоты исчезло. Мальчик собрался идти дальше: ему уже не терпелось подержать в руках утенка, но дух внезапно заговорил снова:

– Пожалуй, лучше уж я тебе кое-что подарю, вдруг однажды пригодится! Вот это обронил когда-то в здешнем лесу добрый маг. Карманы у него были дырявые, потому что, как и все настоящие маги, он был очень беден.

Под ноги мальчику упал деревянный гребешок. Он поднял его и повертел в руках: на вид ничего особенного, даже резьбы нет, но кончики пальцев сразу начало покалывать от волшебства. Только настоящие маги умеют вкладывать часть своей анимы в предметы, придавать им особые свойства. Ух ты, ничего себе подарок! Такие штуки очень дорого стоят, дядя вон свою булавку тридцать лет не тратил.

– От него волосы быстрее начнут расти, да? – выдохнул мальчик. – Спасибо, сестре подарю: она хочет, чтобы отросли, как у мамы, до земли. А когда-нибудь я и сам такие гребешки буду делать! Выучусь паре трюков для начала, родители меня в ученики к какому-нибудь волшебнику отправят, а потом...

– Не лучшее время для этой мечты, – осторожно проговорил дух. – Я бы на твоём месте...

– Да ладно! – бодро перебил мальчик. – Мама говорит, стоит только захотеть, и чего угодно добьёшься. Я стану лучшим волшебником в мире!

Дух тяжело вздохнул.

– Тогда удачи тебе, добрый мальчик. – По деревьям пробежал ветерок, и голос духа стал тише. – Мечты – это великая сила, в них сама суть магии.

Но мальчик уже не слушал – он вдруг заметил, что ветер крепчает, хотя никаких туч не было и в помине. В высоте тревожно вскрикнула птица.

– Мне будет очень всего этого не хватать, – шепнул дух. – У вас поразительно красивая земля. Все хвастаются своими владениями, как жаль, что мне никогда не хватало слов описать свои.

Мальчик посмотрел вокруг: да, день был погожий, паутина тонко блестела между веток куста, лес был ошеломительно зеленым, как и надо в разгар лета, но что в этом такого? Куда больше его беспокоило то, что ветер начал рвать с деревьев листья. Наверное, все утята скрылись в камышах, их теперь не найти.

– Беги домой поскорее, – прошелестел дух. – Там ты будешь в безопасности, не время быть героем.

– А если я хочу быть героем? – спросил мальчик, которому редко удавалось поучаствовать в таком интересном разговоре.

Дух на несколько мгновений замолчал.

– Тогда останься. Ты смелый, и в тебе много анимы. Если не погибнешь, сможешь однажды стать великим, не зря ведь ты мне сегодня встретился. Но это слишком большое решение для такого малыша.

– Я не малыш! И я ужасно хочу быть героем, – выпалил мальчик. – Что надо сделать?

– Ничего. Ты уже сказал то, что нужно, – прошелестел дух.

Мальчик поежился. Ему запоздало почудилось, что он сделал какую-то глупость, но отступать было поздно, надо делать вид, что все ему нипочем.

– Ох, а у меня ведь есть кое-что еще! Чуть не забыл, – прибавил дух. – Это секрет, и я его подслушал при очень неловких обстоятельствах. Хотел на что-нибудь обменять, но поздно: Ястребы уже здесь. Не пропадать же такой ценности.

И он шепнул ему секрет – мальчик почувствовал у своего уха дыхание, развевающее прядки волос, будто невидимые губы приблизились к нему.

– Только никому не рассказывай, – прибавил дух.

– Ты ведь мне рассказал, – ответил мальчик, ежась от холодного ветра.

– Секрет, раскрытый ребенку, не считается раскрытым, дети вечно все забудут или перепутают. Но ты не забывай, ладно? Прощай, молодой человек из красивой земли. В сказках обычно делают три подарка, но у меня ничего больше нет.

И тогда мальчик обернулся и увидел. На лес надвигалась грозовая туча, неумолимо ползла вперед, и это была не просто буря: молнии, то и дело вспыхивающие в ее сизых недрах, доставали до самой земли.

– Эй! – пронзительно крикнул мальчик. – Ты где? Вернись!

Но было тихо. Что-то изменилось не только в небе, во всем вокруг, даже в нем самом, но он тоже не знал достаточно слов, чтобы объяснить это. Молнии сверкали все ближе, а затем повсюду закричали птицы.

У каждого уголка нашей зеленой планеты есть свой дух, и все они, даже будучи детьми одной матери-земли, совершенно не похожи друг на друга – так же как и народы, живущие в их владениях. Дух этой мирной земли, населенной веселыми, честными и, признаться, недалекими тружениками, тоже был мирным и простодушным и даже не понял, какую драгоценную тайну успел передать, прежде чем исчезнуть.

Пройдет много лет, прежде чем мальчик вспомнит об их встрече снова.

Глава 1

Монструм

Самое главное в магии – это умение полюбить момент. Не беспокоиться ни о прошлом, ни о будущем, знать, что для волшебства есть только здесь и сейчас. Передаешь рукам свое хорошее настроение, радость, силу жизни – словом, аниму, – и готово, твори невероятные чудеса!

С настроением у Нила проблем не было, а вот с тем, чтобы передавать, успехов он пока не добился. Голос здравого смысла шептал, что четыре года попыток – веский довод, чтобы признать поражение, но других идей все равно не было, так что Нил подышал на замерзшие руки и снова приложил их к гладкой черной стене. Ладони привычно охватил холод, и Нил сосредоточился на своем сердцебиении, на дыхании, на всех восхитительных признаках того, что он жив, и почувствовал, как магия нежно, гладко скользнула из его сердца в кончики пальцев и...

Ну, почти почувствовал. Он был уверен, что так все и будет, но каждый раз этим и заканчивалось: легкое покалывание в ладонях – и все. Нил прислонился лбом к холодному камню. Изгородь уходила высоко вверх, и небо над ней было таким же, как всегда: безжизненным и серым. В Селении никогда ничего не меняется, теневая магия Ястребов защищает его и от солнца, и от дождя, но за свою жизнь Нил научился различать в этой серости небольшие оттенки. Сегодня, например, казалось, что где-то там, снаружи, начинается солнечный, великолепно яркий день.

– Эй, пожалуйста, – прошептал он, вцепившись в черную стену. – Я могу, знаю, что могу, ну же! Я хочу домой. Мне нужно домой. Давай!

Но камни не исчезли, не превратились в листья или воду, не рассыпались золотыми искрами. Ладно, до побудки времени много. Раз уж удалось сегодня рано проснуться, надо попробовать снова и не отчаиваться, из грусти магию точно не соткать. Итак, ощущение гладкого камня, покой, красота, любовь и...

На ноге у него сжались острые ледяные зубы, и Нил охнул.

– Хорошая собачка, – прохрипел он, изо всех сил дергая ногой. Челюсти, ясное дело, не разжались. – Или ты не собачка? Может, заяц? Еж? Тру... Трудно сказать.

Монструм, конечно, не ответил: сгусток тьмы, едва различимый в предрассветных сумерках.

У каждого Ястреба есть такой помощник, сотканный из тени: их магия так велика, что не вмещается в них целиком, хватает еще вот на такого прихвостня в виде какой-нибудь зверушки. Обычно выглядели такие теневые твари довольно жутко, но не в этом случае – трудно всерьез испугаться низенького существа с торчащими ушами. В данный момент существо нетерпеливо махало хвостом и тянуло Нила назад, мелко переступая короткими лапками. От лодыжки, которую сжимали его бестелесные челюсти, покалывающая холодная боль медленно ползла к колену.

– Если бы ты направлял все эти усилия на игру, давно бы уже стал лучшим игроком, – без выражения сказал голос у Нила за спиной. – И вышел отсюда законным способом.

– У всех ваших такой слух хороший и... или только у тебя? – Нил болезненно выдохнул сквозь сжатые зубы. Ногу свело так, будто ее засунули в глыбу льда, – обычно монструм так сильно не кусал. – По... почему все время именно ты и твой не... несуразный пес-призрак?

– Он чувствует, что ты опять нарушаешь распорядок дня, и ведет меня за собой. – Кадет свистнул, и монструм разжал зубы. – Он помнит всех, кого кусал.

– Если он однажды про... протянет лапы, выбей это на его надгробном камне. – Нил со стоном опустил на камни, кое-как согнув ногу. Он решил благоразумно промолчать о том,

что нюх чудо-пса срабатывает только раз в несколько месяцев, а он сам приходит к Изгороди почти каждый день. – С не... недобрым утром, Кадет Семь Два Три.

Кадет стоял шагах в десяти от Изгороди, сложив руки за спиной, и Нилу вдруг показалось, что вид у него какой-то встрепанный, беспокойный, не такой, как обычно. Судить, конечно, трудно, у Ястребов и лиц-то почти не разглядеть между капюшоном и маской, закрывающей нос и рот, – но за столько лет Нил научился различать оттенки не только в погоде.

– Ты помнишь, что я сказал тебе в прошлый раз? – негромко спросил Кадет.

Нил пожал плечами. Кадет каждый раз говорил одно и то же, он не особо слушал: «Игрокам запрещено подходить к Изгороди», «Золотая магия давно иссякла», «Тень владеет миром. Куда ты планировал бежать?» – и все такое. В вопросах надежды и спасения вряд ли стоит слушать типов, которые годами живут на злобной теневой магии и которым запрещает радоваться свод правил толщиной с кирпич.

– А можно спросить: вам этих зверушек готовыми раздают или они сами решают, какую форму принять? – Нил кивнул на монструма, который чесал задней лапой нос, как настоящая собака. – Вот у вашего начальника какая-то мерзейшая тварь с щупальцами, а твой, прости, напоминает клочок пакли.

Кадет подошел ближе, и Нил сразу сжался, но тот просто дернул его за шкурку и поставил на ноги легко, как котенка.

– Я сказал, что, если увижу тебя здесь еще раз, этот раз станет последним.

– И где ты так хорошо наш язык выучил? – пробормотал Нил, морщась от боли в ноге и от холода, которым окатывало, стоило Кадету чуть сильнее сжать его воротник. – Остальные еле-еле слова связывают, а ты...

– Сегодня ты нарушил правила в десятый раз. В свободное время я перечитал устав. Согласно правилу пятнадцать свода номер семь игрока иссушают после десяти нарушений.

– Что? – выдохнул Нил. В голове у него мелькнуло, что изучать на досуге рабочий устав способны только Ястребы, но желание острить тут же погребла под собой лавина ужаса. – Да ладно, ты же шутишь, да?

– Шучу? – озадаченно переспросил Кадет. – Шутка в вашем языке значит «история с целью развлечения». Мы не мыслим такими понятиями.

– Нет. Стой. – Нил попытался шагнуть назад, но ледяная рука удерживала его на месте, и он вдруг почувствовал, что этот холод действительно вытягивает из него аниму: тепло, жизнь, надежду. – Я же ценное имущество!

– Ты? Худший игрок во всем Селении?

– Не надо, эй, не надо, – выдавил Нил. У него уже начали леденеть губы. – Ты же не такой, как другие. Не злой.

– Для нас отсутствие злости – не добродетель. Тебе не стоило приходить сюда снова.

– Я же не думал, что ты серьезно предупреждаешь! – Нил всю жизнь не позволял страху себя догнать, но теперь тот медленно, по капле вливался в него. – Думал, это просто слова.

– Вот потому цивилизация золотых магов и пала, – сказал Кадет, и Нилу наконец удалось перехватить его взгляд – бесстрастный, ничего не выражающий. – Вы не относитесь ни к чему серьезно.

Нил судорожно вдохнул, пытаясь сопротивляться холоду, который разливался по телу, и его вдруг осенило.

– Стой, – еле-еле шевеля онемевшими губами, выдавил он. – Я не знал. Про десять раз. Ты должен был. Меня. Уведомить. – Хватка на воротнике чуть ослабла, и Нил продолжил: – Как можно со... соблюдать правило, которого не знаешь?

Кадет замер, как деревянное изваяние. Он всерьез обдумывал его слова, глядя прямо перед собой хмурыми темными глазами. Потом разжал руку, и Нил повалился на камни, отчаянно кашляя.

– Ты прав. – Кадет отрывисто кивнул. – Мы никогда не объявляли о правиле десяти нарушений, потому что до тебя никто не совершал больше двух. Обычно игроки не рискуют ради выдумки сном и возможностью победить. Теперь ты уведомен, и в следующий раз...

– Понял, – выдохнул Нил и прислонился спиной к Изгороди. У него дрожали ноги, но в остальном настроение стремительно мчалось от смертельного ужаса к «да ладно, бывает и хуже». – Больше ты меня тут не увидишь.

«Я придумаю способ обойти правило», – упрямо подумал он, косясь на монструма. Тот продолжал беспокойно чесаться, будто у него блохи, хотя какие блохи у чистой тьмы?

– У тебя ничего не получится, – сказал Кадет, будто прочел его мысли. – Изгородь защищена десятком тeneвых чар, а анимы у тебя едва хватает на поддержание жизни. У каждого наступает день, когда можно сделать только одно – сдаться.

На последних словах в его голосе вдруг прорезалось что-то живое, болезненное, и Нил вскинул голову. В сером мирке, где завтрашний день всегда похож на вчерашний, он улавливал каждое мелкое колебание, как рыба на глубине чувствует грозу.

– Ты в порядке? – брякнул он, переводя взгляд с напряженно застывшего Кадета на беспокойного черного пса. – Выглядишь так, будто у тебя неприятности.

– Неприятности. – Кадет повторил слово, будто перекачивал его на языке, вспоминая, что оно значит. – А! Естественные препятствия на пути к достижению цели. Мы не мыслим в категориях приятного.

– Да уж, весело вам живется. – Монструм зарычал, продолжая яростно расчесывать лапой живот, и Нил примирительно поднял руки. – Seriously, я могу тебе помочь?

Кадет вздрогнул от неожиданности, и, даже не глядя ему в глаза, Нил понял, что произносить последнее слово не стоило.

– Я не к тому, что великим Ястребам может понадобиться помощь рабов, – зачастил Нил, пытаясь исправить положение. Только не обратно в дом, только не спать, когда происходит хоть что-то интересное. – Просто имею в виду, что ты мне который раз помогаешь, отпускаешь домой без всякого наказания, и я решил, вдруг тебе...

– Помогаю? – угрожающе переспросил Кадет. Нилу хотелось сказать, что угроза не очень-то впечатляет, когда у твоих ног катается, дрыгая лапами, пес тьмы и пытается почесать себе спину о камни, но благоразумно промолчал. – Я просто делаю свою работу. Ты нарушаешь правила, а я не хочу, чтобы у нашего игрового Селения были проблемы из-за одной неудачной овцы.

– Паршивой, – машинально поправил Нил. – Говорят «паршивой овцы».

На секунду он испугался, что перегнул палку, но Кадет задумчиво кивнул, принимая его слова к сведению.

– Я запомню. А мы не говорим «рабы», это резко оценочное суждение. – Он опустился на колени и попытался успокоить вьющуюся ужом собаку. – Мы называем вас «представители освобожденных народов».

– Да ладно, – ошарашенно пробормотал Нил и похлопал по Изгороди. – Освобожденных от чего?

– От хаоса и отсутствия порядка. Там, где правила золотая магия, ничего невозможно было предсказать. – Кадет продолжал чесать собаку, так что Нил видел только капюшон и напряженные плечи под складками темной ткани. – Тень всегда действует по правилам, она приносит в мир порядок, и поэтому я недоволен, что не разобрался, как... – Он перебил самого себя. – Иди спать. Ты не можешь оказать мне содействие.

– Но могу просто выслушать, тебе сразу легче будет, – предложил Нил. – У нас всегда так делали.

– Да, я слышал. Вы создавали связи между людьми даже там, где их быть не может.

Кадет подхватил монструма под мышку и зашагал прочь. Говорят, теневые твари всегда послушны воле хозяина, а Кадет даже такой мелкий клочок тьмы успокоить не мог. Нил еле сдержал улыбку. Приятно знать, что в мире великих и ужасных Ястребов тоже есть свои неудачники.

– Эй! – громким шепотом позвал Нил. – Мне даже проболтаться некому. Наших, кроме игры, ничего не интересует, ты бы прямо гордиться ими мог.

Кадет остановился, едва различимый в сумерках, кое-как отделяющих ночь от дня.

– Ты странный, – сказал он, не поворачиваясь. – Я никогда не чувствую от тебя страха. Остальные дрожат, если мы подходим близко, но не ты.

– Ну, я просто храбрый, – сказал Нил, потому что Кадет, хоть и был самым нормальным из Ястребов, точно не понял бы настоящих причин. – А если спросишь, почему я тогда так плохо играю, скажу: мои таланты, наверное, лежат в другой об...

– Я не выполнил работу, – отрывисто произнес Кадет. – Не справился с предсказанием.

– Притворюсь, что понимаю, о чем речь, и скажу, что ты старался как мог.

Кадет потер затылок: небывало заметный жест для Ястребов, которые всегда двигаются так, будто их хорошенько заморозили.

– Ты знаешь, что такое место силы? – спросил он, по-прежнему не оборачиваясь.

Нил сглотнул. Сердце у него заколотилось как бешеное, и он изо всех сил постарался дышать ровнее: слух у Ястребов отличный.

– Вроде да, – неестественным голосом проговорил он. – Место, которое дает магию всем окружающим землям.

– Именно. Средоточие всего волшебства определенной территории, точка, где оно сильнее всего. Ваши места силы давали жителям помощь. – Кадет сказал последнее слово так, будто даже произносить его неприятно. – Наши места силы дают пророчества, чтобы мы могли держать будущее под контролем. Когда сама Тень хочет сообщить о чем-то важном тем, кто ей служит, она выбирает исполнителя. И посылает ему предсказание, которому тот обязан последовать.

– Звучит жутковато, – пробормотал Нил, и Кадет обернулся.

Нил покорно опустил взгляд, но Кадет, как ни странно, не разозлился.

– У меня самый низший магический ранг, я обычный кадет, надзиратель игрового Селения. Но Тень выбрала меня, – выдавил он. – Это большая честь.

– Чего-то ты не радостный. – Нил спохватился. – Прости! У вас это вроде ругательства? Ты не выглядишь... – Ох, да как они вообще общаются, если избегают слов вроде «радость» или «помощь». Нил запыхтел. – Мм-м... Ты не выглядишь удовлетворенным.

– Я и не удовлетворен. – Несмотря на мрачный голос, похоже, Кадету действительно полегчало: монструм перестал дергаться и затих у него на руках. – Пророчества обычно ясные, каким бы образом они ни появились: в тенях, в отблесках огня, в небе. Но в этот раз Тень говорит загадками.

– Загадками? – оживился Нил. – Вроде «новая посуда, а вся в дырках»?

– Что?

– Ну, решето же!

Кадет озадаченно нахмурился, глядя прямо перед собой.

– При чем здесь предмет для просеивания муки? – наконец спросил он. – Послание Тени зашифровано, а я не вижу в этом коде логики, даже Господин Череп не видит.

– Вы серьезно называете своего начальника Господин Череп? – изумился Нил.

Но Кадет словно не услышал.

– Если я только разгадаю послание, уверен, что смогу исполнить его безупречно, а это поможет мне подняться в магическом ранге. Мне нужно отсюда вырваться, я не хо... – Он

проглотил остаток слова: ну, конечно, говорить «не хочу» Ястребам не положено. – Я не планирую остаться здесь навсегда.

– Хоть что-то у нас есть общее, – хмыкнул Нил. – Может, взгляд со стороны пригодится? Расскажи мне загадку, хуже не будет. Что ты теряешь?

Он не то чтобы всерьез рассчитывал, просто хотел, чтобы интересное утро не заканчивалось, но Кадет уставился на него как-то слишком внимательно.

– А ты умеешь настаивать на своем, – протянул Кадет. – Просыпаешься раньше других, бегаешь сюда, а остальные и час в день еле на ногах стоят. Откуда в тебе столько анимы?

– Недостаточно. – Нил посмотрел на свои руки. – Когда ее много, хватает на магию.

Кадет медленно кивнул.

– Ты прав. А с учетом того, что представляет собой данное пророчество, вдруг ты и... Ладно. Иди за мной. Предсказание в управлении, и состоит оно не из слов.

Кадет выпустил собаку, и она потрусилась за ним. Нил побрел следом, припадая на ногу: она так до конца и не разморозилась. До него запоздало начало доходить, что совать нос в дела Ястребов было большой ошибкой, но так уж он был устроен: сначала делал, потом думал.

Они шли мимо одинаковых домов, где спали игроки, мимо арены, которая в полутьме выглядела как гигантское птичье крыло. Ни клочка земли, ни дерева, ни травинки, все улицы вымощены черным камнем.

Главное управление Ястребов на вид оказалось похожим на дома игроков, только просторнее и с окнами. Нил вошел, взволнованно озираясь, но внутри оказалось не так уж интересно. Он всегда думал, что Ястребы живут роскошно, но за дверью был просто коридор с дверьми. Стены украшали куски ткани с номерами победителей разных лет. То, что тут работают именно Ястребы с их фанатичной любовью к порядку, было очевидно: куски ткани были прибиты к стенам идеально ровно и на одинаковом расстоянии.

– Уютно тут у вас, – выдавил Нил, вспомнив из детства, что, попав в чужой дом, надо его похвалить.

Кадет бросил на него взгляд, который явно говорил о том, что у Ястребов такого правила нет.

– Тихо, – отрезал он. – Другие спят. Если тебя тут застанут, это будет контрпродуктивно.

Нил быстро закивал. Он такого слова не знал, Кадет часто пересыпал местную речь словечками из своего языка, – но, очевидно, это значило что-то вроде «тебя иссушат на месте». Другие Ястребы церемониться не будут – Нила аж передергивало, когда он вспоминал высокого типа, бывшего тех, кого угораздило посмотреть ему в глаза, и второго, который вечно лишал еды тех, кто мало злился на игре. Нил не хотел думать, чего лишат его, если тут застанут, и он поступил с этими мыслями так же, как с любыми неприятными мыслями, приходившими ему в голову: затолкал подальше и сделал вид, что их не существует.

Кадет толкнул одну из дверей, Нил зашел вслед за ним – и потрясенно застыл.

Комната была обычная, из мебели – только стол, заваленный стопками берестяных листов, и пара стульев. Но в воздухе над всем этим парило что-то невиданное: части каменной фигуры человека, разбитой на куски. Нил проводил взглядом ступню, проплывшую мимо. Тот, кто ее сделал, не поленился вылепить даже ногти, вены и выпирающие косточки.

– Это и есть пророчество. Проявилось из тени вечером, в мою смену. – Кадет поймал две мелкие штуки, кружившиеся в воздухе среди обломков: птичье перо и металлический кругляш. – Еще вот это. И запах. Мы проверили их всеми заклинаниями, которые знаем, – ничего. Обратились к теневой библиотеке, но не нашли прецедентов.

Последнюю фразу Нил вообще не понял, зато наконец сообразил, о каком запахе говорит Кадет. Слабая нота чего-то нежного и сладкого, неуместного здесь: ягод, цветов, солнечного луга. Нил покосился на монструма. Глаз у этого комка тьмы не было, но он все равно как-то

ухитрялся смотреть – Нил чувствовал его тяжелый, подозрительный взгляд. Уши у пса беспокойно подергивались.

– Раз послание пришло работнику игрового Селения, возможно, ключ к шифру – что-то, связанное с игроками, – настойчиво сказал Кадет. – Ты видел что-то подобное раньше?

Нил еле сдержал смех.

– Огромного каменного человека? Да кому такое в голову может прийти!

– Понятно. Это Колосс, символ утраченного величия. У одного из освобожденных нами народов была такая легенда. Я пробовал восстановить целостность, но...

Он сделал неуловимое движение рукой, и фигура медленно начала собираться. В комнате все равно не было места, чтобы она смогла встать в полный рост, но до этого и не дошло – стояло несколькими кусками, повинувшись едва заметным движениям пальцев Кадета, сойтись вместе, они тут же разошлись снова, будто какая-то невидимая сила отталкивала их друг от друга.

– Рассыпается, как ни пробовал. Значит, суть послания именно в том, что фигура уни-чтожена. Теперь это. – Он разжал вторую руку и показал Нилу мелкое черное перо. – Я проверил на соответствие – это перо стрижа. А стрижами мы называем...

– Народы, владевшие золотой магией. Я знаю, – перебил Нил. – Только не знаю почему.

– Монета не ваша, – продолжил Кадет, разглядывая блестящий кружок. – Она принадлежит другому освобожденному нами народу, с юга. А запах и вообще не может что-либо значить.

Нил еще раз принялся – у него даже во рту отдавалась эта сладость. Конечно, запахи могут что-то значить. Этот, например, означал...

– Теплый день в конце лета, – пробормотал он, и запах вдруг стал сильнее. Нил чуть не улыбнулся: он и забыл, как любит загадки. – Малина, грибы, земля и трава. И немного сухих листьев. О, а эти штуки одинакового размера, заметил? – Он взял у Кадета из рук монету и перо. – Может, они вместе должны быть?

– Детская логика, – бросил Кадет, и вдруг глаза между капюшоном и маской расширились.

Нил так засмотрелся на это невиданное зрелище – удивленный Ястреб, – что чуть не пропустил самое интересное. Монету и перо притянуло друг к другу, и монета начала плавиться, превращаться в жидкий металл, который растекся по перу и сразу застыл. Перо стало блестяще-желтым.

– Дело было не в монете, а в материале. Золото, – выдохнул Кадет. – И перо. Золотой стриж. – Он издал сдавленный, короткий звук. – О, Великий Магус.

Нил глубоко, с наслаждением вдохнул, сунув заледеневшие руки под мышки. Он понятия не имел, что творится и к чему это приведет, просто чувствовал себя таким головокружительно свободным, таким внезапно полезным и живым. Хоть бы его подольше отсюда не выгоняли.

– Это пророчество о вас, отсюда такое неразумное смешение форм. Тень хочет проверить, понимаем ли мы, как вы мыслите, поэтому имитирует вашу магию, – забормотал Кадет. Он выглядел таким сбитым с толку, что Нилу стало жаль его. – Разгадай его до конца. Мы давно ищем золотого стрижа, и это какое-то указание, как его поймать.

Он присмотрелся к статуе: прекрасная голова с шапкой неподвижных кудрей и пустыми глазами, тело в рубашке до колена, две ноги, две руки. Одна была расслабленно приоткрыта, а вторая сжата в кулак.

– А вы не пробовали разжать кулак? – спросил он. Там, где Кадет держал его локоть, кожа, наверное, уже посинела от холода. – Когда у человека кулак сжат, он там наверняка что-то прячет. Ну, как в той игре – «Угадай, в какой руке подарок».

– У тебя очень необычные ассоциации со сжатым кулаком, – сказал Кадет, но хватку на локте милостиво разжал. – Это просто символ мощи, угроза врагам.

Но кулак теперь не давал Нилу покоя. Ему вдруг пришло в голову, что этот каменный красавец был сделан одним из покоренных народов, а значит, если он и грозит кому-то кулаком, то, похоже, Ястребам. Он поймал руку за прохладное каменное запястье и попытался разжать пальцы. Те не поддались, но дрогнули.

– Можно посмотреть? – тихо сказал он, держа обеими руками каменный кулак. – Пожалуйста.

Кадет презрительно фыркнул, но белые пальцы начали медленно разжиматься. На каменной ладони поблескивал плоский металлический треугольник, и Кадет взял его.

– Лавровый венок и крыло. Герб Империи в руках Колосса, символа краха. Что... – Он подавился воздухом, и монструм в углу испуганно тявкнул. – Я не понимаю.

Треугольник поднялся в воздух над его ладонью и скользнул прочь, словно что-то притянуло его к остальным предметам. Нил широко улыбнулся, пользуясь тем, что Кадет не смотрит. Он и забыл, какое это приятное чувство: разгадать загадку. Вот это утро!

Золотое перо, герб, обломки статуи – все стянулось в середину комнаты, начало темнеть и таять, превращаясь в то, чем и было с самого начала, – в Тень. Холодное черное облако повисело несколько секунд в воздухе, а потом вытянулось в смутное подобие человеческой фигуры. Кадет упал на колени, монструм испуганно распластался на полу в плоскую тень в форме собаки, а Нил так и застыл посреди комнаты, не зная, куда податься. Теневой призрак негромко сказал что-то на свистящем, шелкающем языке Ястребов, а потом растаял.

Монструм принял нормальную форму и начал носиться кругами, глухо ворча, но остановить его Кадет не пытался. Он тяжело дышал, глядя прямо перед собой.

– Что он сказал? – шепотом спросил Нил.

– «Летним днем золотой стриж обрушит Империю Ястребов», – глухо произнес Кадет, и Нил почувствовал, что улыбка сползает с его собственного лица.

Кадет, пошатываясь, поднялся на ноги.

– Когда предсказание благоприятное, нужно потрудиться, чтобы оно стало правдой. Когда плохое, уверен, его можно предотвратить. Тень уже несколько раз предупреждала о золотом стриже. О том, что найдется представитель освобожденных народов, все еще обладающий анимой невероятной силы, и он будет опасен. Мы избавились от всех золотых магов, но... – Кадет сжал кулак. Взгляд его лихорадочно бегал, словно он с огромной скоростью о чем-то размышлял. – Раз пророчество пришло сюда, значит... Мы думали, золотого стрижа берегут и защищают, а он здесь. Один из четырех сотен жителей этого Селения. Знаешь, почему я тебе все это рассказываю?

– Потому что это я, – выдавил Нил. Эта мысль поглотила его полностью, и он не понимал, что чувствует: ужас, мучительную радость, все сразу. – У меня все-таки есть магия, да? Ух ты.

Кадет издал звук, отдаленно напоминающий смешок. Он смотрел на застывшего Нила так, будто готов его проглотить.

– Ты? Конечно, нет. Ты хилый и слабый. Но, думаю, я догадываюсь, кто это. Знаешь игрока по прозвищу Медведь? Он как раз из той команды, с которой вы сегодня играете. И ты мне... – Он запнулся, но заставил себя это произнести: – Поможешь его поймать. А в обмен получишь то, к чему стремишься: свободу.

Нил приоткрыл рот, но так и не издал ни звука. Он еще никогда не чувствовал себя таким беспомощным и хилым, таким одиноким и не вовремя улизнувшим из дома.

Четверть часа спустя Нил вышел на улицу и побрел домой. Монструм, высланный Кадетом в качестве сопровождения, взволнованно вился у его ног.

Воздух посветлел, приближалось утро. После того как Нил зашел к себе, монструм еще постоял у двери, а потом отправился восвояси: пятно тьмы на несуразно коротких ножках. Нил дождался, пока он точно скроется из виду, выскользнул обратно и бросился в сторону Изгороди.

К счастью, нюх подвел чудо-пса и на этот раз. Нил беспрепятственно добрался до стены, отделяющей Селение от внешнего мира, и, задыхаясь, остановился. Спина взмокла так, что рубашка прилипла. Изгородь уходила высоко вверх, перелезть было невозможно: верхний край уничтожал любой предмет, который через него перебрасывали.

Нил трясущейся рукой вытащил из кармана увесистый черный шарик, который дал ему Кадет. Шар нерушимого обещания, вот как это называется. Оказалось, так у Ястребов заключают сделки. Если Нил покажет эту штуку любому Ястребу после того, как Медведя поймают, тот обязан будет выполнить обещание, которое Кадет нашептал этой штуке: немедленно отпустить Нила на свободу.

– Твари крылатые, – выдавил Нил, подрагивая от страха, злости, разочарования, от всего, что годами не позволял себе чувствовать.

Он так бережно хранил аниму все эти годы, не ругался, не злился, не грустил, не боялся, никогда не позволял себе думать плохо даже о Ястребах. Нил был одержим тем, чтобы остаться хорошим, и вот куда это привело: золотая магия все-таки есть, только не у него. Ястребы хотят, чтобы он подставил бедолагу, а если не подставит, ему самому конец.

В мире до нашествия такого никогда не произошло бы, там хороших всегда награждали, плохих наказывали, а мечты исполнялись. Этот мир жил по законам анимы, светлой стороны души, которая становится сильнее от добрых чувств и поступков. Надо только не пускать в свое сердце Тень, не совершать зла, и твоя анима будет сиять, как солнце, а ее мощи хватит на что угодно.

А потом пришли Ястребы, и вдруг выяснилось, что обратная сторона души, Тень, тоже может порождать магию, холодную и темную, но мощную, как удар граблями по лбу. Говорят, Ястребы когда-то были людьми, но служение Тени превратило их в чудовищ, вот они и закрывают нижнюю половину лица. Их магия питается страхом, гневом, печалью, и под ее натиском мир золотой магии, хрупкий, как яичная скорлупа, рухнул. Нил закусил губу, чтобы не вспоминать. Он был совсем мелким во время нашествия, но главное помнил даже он. Ястребы захватили чужие земли, уничтожили все, что работало на золотой магии, убили всех добрых магов и забрали детей, чтобы они...

Нил сжал стеклянный шарик и быстро, чтобы не передумать, швырнул его через Изгородь. Долетев до верха, тот разорвался на сотню искр и исчез. Нил сгорбился и уперся ладонями в колени. Мир Ястребов работал по правилам, и эти правила вряд ли предполагали, что он выбросит свой единственный шанс на спасение. Кадет, скотина, не учел одного.

– Я не раб, – процедил Нил, с удивлением чувствуя, что сейчас заплачет. – Скотские вы уроды, я не раб.

Он прижал ладонь ко рту, чтобы уродливые, непривычные всхлипы, которые царапали ему изнутри грудную клетку, не вырвались наружу. Нет, нет, грусть – не выход, а то он ноги протянет и без участия Ястребов. Он много раз видел, как люди сами себя иссушают слезами – у золотых народов анима по-прежнему слабеет от любых плохих чувств.

– Все хорошо, ты хороший, – тихо сказал Нил и потрепал себя по плечу, стараясь не думать о том, что более жалкое зрелище даже вообразить трудно. – Ты справишься.

Как ни странно, помогло: плохое чувство разжало хватку, и он хотя бы смог дышать. Нил кожей чувствовал, что до побудки совсем немного времени, и со всех ног бросился дальше: нужно было успеть кое-что еще, прежде чем прозвонит колокол.

Команда Медведя, «Снежные вершины», жила в доме номер пять. Нил протиснулся в приоткрытую дверь, оглядывая знакомую картину: двадцать человек мирно спят на своих матрасах, укрывшись одинаковыми одеялами.

– Эй, Медведь, – шепотом позвал Нил.

Никто не шевельнулся. Игра выматывает, после нее все спят как убитые почти сутки – до следующей игры. Нил пошел вдоль ряда спящих, выискивая, чьи ноги торчат из-под одеяла

дальше всего, – Медведь отличался огромным ростом. Ага, вот и он! Нил присел и встряхнул его за плечо. Трясти пришлось долго, и наконец глаза Медведя, припухшие со сна, с трудом приоткрылись.

– Что? – хрипло спросил он, щурясь в полумраке. – Ты кто такой?

– Номер Шесть Четыре Пять Два, из команды «Непобедимые».

– Тот криворукий придурок, который ни одного боя не может выиграть? – простонал Медведь. – Пошел вон отсюда.

– Эй, слушай. Я знаю, кто ты.

– Чего?

– Знаю твой секрет. – Нил подмигнул на случай, если до Медведя не дошло. – Не бойся, я на твоей стороне. Они узнали, что ты здесь, и хотят тебя поймать во время игры. Если ты можешь сделать что-то такое, ну, волшебное, делай прямо сейчас.

– Да что ты несешь? – Медведь попытался отвернуться. – Который час?

– Ты ведь можешь освободиться? – Нил оглянулся. Ему вдруг показалось, что кто-то следит за ними. Все вроде бы спали, но ощущение взгляда в спину не исчезло. – Слушай, возьми меня с собой. Пожалуйста, я все сделаю, буду тебе лучшим помощником!

Медведь посмотрел на него как на сумасшедшего. Хорошо же этот здоровяк, оказывается, умеет притворяться! Раздражение он изображал просто блестяще.

– Ладно, я понимаю. – Нил через силу улыбнулся, не давая себе загрузить. – Все, я пошел, а ты скрывайся быстрее. За меня не волнуйся, я никому не скажу, что ты сбежал.

– О да, а то я так за тебя волновался, – проворчал Медведь и толкнул его в плечо. – Проваливай, придурок, спать не мешай.

– Удачи, – выдохнул Нил и бесшумно бросился к двери.

Он постоял на улице, надеясь перехватить Медведя, когда тот выйдет, но в доме было тихо. Ладно, золотому стрижу лучше знать, когда лучший момент для побега. Нил подавил вздох и кинулся домой. Не так он себе представлял героя, который всех спасет, но уж ладно, выбирать не приходится.

В его доме было тихо, все спали. Нил рухнул на свой матрас. Сердце быстро колотилось, и даже сил как будто прибавилось. Странно: холод Ястребов отнимает аниму, а он за это утро надрожался на месяц вперед, но почему-то чувствовал себя отлично. Нил сонно представил, как Медведь взмахивает своими могучими ручищами и из них вырываются золотые искры, Изгородь рушится, а за ней – лес, и цветы, и свобода.

Что именно он сделает, когда вернется домой, Нил придумать не успел – на Селение обрушился звон колокола, оглушительный и настойчивый, как головная боль. Наступило утро.

Глава 2

Стриж

Из-за стены доносился рев зрителей, а в раздевалке было тихо. Команда «Непобедимые», не оправдывая своего названия, тряслась, как зайцы. На Нила все смотрели так, будто он предложил выйти на арену голыми.

– Ты? – повторил Кирпич. – Ты – против «Снежных вершин»? Да ты даже у нас в команде на последнем месте по очкам! А наша команда и так на последнем месте!

– Ну, значит, и терять нам нечего, – с жаром сказал Нил. – Слушайте, я прямо чувствую, что сегодня – мой удачный день!

Все с сомнением переглянулись, а Нил расправил плечи, безуспешно пытаясь придать своей хилой фигуре молодцеватый вид. Вызваться на бой ему велел Кадет, и хоть в этом Нил собирался его послушать: Медведя, конечно, уже след простыл, но лучше делать вид, что он не имеет к этому отношения. Прикинется удивленным, что Медведь не явился, вызовет на бой кого-нибудь другого, быстренько проиграет, и это уже будет неважно, потому что сегодня, конечно же именно сегодня, теплым летним – где-то за Изгородью – днем Медведь спасет их всех. Иначе какой же он золотой стриж?

– Идемте, ребята, – сказал Нил, окидывая взглядом девятнадцать невеселых, бледных лиц.

«Непобедимые» так выглядели каждый раз, когда была их очередь играть. «Вершины» сейчас небось бьют себя кулаками в грудь и выкрикивают: «Вперед, к победе!» Нил зашагал к выходу, почти с нежностью оглядывая раздевалку. В этом узком каменном зале членам команды полагалось надевать на рукав повязку своего цвета – в их случае зеленого – и обсуждать стратегию игры, чтобы не подслушал никто из конкурентов. Стратегия команды «Непобедимые» обычно заключалась в подавленном молчании и бесконечном повторении фразы «Мы все равно проиграем». Игроков каждый год перетасовывали, чтобы никто не успел подружиться, но эта команда была для Нила самой подходящей из всех. Обычно на него злились за то, что он вечно проигрывал, а тут все были как из одной большой семьи: слабаки, неудачники и паникеры.

– Команда «Непобедимые»! Встречайте яростным криком! – бесцветным ястребиным голосом возвестил где-то снаружи Мастер Игры.

На трибунах затопали ногами, взревели громче, и Нил первым шагнул из коридора на свет.

Игра была устроена очень просто. Селение – это шесть Ястребов и несколько сотен представителей освобожденных народов: парней от двенадцати до двадцати с чем-то лет. В начале года Ястребы делили их на команды и составляли расписание игр. Каждый день – один поединок двух игроков из разных команд. Выигрыш приносил очки, проигрыш отнимал. Все, кто в тот день не выступал, подбадривали игроков с трибун криками вроде «Давай, врежь ему!», а Ястребы следили, чтобы все злились как следует и не отлынивали. В конце года начиналось самое интересное: игроки команды, у которой больше всего очков, начинали сражаться между собой, пока не останется всего один победитель. Он получал главный приз: его выпускали на свободу. Потом команды снова перемешивали, и все начиналось снова. Друзей тут не заведешь, все следили друг за другом, как волки за козами: любые знания о других, любые их слабости могли пригодиться, потому что однажды бывшие союзники обязательно станут противниками.

Когда «Непобедимые» вышли на арену, с трибун в них полетели мелкие камешки – так обычно приветствовали слабые команды. Нил покосился туда, где сидели Ястребы. Неподвижно, все шестеро в ряд, у каждого в руках трофеи – то, ради чего они все тут и собрались. Обычно трофеев было два-три, но сегодня Нил успел разглядеть перстень с ярким камнем,

меч, кубок, полотнище темной ткани и пару каких-то невиданных штук. Глаза Ястребов между капюшонами и масками были пустые, как всегда, но Нил сегодня понял, как выглядит у Ястребов волнение, – как потеря контроля над монстром. И, похоже, они здорово беспокоились: черные щупальца Тени за спиной Господина Черепа колыхались бодрее, чем обычно, здоровый теневой пес, сидящий у ног другого Ястреба, тяжело дышал, а уж собачонка Кадета вообще не находила себе места.

– Кто будет сегодня отстаивать вашу честь? – спросил Мастер Игры, наклонившись к «Непобедимым» со своего возвышения.

Теневая птица, сидевшая у него на плече, нахохлилась и спустила перья, когда Нил шагнул вперед. На трибунах сдавленно охнули: Нил еще ни разу в жизни не вызывался играть сам.

– Номер Шесть Четыре Пять Два, стоимость – один балл, – невозмутимо сказал Мастер Игры, посмотрев в лист бересты перед собой. – А теперь встречайте – команда «Снежные вершины», фавориты! Ревем!

Народ яростно вскинул вверх кулаки, а Нил замер как вкопанный. Медведь был на месте. Шагнул себе во главе команды, самодовольно оглядывая трибуны. Почему он еще здесь? Нил попытался поймать его взгляд, понять, что ему делать, но Медведь будто забыл про него.

– Выбирай противника, – сказал Мастер Игры, повернувшись к Нилу.

Ему пришлось повторить еще раз с тем же железным, брякающим акцентом, прежде чем Нил расслышал его за шумом в собственных ушах. Медведь, наверное, придумал что-то очень умное, иначе почему он еще здесь?

– Я... – Нил сглотнул, а трибуны тут же начали передразнивать его неуверенное бляние, – выбираю Медведя.

– Номер Пять Один Пять Ноль, стоимость – двадцать баллов, – невозмутимо возвестил Мастер Игры.

Медведь вытарачился на Нила, от удивления забыв даже засмеяться. «Непобедимые» от ужаса схватились за головы.

– Ты рехнулся? Мы двадцать очков потеряем, а это, считай, все, что у нас есть! – простонал Крепыш у Нила за спиной.

Самый успешный член команды стоит двадцать очков, самый слабый – единицу. Если побеждаешь, твоя команда получает столько очков, сколько стоил противник, проиграешь – столько же очков вычитают из вашего счета, так что разговоры обычно крутятся вокруг того, кого лучше выбирать: равного тебе, сильнее или слабее? Рискнуть и получить больше или выбрать кого-нибудь подешевле?

У Нила таких проблем не было – он годами оставался единицей, так что сражался только с неудачниками и без угрызений совести им проигрывал: хорошие бойцы не будут размениваться на бой, который принесет всего единицу. Нил берег аниму, а остальные готовы были драться до последней капли сил, чтобы выиграть и вернуться домой. Каждый год в процессе кто-то иссыхал сам, растеряв всю аниму, но команды пополняли, откуда-то всегда появлялись новые дети.

И ни разу еще такого не было, чтобы единица выбрала двадцатку, ведь исход такого поединка ясен сразу. Вздораженные трибуны заходились таким свистом, что трофеи начали наполняться Тенью еще до начала игры: перстень заблестел ярче, ткань вздулась и опала, будто задышала. Оказавшись там, где много теневых чувств, сделанные ястребиными мастерами предметы напитываются ими и обретают волшебные свойства, нужные Ястребам. А арена – это место, где всегда есть чем поживиться: бой, крики, ярость, страх, злость победителей, разочарование проигравших.

– Выбирай, – сказал Мастер Игры и махнул рукой в сторону стола с игровым оружием.

В обычный день Нил выбрал бы браслет правды, как самое безобидное оружие, – хоть интересно, о чем спросят. Но тут, чувствуя затылком взгляд Кадета, он потянулся к плети отча-

яния, как тот и велел. Медведь разочарованно взял вторую плеть, проводив жадным взглядом меч ярости, лежавший рядом.

Нил сжал в руке плеть и чуть не ахнул от того, какая же она холодная: снаружи это незаметно, но Тени в ней полно, это уже не игровое оружие, настоящее, – Кадет выполнил обещание.

«Я усилию ее во много раз. Всего один удар, и он побежден», – сказал утром Кадет.

Что же делать? Медведь отлично изображал увлеченность игрой – поигрывал плетью, кланялся трибунам, – а лучше бы подал Нилу знак, как быть. Остальные члены команд уже отошли на свои скамейки, на круглой каменной арене остались только Нил и Медведь.

– Поддержите воинов, пусть ваш яростный рев слышат даже за Изгородью! – объявил Мастер Игры и приготовился записывать количество очков. – Бой номер два один три объявляю открытым.

Медведь не зря был фаворитом – Нил даже подумать не успел, а тот уже подскочил к нему и хлестнул плетью по плечу. Больно не было, веревки мягкие, только холодно.

– Какой у тебя план? – отчаянно зашептал Нил, пятясь назад.

– План? Показать тебе, где раки зимуют, единичка, – разозлился Медведь. – Думал, отвлечешь меня с утра своими бреднями и я тебе проиграю?

Говорить во время боя не запрещалось – игроки всегда старались задеть друг друга словами, чтобы заставить пропустить удар. Плеть попала Нилу по шее, и он зашипел от холода. Свое оружие он даже поднять не пытался.

– Из-за тебя я потерял свою очередь выбирать противника, – процедил Медведь и снова стегнул его плетью. – А теперь ради одного балла выставляю себя идиотом, трачу свою мощь на такую козявку! Я, который двадцатку мог бы заработать! Тебе жить надоело?

Краем глаза Нил заметил, что трофеи сияют все ярче, – похоже, злости у Медведя было на троих. У Нила зануло под ложечкой: что-то тут было не то, что-то очень простое, но он не понимал.

Он растерянно посмотрел на трибуны – искаженные лица, крики: «Медведь, размажь его!» А вдруг и нет никакого стрижа и это все – какой-то злой розыгрыш? Плеть ударила снова и снова, Медведь не скупился, и до Нила наконец начало доходить, что делает это оружие: он, который никогда не давал воли отчаянию, с каждым ударом чувствовал его все сильнее. Плеть по кусочку отнимала аниму, оставляла только Тень: безнадежность и страх.

Он все равно проиграет. Нет никакого стрижа и никакой золотой магии. Он останется здесь, и никто его не спасет. Останется здесь навсегда.

– Медведь, пожалуйста, скажи, что мне делать, я все сделаю, – пробормотал он. Язык заплетался, словно холод добрался уже и до него. – Ты же волшебник!

– Ты свихнулся? – Медведь яростно хлестнул его по груди, и у Нила сжалось сердце. – Дерись, не стой столбом!

Нил посмотрел на чудо-плеть в своей руке. Сейчас Медведь не ожидает атаки, все получится.

«Надо застать его врасплох. Золотая магия хитра и непредсказуема, она всегда защищает носителя, и, если бы мы пришли за стрижем сами, она бы его спасла, – объяснял утром Кадет. – Ты должен нанести всего один удар».

Вот только если Кадет ошибся и Медведь обычный парень, такой удар иссушит его на месте. А если Медведь все же тот, кто всех спасет, этот удар отнимет огромный кусок его анимы, и он не сможет сопротивляться, когда его схватят.

В глубине души всегда знаешь, как поступить, главное – не думать слишком долго. Поэтому Нил разжал руку, и плеть упала на камни.

– Если ты можешь что-то сделать, пожалуйста, делай сейчас, – выдал он.

Медведь в ответ дал ему плетью по коленям так, что Нил растянулся на камнях. Шум вокруг медленно сливался в однородный гул.

– Подними ее и дерись! – прошипел Медведь. Он не привык к таким скучным, бездарным, коротким играм. – Слабак, ты идиотом меня выставляешь! Бейся!

Нил перекатился на спину и поднял руки – знак того, что сдается, но Медведь ударил его снова, с искаженным лицом, будто не мог остановиться. Кто-то с трибун крикнул: «Ты чего, последнюю аниму выбьешь!», остальные жаждали, чтобы Медведь продолжал, трофеи все ярче горели холодным злым светом. Если бой настолько выходил из-под контроля, его останавливали и делали предупреждение, но сейчас Мастер Игры молчал.

– Медведь, ты же не такой, – забормотал Нил и вдруг понял, что не сможет подняться, даже если захочет, – все тело налилось холодной тяжестью. – Не... Не надо.

Мама когда-то учила его, что в каждом есть что-то хорошее. Это было до того, как их землю захватили, но Нил продолжал в это верить, потому что мама верила, и если только он перестанет, то больше никогда не найдет к ней дорогу.

– Ты не такой, – с заложенным носом повторил он. Сердце билось все медленнее, словно на грудь ему положили что-то тяжелое. – Эй, ты же хороший парень.

– Хороших парней здесь давно уже нет, – выдавил Медведь. – И я отсюда выйду. А ты – вряд ли.

И откуда-то из глубины тупой, холодной печали, в которую каждый удар погружал его все глубже, Нил подумал: «Медведь не виноват». Все они тут обзлюлись, и никакого золотого стрижа здесь нет и быть не может, да и хороших парней, наверное, тоже. Бой закончится, все съедят по миске еды и разойдутся, продолжая обсуждать игру, и проспят до пробуждения следующего дня, неподвижные, как камни.

Медведь занес плеть с такой силой, что она со свистом рассекла воздух, и Нил зажмурился. Под веками что-то вспыхнуло, его окатило теплом, и он был уверен, что это конец, но удар так и не достиг цели. Медведь глухо вскрикнул, а потом вокруг стало совершенно тихо, и Нил приоткрыл глаза.

В воздухе висело теплое золотое сияние, будто подсвеченная солнцем пыль. Медведь стоял, глупо вытаращив глаза и уронив плеть на камни. Нил сощурился – он давно не видел таких ярких красок. Потом он с удивлением понял, что ему больше не холодно, как будто что-то согревает его изнутри. А потом до него дошло.

Он медленно опустил взгляд и посмотрел на себя. Сияние исходило от него, окутывало золотистой дымкой.

– Ого, – сказал он и, наверное, сказал бы что-нибудь еще, но тут к нему скользнула мерзкая масса черных щупалец, шмякнулась на него всем своим весом и прижала к камням.

Монструм Господина Черепа был таким холодным и отвратительно скользким, что Нил съезжился, в слепой панике вжимаясь в камни. Кто-то с нечеловеческой силой схватил его за запястье, и он всхлипнул от облегчения – ему показалось, что рука сейчас выдернет его из-под этого отвратительного студня. Но рука застегнула у него на запястье что-то металлическое, ужасно тяжелое, и только потом рывком подняла на ноги. Нил вскинул глаза, трясаясь как осиновый лист. Рядом стоял Кадет. Нил даже не думал, что его безжизненный взгляд в принципе способен выражать такое торжество.

– Это браслет смертельного холода, – громко объявил Кадет. – В нем ты не опасен.

Нил и не собирался быть опасным, он только стоял и думал о том, как больно эта тяжеленная штука оттягивает руку. Золотое сияние в воздухе медленно осыпалось, сияющие крупинки гасли.

– Золотой стриж – это я? – заплетающимся языком начал Нил. Его отупевшие от многолетней рутины мозги не способны были соображать с подходящей для такой ситуации скоростью. – Тогда зачем ты...

– Конечно ты, кто еще это мог быть? – сказал Кадет. Он говорил так, словно хотел, чтобы его слышали все, до последнего ряда трибун. – Я сразу понял это, когда услышал пророчество. И разработал план, который позволит убедиться в этом, а также обезвредить тебя на глазах всего Селения.

«Вот гад», – беспомощно подумал Нил, но даже в этой мысли не было настоящей злости: теплое, щекочущее чувство в груди так и не исчезло, оно отвлекало от осознания беды.

– А почему я Изгородь уничтожить не мог? – все-таки спросил он.

– Потому что у тебя не было золотой магии, – хвастливо, с удовольствием ответил Кадет. – Ты копил аниму. Видимо, очень долго. И накопил очень много. Но из курса по золотой магии в Академии я знаю, что анима превращается в золотую магию, только когда совершаются какие-то определенные поступки. У вас тут обычно нет повода их совершать, и я дал тебе повод. Мой монструм следил за тобой, он умеет быть незаметным, если надо. Ты выбросил шар. Предупредил Медведя. Не использовал оружие. Основа золотой магии – это доброта, самоотверженность и любовь к жизни, своей и чужой. – Кадет скривился, будто ему даже говорить такие слова неприятно. – Ты поступил в соответствии со своим кредо, а я выполнил задание Тени – не дал предсказанию сбыться.

Он обернулся, и Нил кое-как повернулся вслед за ним. Рядом стояли все Ястребы, слушая Кадета так, будто он выступал на собрании, и они вполне одобряли его сообщение. Нила прямо затошнило от того, что они даже сейчас выглядели такими же замороженными, как обычно, разве что монструмы у их ног слегка волновались. Дать бы им всем по их затянутым масками физиономиям.

– Поэтому сегодня на игре так много ценных трофеев. Вы почувствуете большую печаль, и они наполнятся, – сказал Кадет, обращаясь к зрителям на трибунах. Те стояли, вскочив со своих скамеек, и Нил ясно, как никогда, заметил, что добрая половина из них – совсем дети. – Этот игрок – золотой стриж. Последний обладатель вашей магии, последняя надежда ваших народов, тот, кто должен был спасти ваши земли от нас. Попрощайтесь с ним.

Ястребы одобрительно кивнули.

– Ты волшебник? – спросил Медведь, до которого, похоже, наконец-то дошло.

Нил хотел ему улыбнуться, чтобы Медведь понял, что он на него не злится, но от этого мерзкого браслета холод полз по всему телу, оттесняя тепло глубже, и лицо больше не слушалось.

Ноги подогнулись, и он упал на камни, вдруг подумав о том, что где-то под ними, глубоко под ними – земля, дающая силы всему живому. Земля, которую он больше никогда не увидит.

– Пожалуйста, – пробормотал он, распластав руку с браслетом по камням, – я хочу домой.

Сознание путалось, уплывало, но на секунду он будто превратился в абсолютную, бесконечную надежду. И ничего не произошло.

Нил тупо смотрел, как серебристый браслет на его руке начинает сиять сильнее. Когда вся твоя жизнь принадлежит Ястребам, нечего удивляться, что она так заканчивается. Его надежда ничего не стоит, его никто не спасет, и сердце как будто сплющивалось, становилось сухим и старым, лишенным радости, и жизни, и волшебства, потому что все это – одно и то же.

Вот он, момент, когда все заканчивается. Финал истории, бесславное прощание, ни ясности, ни откровений. Но эта история – о земле, которая все еще была полна волшебства, о земле, населенной не только людьми.

И это – момент, когда все началось.

Там, где неподвижная, заледеневшая рука Нила прижималась к черным камням, что-то вдруг ударило о плиты с другой стороны, будто огромная ладонь пыталась соприкоснуться с его ладонью сквозь слой камня, который их разделял. Пол арены задрожал, а удар повторился снова, и снова, и снова. Каменные плиты начали трескаться, вокруг закричали, свет стал каким-

то странным, и Нил даже нашел в себе силы перевернуться на бок, чтобы посмотреть, в чем дело.

Когда пол треснул, похоже, сломалось что-то в защите, которую Ястребы наложили на Селение. В безжизненном сером небе, которое годами не меняло цвет, появилась прореха, и она ширилась, открывая полосу голубого неба. Толчки из-под земли прекратились, и теперь игроки на трибунах, Медведь, Ястребы – все смотрели вверх, запрокинув головы. Нил внезапно нашел в себе силы сесть. Браслет по-прежнему оттягивал руку, но Нил запоздало понял то, что за пеленой страха как-то не дошло до него раньше: он может освободиться, если захочет. Магия этой злобной штуковины сильна, но не сильнее, чем он.

Поэтому Нил схватил свободной рукой браслет и рванул его с запястья. Он чувствовал, что ладонь у него теплая, и от этого тепла браслет раскрошился, словно был сделан не из металла, а из древесной коры. Осколки упали на искореженный пол, и Нил рассмеялся. Он попытался встать, но грудь кольнуло такой яркой, молниеносной болью, что в глазах потемнело, – видимо, последние силы ушли на борьбу с браслетом. Краем глаза он видел Ястребов, которые подходят к нему, обступают со всех сторон, и разрешил своему телу провалиться в сон, из которого вернуться не надеялся.

Но он вернулся.

Глава 3

Та, кого ты позвал

Нил пришел в себя и долго смотрел в темноту. Он лежал на чем-то – какая неожиданность – холодном. Голова трещала, ныли руки, связанные за спиной, но в остальном Нил вроде был цел. Он повторил это мысленно несколько раз, чтобы прибавить себе мужества, но прибавляться оно что-то не желало. Непросто быть мужественным, когда валяешься в крошечном темном помещении, где единственный источник света – это контур запертой двери.

Холод тут стоял лютый, и, потрогав щекой пол и стены, Нил сообразил почему. Все здесь было выложено тем же камнем, из которого сделана Изгородь: гладким, ледяным, забирающим аниму. От этой новости Нил окончательно сник. Все, что произошло на игре, казалось далеким и фальшивым, – будто не он избавился от браслета и расколол небо над Селением, а его храбрый удачливый двойник, который теперь растворился без следа.

Нил знал всего один способ решить любую проблему: сделать вид, что ее не существует, и ждать, пока она действительно не перестанет существовать. Не выходит с магией? Пробуй дальше. Оказался в одной команде с редкостным козлом? Жди нового сезона. Простудился холодной зимой? Жди весны. Поэтому Нил лег, кое-как пристроив неудобно вывернутые руки, и стал мечтать, чем бы их сегодня покормили, если бы игра прошла как обычно. Может, супом. Может, даже рыбой. А скорее всего, разваренной пшеничной кашей.

Он почти успел забыть, где находится, когда вдалеке раздался шум. Сначала Нил решил, что за ним пришли Ястребы, и сделал вид, что спит, как будто это заставило бы их уйти. Но тут до него дошло кое-что очень странное: звук доносился не из-за двери, а снизу, словно в толще земли шевелились и стучали друг о друга камни.

Пол треснул. Нил быстренько на это глянул и зачем-то прикинулся спящим еще более старательно. Если вылезет жуткая тварь, лучше не знать.

Каменные плиты пола со скрежетом разъехались, запахло влажной землей, зашуршало что-то похожее на листья: тихий древесный звук. Нил вдруг ощутил присутствие – никто не пытался его проглотить, но кто-то определенно смотрел на него, и это было так страшно, что он задержал дыхание, надеясь, что жуткое чувство уйдет.

Не ушло.

– Поздравляю, мертвого ты изображаешь отлично, – сказал голос, хрипловатый и высокий одновременно. – А теперь сделай ровно наоборот.

Чего от него хотят, Нил не понял и обдумывать не стал. Куда больше его взволновал голос – он когда-то слышал такие же высокие ноты, когда-то очень давно.

А потом он сообразил. Голос был женский.

Нил сел так резко, что едва не треснулся головой о низкий потолок. Женщины – это мама, бабушка, соседки и их дочери, они все хорошие и ничего плохого не сделают. От той, которая появилась в этой клетушке, его отделяла широкая трещина в полу, множество растений, с чего-то облепивших все вокруг, и густая темнота, но да, да, это определенно была женщина: длинные волосы, юбка до пола. Она сидела в углу, подтянув к груди колени, и в упор смотрела на Нила – глаза разглядеть не получалось, но от взгляда мурашки по спине бежали: прямой, тяжелый, как у Мастера Игры, заметившего нарушение правил.

– Мне холодно, – заявила она так, будто он в этом виноват. – И темно. И я не разговариваю со связанными. Особенно с теми, которые держат в руке ключ от свободы, но предпочитают валяться и жалеть себя.

Нил пошевелил заледеневшими пальцами. Никакого ключа в них не было. Женщина вздохнула.

– Хороший ты парень, – сказала она. – Но тупой, прости меня, как дерево.

Нил перебрал в голове ответы один другого хуже: «Я не тупой», «Вы кто?», «У меня нет ключа», «Деревья не тупые» – и заставил себя промолчать, чтобы не позориться. И плечи расправил, насколько позволяли низкий потолок и связанные руки.

– Желания – основа магии. – Гостья вдруг подалась вперед и тронула его плечо. Нил вздрогнул всем телом. Последние десять лет к нему прикасались только на игре и только оружием. – Чтобы освободиться, нужно этого захотеть. Вот так все просто. Особенно для тебя.

– Я... – Нил прокашлялся, но голос звучал жалко и тихо. – Я правда волшебник?

– Нет, это была забавная шутка, – фыркнула она. Серьезные глаза улыбнулись, рука ласково сжала его плечо. – Нужно выбираться, пока это место тебя не прикончило. Постарайся, хорошо?

И он постарался.

Теплое прикосновение. Добрый голос. Улыбка в полутьме. Ему хотелось суетиться, делать глупости, производить впечатление, говорить с ней и чтобы она улыбалась, постоянно улыбалась вот так. Нил вдруг почувствовал то, что отняла у него эта ледяная комната, выложенная волшебным ястребиным камнем. Он почувствовал себя мучительно живым.

Веревки больно впивались в кожу, и Нил сосредоточился: эта боль и еще другая, в затекшей спине, ровное биение сердца, прохладный воздух на лице. Давай, болван, не зря ты столько лет тренировался, не так уж все и плохо. В груди потеплело, тепло скользнуло в руку, и Нил, не думая, что делает, осторожно подцепил веревку на запястьях. Та неожиданно потянулась за его пальцами, мягкая и липкая, как смола. Нил содрал ее с себя и поднес к глазам. Обрывок был по-прежнему похож на веревку, но в волокна вплетались тонкие золотые нитки, которые гасли прямо на глазах, осыпались, как цветочная пыльца.

– Хорошо, теперь сделай посветлее, – подбодрила гостья. – Я долго тебя искала, хочу разглядеть.

Нил сосредоточился на ее словах и потерял руки друг о друга. Между ладоней проскользнули искры, потом руки засияли, словно он измазал их золотой краской. Настоящий волшебник, наверное, смог бы превратить это сияние во что-то осязаемое, но Нил понятия не имел, как это сделать, и просто размазал его по стене.

От соприкосновения с камнями, наполненными Тенью, сияние едва не погасло, но Нил держал руку, пока золото не вспыхнуло снова, не пропитало камни, яркими прожилками перетекая с одного на другой. Его кто-то искал. Долго. Эта мысль обжигала так, что сияние расплзлось по всем стенам и потолку, переплетаясь с растениями.

Пол, видимо, пробили вот эти крепкие стебли, похожие на исполинский вьюнок. Нил замороженно провел по ним рукой. Он с детства не видел растений. На ощупь они были точно такими, как он помнил, – прохладными, влажными и живыми. Нил перевел взгляд на женщину – и замер, удивленно приоткрыв рот.

По голосу он представлял ее старше, но она была почти одного возраста с ним – и такая прекрасная, что Нил сглотнул. Его поразила даже не кожа, похожая на чистый, нетронутый снег, и не глаза какого-то яркого цвета, название которого он от потрясения забыл. Его поразили вызов, который был в каждой ее черте: во взгляде, в том, как она сидела, выпрямив спину и сцепив на коленях пальцы. О девушках он не знал совершенно ничего, но одно понял сразу: эта никому не покоряется и сама решает, что делать. И если она сидит рядом с тобой, значит, именно здесь она в данный момент хочет быть. По спине у Нила поползли мурашки. Несмотря на живое лицо и растрепанные рыжеватые волосы, было в этой красавице что-то зимнее, прохладное, навевающее воспоминания о сказках, о холодной воде и непокорных течениях.

– Ты озерная дева? – брякнул он, вспомнив мамины истории о повелительницах воды, которые превратят тебя в рыбешку, если будешь купаться в неполюженном месте.

Она задумалась так, будто этот вопрос требует тщательных размышлений.

– Если нужно, – наконец ответила она. – А теперь мой вопрос. Ты готов отдать ради своей земли самое дорогое, что у тебя есть?

Нил хотел было ответить, что у него даже сменной рубашки нет, но она его перебила:

– Ладно, давай-ка с самого начала. В этих краях есть всего одна земля, сохранившая золотую магию. Ястребы называют это место Квадрат Ноль Ноль и ломают об него зубы – или клювы, или что там у них, – уже десять лет. А попасть туда не могут. Это место защищает купол, который создал его дух-защитник, – он пожелал отдать за свою землю всю аниму, из которой был соткан, а такое рождает волшебство огромной мощи, его никакая теневая магия не берет. Но Ястребы пытаются – пророчества им обещали, что гибель их Империи придет оттуда, так что Магус отдал бы собственное крыло за тот клочок земли.

– Получается, все хорошо, да? – слабым голосом спросил Нил, чувствуя, что надвигается какое-то «но».

– Нет, – отрезала гостья. – Потому что и купол, и магия самой земли обещали. Они не пополняются анимой и очень скоро исчезнут. И тогда Ястребы сделают то, что проделывали на каждой захваченной территории: найдут место силы, питающее магией этот край, и заберут его себе. Превратят землю света в землю Тени, ясно? Жители больше не смогут им сопротивляться, существа и места-помощники исчезнут, единственный оплот золотой магии падет.

Нил сглотнул. Не настолько он был тупой, чтобы не догадаться, куда движется разговор.

– Я должен пойти туда и отдать земле самое дорогое. Аниму. Тогда силы к ней вернуться.

Красавица одобрительно кивнула и сжала оба его запястья.

– Никто не рождается волшебником. Магию можно соткать только из самого себя, из своего сердца, а ты сохранил надежду и радость в самые темные времена. Если найдешь место силы и коснешься его, оно снова засияет в полную силу. Ты сохранишь последнюю землю доброй магии. Но будь осторожен: Ястребы ненавидят таких, как ты. Они постараются убить тебя или сделают кое-что гораздо хуже, а твои силы не бесконечны.

Вся эта речь слилась для Нила в приятный гул, потому что она продолжала держать его за руки, и от этого он чувствовал себя так, словно покачивается на волнах. Даже просиял от счастья. В буквальном смысле: уровень освещения в тесной клетушке резко скакнул.

– Ты все понял? – с нажимом спросила она, и меньше всего Нилу хотелось отвечать: «Нет, я болван и все прослушал».

– Э... Да. – Он прокашлялся. – Ты же мне поможешь?

– Справишься без меня. Не стоит недооценивать силу армии, состоящей из одного солдата. – Она улыбнулась так широко, что он увидел ее зубы: ровные, белые как мел. – Удачи, золотой стриж.

– Стой, – очнулся Нил. – А как я найду место силы?

Она пожала плечами:

– Слушай свою магию, сердце и чутье, этого достаточно. Анима всегда знает, что делать.

– Хочешь, чтобы я пошел, сам не зная куда?

– Именно.

– Но это... – Ему вспомнилось любимое словечко Кадета, которое тот вворачивал всякий раз, когда Нил вел себя не по правилам. – Это же нелогично!

Она закатила глаза:

– У золотых народов холодная логика никогда не считалась добродетелью.

Это было полной противоположностью убеждениям Ястребов, и Нил почувствовал, что у него сейчас сломается что-то в голове. Не то чтобы он был большим поклонником ястребиной логики, но он учился существовать в ней, сколько себя помнил, а теперь ему советовали выбросить ее, наподдав ногой.

– Просто будь собой, это почетная роль, – прибавила она чуть мягче. – Сегодня ты поступил так, как велело сердце, и это были крайне неразумные поступки. Продолжай в том же духе. Это и значит быть живым.

Нил прерывисто вздохнул и наскреб в себе мужества задать главный вопрос:

– Могу я кое-что попросить? В награду?

Он ожидал чего-то вроде «Паршивец, спасение золотой магии – уже награда, заткнись и отправляйся», но она внимательно глянула на него:

– Конечно. Чего ты хочешь?

Ну, тут все просто. По-настоящему он жаждал только одного, невыполнимого.

– Снова увидеть маму. И все исправить.

– Хорошо, – легко согласилась она, так легко, что Нил растерялся. Он ожидал, что придется спорить, доказывать и умолять. – Ты найдешь ее там, где все закончится.

– Серьезно?

Она легонько улыбнулась. От этой улыбки Нил окончательно размяк и, кажется, немного влюбился.

– Серьезно. Встретимся, когда окажешься на свободе. Позови меня, и я приду.

– Но я же не знаю, кто ты такая и как тебя позвать, – выпалил он.

Она вежливо подняла брови.

– Ты уже меня позвал. Но в этом ужасном месте вы ведь не называете имен, правда? Выдумываете прозвища. Имя – это драгоценная собственность, которой не разбрасываются. Так что, пожалуй, выдумаю прозвище и себе. – Она забавно побарабанила пальцами по губам. – Называй меня Весна. Это не мое настоящее имя, но в каком-то смысле оно правдивое. Удачи, Нил.

Она улыбнулась, как человек, который неплохо пошутил. И прежде чем Нил успел спросить, откуда она знает его имя, она крепче обхватила свои колени, сжимаясь в клубок, и платье, которое было на ней, вдруг опустело. Девушка исчезла без следа. Платье на секунду зависло в воздухе в той же форме – и упало на пол мятой тряпкой. Растения, оплетавшие стены, начали стягиваться обратно в трещину и скрылись, прошуршав под землей. В комнате остался развороченный пол, каменные осколки и запах зелени: свежий и острый, полный обещания чего-то нового.

Нил медленно выдохнул. Его потряхивало, в голове все плыло, мысли плавилась. Прошло минут десять, прежде чем он сообразил, что между ним и счастливым финалом стоит одно небольшое препятствие.

Ястребы. Он у них в плену, и они, скорее всего, хотят его убить. А Весна сама ему сказала, что если постараются – получится. Наверное, он смог бы открыть дверь с помощью магии, но потом-то что? В Селении шесть боевых Ястребов, у каждого есть монструм, Изгородь защищена, ему не выбраться. Единственный способ выйти, не потратив всю аниму, – это... Нил почувствовал, как рот складывается буквой «о».

Да почему, собственно, и нет?

Ястребы его обвели вокруг пальца, заставили поверить в историю с Медведем, так почему бы не надуть их в ответ? И Нил забарабанил в дверь, чтобы не дать себе передумать.

– Эй! – завопил он. – Выпустите меня, надо поговорить!

Дверь распахнулась так быстро, словно за ней все это время ждали. Ничего похожего на поворот ключа в замке Нил не услышал, но зачем Ястребам ключи, когда есть теневая магия?

Он зажмурился, ослепнув от внезапного света, а когда открыл глаза, понял, что стоит перед ним вовсе не Ястреб. Это был монструм одного из зрителей: мощная длиннолапая собака, не чета ушастому недоразумению, таскавшемуся за Кадетом. Глаза, едва заметные на вылепленной из тьмы морде, подозрительно оглядели золотые прожилки на стенах, и те тут же погасли. Хищная морда влезла в каморку, обнюхала стену и зарычала, обдав Нила ледя-

ным холодом. Тот чуть было не выпалил: «Хорошая собачка», но за такие слова эта тварь его, наверное, сожрала бы на месте, так что он пробормотал:

– Ты – правильный пес. Злой, правильный пес.

Монструм спрятал зубы и замер, будто слушал какие-то инструкции в своей голове. Потом аккуратно цапнул Нила зубами за воротник и потянул. Нил зашипел от страха, но, похоже, вредить ему у пса не было распоряжений: он просто волоком тащил Нила за собой по полу с силой, удивительной для такого бестелесного существа.

Пес выволок его в коридор. Тут пахло успокаивающе, по-человечески: пылью и запустением. Нил вытянулся, расслабленно глядя, как собственные руки и ноги едут по полу. Пусть пес работает, у него – задание, а Нил пока отдохнет.

Нил вдруг заметил, как шевельнулись тени на стенах, двинулись за ними. Он не сразу понял, что это пять оставшихся монструмов: и щупальца, и собачка Кадета, все в сборе. Они опасно скользили следом – наверное, их отрядили помочь собрату, если что-то пойдет не так. Ястребы, похоже, всерьез побаивались своего пленника. Нил фыркнул. Утром Кадет его убеждал, что никакой золотой магии не существует, – и вот как теперь обстоят дела.

Монструм толкнул носом дверь, втащил Нила в знакомое помещение, то самое, по которому утром плавали обломки каменной фигуры, – и бросил его на пол. Нил с опаской приподнял голову. Ястребы сидели и смотрели на него: у стола – главный, по обе руки от него – Кадет и Мастер Игры, остальные трое – у стены. Нил покосился через плечо. Монструмы столпились в дверях, сливаясь в неразборчивое облако тьмы. Видимо, им поручили отрезать путь к отступлению. Нил сглотнул комок страха, застрявший в горле. Ничего, ничего. Его ждет мама, и дом, и Весна. Ему есть за что сражаться, чтобы отсюда выйти.

– Недобрый день, – бодро сказал он и сел, засунув ладони под мышки: он и так промерз, а от этой веселой компании холодом веяло, как от льдины.

Ястребы сверлили его тяжелыми взглядами. Вид у них был бледный, уставший, как будто в его отсутствие они трудились не покладая рук.

– Можно вопрос? Почему вы меня не убили, когда я, ну... – Нил изобразил откинутую голову и высунутый язык. Когда болтаешь, не так страшно. – Вырубился?

Все посмотрели на Кадета с выражением: «Ты заварил эту кашу, ты с ним и разговаривай».

– Мы предпочли не пытаться, – нехотя ответил Кадет. Он выглядел каким-то растерянным, потрепанным, между бровей лежала тревожная складка. На Нила он смотрел как на дикого зверя, с которым надо обращаться аккуратно, чтобы не разорвал на клочки. – Попытка надеть на тебя браслет, забирающий аниму, привела к обрушению защитных чар вокруг Селения, и на восстановление нам пришлось потратить очень много Тени. Для повторного восстановления пришлось бы вызвать Магуса, а мы...

Тут Кадет подскочил, будто Господин Череп толкнул его под столом. На местном языке тот говорил с трудом, но понимал, кажется, сносно и теперь сверлил Кадета взглядом, явно предлагающим ему захлопнуть клюв. Кадет наклонил голову, молча извиняясь.

Нил лихорадочно подумал о том, как же ему повезло: птицы не знают, что его анима не бесконечна. Попытались бы убить – у них, как сказала Весна, получилось бы, но ястребиная осторожность спасла ему жизнь. За это он готов был расцеловать их в обе щеки, если, конечно, у них там под маской есть щеки, а не просто сгусток тьмы или что-нибудь ужасное.

– А... А остальные? – медленно спросил Нил. В груди противно сжалось. – Что с ними?

– Нам также пришлось потратить значительное количество Тени на заклинание забвения, – с каменным лицом ответил Кадет. – Они утратили воспоминания о твоём существовании и завтра продолжат играть в стандартном режиме. Игровую статистику и списки мы поправили.

Это оказалось куда более обидно, чем Нил ожидал. То, что Ястребы способны такое проделать, его не удивило, но в глубине души он мечтал снова увидеть пораженные лица всех, кто застал его триумф на арене, – а оказывается, об этом помнят только Ястребы.

– И что теперь со мной будет? – спросил он, поморщившись от своего тонкого, полудетского голоса. Героям надо как-то бодрее разговаривать. Он прокашлялся и начал снова: – Что сделаете?

– Мы надеялись, Комната Страха тебя иссушит, – пояснил Кадет таким наставительным тоном, словно ждал, что Нил извинится за доставленные хлопоты. – Этого не произошло, и теперь нам придется вызвать Магуса. Он разберется с проблемой.

Судя по унынию, проступившему во взглядах остальных Ястребов, желающих переходить к этой части плана не было. Нил заставил себя выпрямиться. Надо было брать дело в свои руки, пока они не сообразили, что боятся его зря, в золотой магии ничего не понимают и, если постараются, оставят от него рожки да ножки.

– Не думаю, что этот ваш Магус со мной справится, – зловеще сказал Нил. Он уже понял, что залог безрассудной храбрости заключается в том, чтобы делать быстрее, чем успеешь подумывать и струхнуть. – Меня вашими теневыми штучками не возьмешь.

Ястребы хмуро переглянулись, и Нил решил продолжать в том же духе: делать вид, что ему все нипочем. Вдруг сработает? Он решительно встал с пола, повернулся к двери и наставил палец на монструмов. Те взволнованно заколыхались, расступаясь.

– Придержите их, если не хотите лишиться своих зверушек, – потребовал Нил, замирая от собственной наглости. – Я уйду, и мы забудем, что видели друг друга. Никто не пострадает. Советую вам открыть для меня проход в Изгороди, а то я сделаю его сам.

Он дернул дверь на себя, и в ту же секунду ее залепила сеть из прозрачно-черных нитей. За спиной резко стало холоднее, и Нил обернулся. Господин Череп стоял, вытянув вперед руку. Монструмов в комнате больше не было – на их месте висело бесформенное черное облако с тремя парами глаз-прорезей, прямо паук без ножек. Похоже, нескольких монструмов при желании можно было слить в одного, раз уж они из одной Тени сотканы.

Тварь равнодушно смотрела на Нила всеми шестью глазами, и ясно было одно: чтобы разобраться с ним, ей не понадобятся ни лапы, ни когти, ни щупальца, она просто накроет собой, обернется вокруг и перетрет в муку. Нила передернуло. Ясно было, что посыпать эту мерзость щепоткой золотой пылицы не поможет, а что делают настоящие волшебники в таких случаях, узнать было негде.

– Мы не можем тебя отпустить, – траурным голосом заявил Кадет из-за спины начальства. – Рано или поздно Магус узнает, что здесь произошло. Проблема должна быть решена до его вмешательства, иначе... – Он запнулся. – Мы будем наказаны.

Ах, так вот в чем дело. Кем бы ни был этот Магус, связываться с ним не хотят даже собственные работники. Нила это вдруг развеселило – острый, неожиданно приятный укол злорадства.

– Ладно, – хрипло сказал Нил, миролюбиво приподняв руки. Не то чтобы он всерьез рассчитывал просто взять и уйти, но надо же было попробовать. – Не хочу, чтобы у вас были неприятности.

Он этого всей душой хотел, но куда больше мечтал выбраться из передраги живым и здоровым, а для этого Ястребов нельзя было злить. Те, кажется, вздохнули с облегчением – тварь распалась обратно на монструмов, и пес Кадета тут же уполз под стол.

– У меня деловое предложение, – выпалил Нил на диво твердым голосом.

Кадет подозрительно глянул ему в глаза. Нил прищурился, передразнивая его. После всего, что Кадет устроил с утра, проще простого было бы его ненавидеть, но Нил чувствовал разве что легкое раздражение. Ястреб оказался способен подставить тебя ради своей цели, надо же, какая новость.

– Я знаю, что вы хотите захватить Квадрат Ноль Ноль, – сказал Нил. – И я вам помогу. Ястребы аж подпрыгнули.

«Что ж я несу», – с каким-то восхищенным, лихорадочным ужасом подумал Нил и продолжил:

– Я знаю, как проникнуть внутрь, и знаю, где место силы. Без меня вам никогда туда не попасть. Но если вы позволите мне отсюда выйти и оставите в покое, я скажу, как это сделать.

Нил облизнул губы. Вранье таких масштабов уж точно не полезно для анимы, но одно дело – быть честным, когда никто тебя не замечает, а другое – когда тебя жаждут убить. Наверное, даже золотым магам можно проявлять гибкость перед лицом врага.

– Откуда тебе это знать? Ты находишься здесь уже... – Кадет посмотрел в лист бересты, который быстрым движением протянул ему Мастер Игры. – Уже десять лет.

– Но я знаю, уж поверьте, – вдохновенно соврал Нил. – Давайте обменяемся? Вы меня отпустите и пообещаете не трогать, а я, когда выйду за Изгородь, скажу вам все.

В глазах Ястребов мелькнуло смятение: они не верили ни единому слову, но и от такой выгодной сделки отказаться не могли.

– Почему сам не можешь выйти? – логично спросил Кадет.

За ответ «Потому что у меня не так много сил, как вы думаете» он бы точно схлопотал какое-нибудь смертельное заклинание, поэтому сказал:

– Вы заботились обо мне десять лет. Благодарность – это традиция моего народа.

А вот этот ответ попал прямо в яблочко: Ястребы расслабились прямо на глазах. Похоже, именно такими великодушными болванами они золотых магов и представляли. Может, те такими и были, кто ж теперь знает.

Кадет поймал взгляд своего начальника, и какое-то время они смотрели друг на друга, быстро моргая, словно могли обмениваться мыслями без слов. Остальные наблюдали за Нилом, а тот смотрел в стену, чтобы они по глазам не прочли, как ему жутко. Пауза затянулась.

Внезапно раздался сдавленный звук. Кадет мотнул головой, отчаянно и резко, как игроки, которым прижимают оружие к горлу. В глазах у него был страх – чистый, совершенно человеческий. Господин Череп не двигался и не отводил взгляда. Кадет еще раз дернулся и притих, опустив голову. Похоже, вот так у Ястребов выглядели ссоры.

– Я не знаю, откуда тебе это известно, но нам действительно необходим Квадрат Ноль Ноль, – наконец проговорил Кадет, повернувшись к Нилу. У него заплетался язык, кулаки в перчатках сжимались и разжимались. – Но глупость не относится к нашим недостаткам. Мы не поверим тебе на слово и выпустим только при одном условии. Ты не скажешь, а покажешь нам, где это место. Отведешь туда одного из нас, чтобы мы убедились, что ты не врешь. А потом иди куда хочешь.

Нил сглотнул. Такого кошмара в его планах не было. В планах Кадета, очевидно, тоже.

– И кто пойдет? – спросил Нил, уже догадываясь, какой будет ответ.

– Я, – обреченно выдавил Кадет. Напуган он был, как ни странно, куда больше Нила. – Я знаю язык и изучал золотую магию в Академии. Ты должен взять меня с собой.

– А то что? – огрызнулся Нил, и от этого наглого, беспардонного вопроса у него сладко заныло в животе.

Ястребы отняли у него дом и все, что ему дорого, затолкали сюда, и, честное слово, он десять лет не злился даже на этих пернатых козлов, старался сохранить аниму и сохранил. Он так долго был хорошим, контролировал злость, не допускал ее до себя, и вдруг это стало не обязательно, и в этом была такая свобода, что он диву давался, как жил без этого раньше.

Ястребы тоже удивились – Нил готов был поспорить, что лица под масками вытянулись.

Господин Череп еще раз посмотрел на Кадета. Этот взгляд говорил, что с шутками пора заканчивать.

– Если ты не согласишься, нам придется обездвижить тебя до прибытия Магуса с помощью всей теневой магии, какая у нас есть. – Кадет покосился на Господина Черепа и обреченно закончил: – Даже если это будет означать потерю монструмов, имущества и сотрудников.

Нил вздохнул. Выбора нет, надо быстро соглашаться, пока они еще что похуже не придумали. Главное – выбраться отсюда, а там уж он скроется от Кадета с такой скоростью, что тот повернуться не успеет.

– По рукам, – сказал Нил, всем своим видом показывая, как им повезло иметь дело с таким сговорчивым добряком.

– По рукам, – эхом отозвался Кадет, покосившись на Господина Черепа. – Ты должен во всем слушаться меня. Довести до места, не угрожая моей жизни. Выполнить свою часть уговора, и тогда я тебя не трону. Но я владею теневой магией, и берегись, если ты...

– Да, да, само собой, – легко согласился Нил.

Плохое предчувствие, написанное на лице Кадета, превратилось во что-то вроде «Мне точно конец». Нил подбодрил его улыбкой. От этой улыбки переносица Кадета побледнела окончательно.

Господин Череп сделал сложное движение рукой, и черная паутина, залепившая дверь, исчезла. Кадет шагнул к двери и затравленно обернулся на остальных, как будто ждал, что кто-то из них велит ему остановиться, скажет: «Что за глупости, ты не обязан никуда идти, мы пошутили». Не дождался: все с облегчением выдохнули и, кажется, были вполне довольны, насколько Ястребы вообще могут быть довольны хоть чем-то.

Нил выскользнул за дверь первым. Он понятия не имел, в какую сторону идти, просто хотелось показать: он такой храбрый и непобедимый, что не боится повернуться к врагам спиной. На самом деле боялся, но, к его бесконечному облегчению, ничего не произошло. Кадет брел следом, тяжело вдавливая ноги в пол. Монструм еле слышно поскуливал, замыкая их радостную процессию.

Сойдя с крыльца, Нил остановился. Небо починили, день был таким же серым, как всегда.

– Подумать только. Я выйду отсюда, даже не выиграв игру, – пробормотал Нил, слушая, как переминается с ноги на ногу Кадет у него за спиной. – А ты говорил, что нет. Получается, и вы, ребята, когда-нибудь да ошибаетесь.

Кадет замер рядом, озадаченно глядя в его улыбающееся лицо.

– Я тебя не понимаю, – наконец выдавил он. – Ты не боишься, хотя твое положение так же опасно, как наше.

Нил пожал плечами, чувствуя в груди щекочущее тепло анимы, сильное, как никогда. Он и так всю жизнь надеялся на лучшее, но сейчас силой его веры в счастливый исход можно было пробивать стены.

– Дорогу показывай, – весело скомандовал Нил. – У вас тут вообще есть выход?

Кадет хмуро пошел вперед, и Нил зашагал за ним. Ему хотелось кричать оттого, что он жив и сейчас выберется отсюда, но он сдержал порыв и просто рассмеялся, прислушиваясь к тишине за спиной. Ястребы стояли на пороге, и он костями чувствовал: сейчас они ничего, ничего не могут ему сделать.

Он совершенно свободен.

Глава 4

По ту сторону изгороди

Выход здесь действительно был, хоть и куда менее пышный, чем Нил воображал. В ту часть Селения, где живут Ястребы, он никогда не совался, жить-то еще не надоело, но ему всегда представлялось, что Изгородь заканчивается огромными воротами. Иногда эти ворота даже снились ему – угрожающие, черные, наглухо запертые.

Но ворот не было. Была узкая дверка, такая неприметная, что Нил прошел бы мимо, не взглянув. Ни ручки, ни засова, ни замочной скважины, – Господин Череп просто приложил ладонь, ее очертание вспыхнуло ярко-черным, и дверь бесшумно распахнулась.

От внезапного света Нил зашипел, прижав ладони к глазам, и, если бы его хотели застать врасплох, момент для нападения был идеальный. К счастью, проверять, на что он способен, Ястребы не стали, только едва ощутимо толкнули в спину, и Нил почувствовал под ногами что-то мягкое, непохожее на каменные плиты Селения. Нил подался назад, но его тут же подтолкнули еще разок, и дверь за спиной захлопнулась. Вот так просто: ни прощаний, ни напутствий, ни угроз. Точнее, все это вместо него, видимо, получил Кадет – кое-как разлепив воспаленные глаза, Нил первым делом увидел, как тот растерянно моргает, уставившись в каменную стену.

А потом на Нила обрушилось все разом: яркие краски вместо привычного черного и серого, запах леса, обжигающий солнечный свет. Пришлось сесть на землю, чтобы не упасть. Морщинистая кора деревьев, скользко блестящая Изгородь, вой монструма, теплая земля под ладонями. Нил сжал обеими руками сухие комья и поднес к лицу. Из них торчали травинки и жухлый лист. Пахло летом, детством и домом.

Ошалевшему от счастья Нилу понадобилось минут пять, чтобы сообразить: с лесом, который простирается вокруг, что-то не так, листья на деревьях – блеклые, потерявшие цвет, будто их побил морозом. Траву покрывал нездоровый белесый налет, и еще было очень тихо: ни птичьего щебета, ни шороха листьев.

– Превращайся, и полетели, – глухо проговорил Кадет.

– В каком смысле – превращайся? – Нил с трудом отвел взгляд от уродливого иссохшего леса. – Во что?

– В стрижа, конечно. Но если можешь во что-то другое – давай, мне все равно. Я перейду в свою птичью форму и полечу за тобой. Сможешь провести меня сквозь защитный купол прямо в полете? Это было бы...

– Стой, погоди. – От удивления Нил даже нашел в себе силы встать. – Я не умею.

Кадет медленно развернулся к нему. Пристально смотреть на Ястребов запрещалось, и Нил свято следовал этому правилу, чтобы не нарваться, но сегодня все запреты полетели в тартарары, и Нил уставился прямо в угрюмые карие глаза над маской. Вполне человеческие глаза.

– Золотой стриж не умеет летать?

– Есть такое, – признался Нил и, спохватившись, добавил: – В остальном мои силы почти безграничны. Но летать учатся долго, а мне, как ты заметил, негде было этим заняться.

Глаза Кадета опасно сузились – похоже, вспомнил, что Ястребам раскисать не к лицу. У его ног, портя впечатление, скулил и подвывал монструм. Кадет отпихнул его.

– Полет – естественное свойство живого существа, – процедил он. – Просто возьми и превратись. В полете мне легче будет тебя контролировать.

Нил хотел было ответить, что от полетов он тогда уж точно воздержится, но вовремя сообразил: ушли они недалеко, Кадету ничего не стоит позвать остальных. Пять минут назад Нил планировал сбежать в первую же секунду на свободе, вот только свобода оказалась полна слепящего света, полумертвых деревьев и мягкой неустойчивой земли, по которой он отвык

ходить, не то что бегать. Горячку пороть не стоило, лучше уж пока изображать послушного болвана. Да и самому было любопытно: а вдруг возьмет и полетит?

– Ладно, попробую, – кивнул он и потер руки одну о другую.

Анима скользнула в ладони мгновенно. Что делать потом, Нил не представлял и просто захлопал руками, как крыльями. Получилась скорее курица, чем стриж, но золотая пыльца вокруг вспыхнула красиво. Левую руку окатило теплом – и вдруг дернуло болью от плеча вниз. Нил вскрикнул. Вместо руки у него теперь было что-то плоское, широкое, покрытое разлапистыми коричневыми перьями. Слабея от ужаса, Нил попытался сжать кулак, но не почувствовал собственных пальцев. Крыло дернулось. Нил осел на колени, упираясь здоровой рукой в землю, и отстраненно подумал, что его сейчас стошнит.

Весна сказала, что желания для магии достаточно, и он изо всех сил захотел вернуть себе руку. Не для того он вырвался из плена, чтобы погибнуть с куриным крылом и от руки Ястреба. Нил издал нервный смешок, подумав, что птичья тематика пронизывает эту историю насквозь.

Смех, как ни странно, тут же сработал, рука вернулась на место, и никогда еще Нил не был так рад видеть свои бледные пальцы с каймой грязи под ногтями.

– Извини, больше пытаться не буду, – слабо проговорил он. – Почему-то курица выходит, наверное, я их лучше помню. А с полетами у кур не очень-то, если ты в курсе.

Кадет прикрыл глаза. На его лице было написано мучительное желание колотить в дверь и просить, чтобы родная стая забрала его обратно.

– Ясно, – проскрипел он. – Тогда используем не вашу магию, а нашу.

Он осторожно вынул прямо из воздуха что-то маленькое, трепещущее. Перышко, соорудил Нил. Черное пуховое перо. Тоненькие нежные отростки трепал ветер, и казалось, что оно дрожит от холода.

– Это мое. Я перенесу тебя туда, где, по нашим сведениям, находится купол. – Кадет вложил перо Нилу в руку. – Держи и закрой глаза.

На ощупь оно было холодным как лед, и этот холод сразу пополз по руке вверх, разливаясь по телу. Нил внезапно почувствовал кожей воздух, его плотность, направление ветра – и тут же начал задыхаться.

– Эй! Успокойся и попробуй еще раз, – приказал издали голос Кадета. – Дай ветру себя подхватить.

Нил крепче сжал перо. Он был не прочь убраться от Селения подальше, но перо снова начало леденеть, и какой-то инстинкт, огромный и мощный, запрещал ему поддаваться, как запретил бы сунуть руку в огонь.

– Я не могу, – выдавил Нил. Ощущение было чужеродное, жуткое, будто его руку сначала набили колотым льдом, а теперь пытаются вывернуть наизнанку. – Не могу.

Но под тяжелым взглядом Кадета он попробовал снова. На этот раз холод беспрепятственно прокатился вверх по руке и наполнил грудь. Нил приоткрыл рот, пытаясь вдохнуть, и не смог. Ему показалось, что он отвлекся от происходящего всего на секунду, но когда туман перед глазами рассеялся, он обнаружил, что лежит на земле. Кадет нависал над ним, как угрюмое черное пугало.

– Ясно, – похоронным голосом произнес Кадет и бережно подобрал с земли перышко. Сжал его в кулаке, а когда разжал руку, в ней уже ничего не было. – Твое тело не выносит Тени. Твоя и моя магия отталкивают друг друга.

– А чего пешком-то не пойти? – прохрипел Нил и кое-как сел. – По земле надежнее.

Кадет тоскливо поглядел на небо, потом на закрытую наглухо дверь. Нила не оставляло чувство, что из-за нее – или сквозь нее, кто их знает, – за ними наблюдают, но вмешаться никто не спешил. Очевидно, Ястребы считали, что, раз пророчество разгадал Кадет, Нил теперь целиком и полностью его проблема.

– Ладно, веди, – наконец сказал Кадет.

– Лучше ты. Сам же сказал, что знаешь, где купол.

– Вопрос в том, знаешь ли ты, – задумчиво ответил Кадет.

Его растерянность окончательно сменилась на тихую, мрачную подозрительность, и это было ничем не лучше: в таком настроении Кадет наверняка быстро додумается, что его пленник-болван понятия не имеет, куда идти. Нил надел на лицо самое наглое выражение, на какое был способен.

– Конечно знаю. Я же волшебник, – фыркнул он. – Но хочу проверить, вдруг ты врешь? Смешно будет, если я приведу тебя туда, как последний предатель. Либо иди первым, либо сяду тут, и ты меня не сдвинешь.

Лицо у Кадета стало сложное, и Нил решил закрепить успех.

– Или боишься ко мне спиной повернуться? – насмешливо спросил он. – Видимо, не такой уж ты сильный теневой маг. Может, друзей позовешь? Пусть они меня отведут, если сам не справишься.

О, вот это было в точку, Кадета аж подбросило. Он насутился, развернулся и зашагал через лес. Нил пошел следом, осторожно вминая ноги в болотную хрусткую траву.

– Что с деревьями? – спросил он сотню шагов спустя, когда глаза окончательно привыкли к свету и стало ясно, что вокруг ничего не меняется: иссохший лес тянулся до горизонта.

– Территории освобожденных народов всегда такие, – равнодушно отозвался Кадет.

Нил остановился, чуть не споткнувшись. Если на всех захваченных Ястребами землях такое, получается...

– Земля не может вынести такое количество Тени. Она умирает, – выдохнул он. – Но... Но зачем вам это? Тут же, наверное, ни грибов, ни ягод, а если распахать, ничего не...

– Кое-где попадаются плодородные участки. Если теперь вашим сложнее находить еду, тем лучше. Меньше времени думать о глупостях.

– И много вы земель захватили? – не своим голосом произнес Нил.

– В этой части мира – все, кроме той, куда мы идем, – без выражения ответил Кадет.

Нил сглотнул, пытаясь избавиться от тошнотворной ненависти, которую вдруг почувствовал, глядя Кадету в спину. Ястребы, похоже, захватывали земли не для того, чтобы получать больше урожая, или дров, или рыбы. Они просто хотели ими обладать. Нил лихорадочно огляделся. Надо быстро скрываться, ни секунды больше рядом с одной из холодных тварей, которые превратили мир, который он помнил, вот в это.

– Не отставай, – сказал Кадет, как будто у него глаза были и на спине. – И не пытайся сбежать, у тебя не выйдет.

Конечно, Нил попытался.

Он выждал, чтобы уйти подальше от Селения и хоть немного разобраться, где они находятся. Со вторым пунктом не сложилось: печальный больной лес вокруг совершенно не менялся. С первым тоже было так себе, потому что от Селения они удалялись куда медленнее, чем Нилу хотелось бы. Вина тут была общая: он давно забыл, как же это утомительно – ходить пешком, а Кадет, видимо, и вообще не знал, слишком привык летать.

Нил впервые видел, чтобы у Ястреба настолько плохо что-то получалось, и безнаказанно ухмылялся, глядя, как Кадет спотыкается через каждые несколько шагов. Монструм плелся рядом, кое-как перелезая через древесные корни, и время от времени скреб сапог хозяина, будто уговаривал взять его на руки. При этом у Кадета хватало сил бросать через плечо мрачные, цепкие взгляды, словно говорящие: «Какой бы хитрый план побега ты ни выдумал, я его раскрою». Поэтому Нил решил не мудрить и огорошить врага внезапностью. Дождался, когда Кадет в очередной раз оступится, и без лишних затей бросился наутек.

Кадет и сам еле тащился, так что догнать был не должен, но Нил не учел одного обстоятельства: Ястребы вряд ли захватили бы мир, если бы полагались только на свои ноги. Нил не успел и десяти шагов пробежать, когда за спиной раздался свист, и вокруг лодыжки сжалось

что-то холодное. Его дернуло назад, и он растянулся на земле, отчаянно пытаясь спихнуть с ноги полупрозрачную черную веревку. Петля затянулась только сильнее, и Нил схватился за нее рукой, представляя, что сейчас золотое сияние вплетется в нее и разорвет, как было в Комнате Страха.

Ничего подобного: видимо, анима не подчиняется испуганным хозяевам. Нил не понимал, кем надо быть, чтобы сохранять радость и спокойствие, беспомощно барахтаясь на земле, а Кадет не стал дожидаться, пока Нил договорится со своей магией, и потянул его за веревку к себе, как рыбу из воды. Нил проехал животом по траве, расцарапал лицо о корни, пытаясь освободить ногу, чтобы не сдаваться без борьбы. Как же все несправедливо устроено! Конечно, золотые маги проиграли, как вообще можно победить врагов, не чувствуя страха и злости? Угощать напитками? Уморительно шутить?

Кадет мог бы подойти, но мстительно дотащил его до себя, заставив пересчитать на пути все кочки. От его взгляда у Нила холодом прошило позвоночник.

– Вот так? Ты серьезно? И где твоя хваленая магия? – процедил Кадет. Нил пыхтел и извивался, но встать не мог: в дополнение к веревке на ногу ему взгромоздился монстр и отморозил ее окончательно. – Моя жизнь зависит от этого задания. Я тебя не упусти. Ни за что.

– Отцепись! – заорал Нил, просто чтобы заглушить собственным криком страх. – Отвали от меня, тварь!

Кадет изучил его с головы до ног и отвратительно умным голосом протянул:

– Похоже, сил у тебя не так много. Или ты их уже потратил, или не умеешь пользоваться. Ты понятия не имеешь, куда идти и где место силы, верно? Просто врал, чтобы выйти. Я должен был сразу догадаться.

– Ну, мозги-то птичьи, – огрызнулся Нил, которого захватила упоительная злость. Надо быть чокнутым, чтобы мирно и весело лежать, когда над тобой вот так нависают. – Я не повел бы тебя туда, даже если б знал. И что ты мне сделаешь?

Сделать Кадет, конечно, мог много чего, но Нил малодушно надеялся: магия сообразит, что ее хозяину сейчас придет конец, и спасет его сама, как на утренней игре. Но нет, не работало, что-то он делал не так, а понять, что именно, не успевал.

Кадет тяжело вздохнул. В глазах у него, как ни странно, была не злость, а облегчение.

– Мы возвращаемся, – сказал он. – Магус с тобой разберется. Ты не представляешь опасности, до его прибытия мы тебя удержим. Петлю снять даже не пытайся.

Кадет с силой дернул за веревку, – видимо, действительно решил тянуть Нила в Селение по земле. Нил вставать не стал, только пнул его в лодыжку. Ясно, что не навредит, но хоть душу отвести. Мысли метались, пытаясь зацепиться хоть за что-то хорошее, найти то, что вырвет его из этой безнадеги. Вот, солнце за тучи зашло, глаза больше не болят. И землю можно трогать сколько угодно. Нил вцепился в нее обеими руками – и замер.

Земля. Ну конечно. Это ведь она дает силу всему живому, она – источник магии, и пусть здесь с магией туго, коснуться даже этой полумертвой, сухой земли – все равно что пожать руку старого друга. Не зря же Ястребы выложили камнем Селение, фанатично заделывая каждую щель, чтоб ни одна травинка не проросла! Нил облизнул сухие губы, поерзал, чувствуя спиной траву и комья. Все вокруг не выглядит особо живым, но оно живое. Прямо как он сам, и Ястребы, и ребята, которые остались в Селении. Жизнь побеждает везде, где может, и земля знает об этом все.

Нил зарылся пальцами в жухлую траву, которая, правда, тут же выскользнула из рук, – Кадет рывками тащил его за собой, не отводя глаз и не поворачиваясь спиной. Нил безмятежно улыбнулся, чтобы слегка позлить его, – улыбка выводила Кадета из себя куда больше, чем беспомощные угрозы.

Все, спокойствие найдено, с этим уже можно работать. Сквозь частую сеть веток видно было серое небо – собирались тучи, солнце просвечивало еле-еле. Наверное, скоро начнется дождь. А что, если...

Идея, которая пришла ему в голову, была такой забавной и невыполнимой, что Нил немедленно решил попробовать. Он ведь смог расколоть купол над Селением, а значит, не обязательно прикасаться, чтобы передать магию.

Надо просто подумать о дожде. Представить себе каплю, собирающуюся в вышине. Капля набухла, росла и падала вниз. Кадет посмотрел на руки Нила, мягко перебирающие землю, и его глаза расширились. Он запоздало понял, что связывать надо было не ноги.

Кадет сделал движение, будто хотел вытащить что-то из воздуха, но не успел. Сверху и правда упала первая капля дождя – гигантская, подрагивающая, как бурдюк. Она рухнула на Кадета, тот глухо вскрикнул и выпустил веревку – так пристально следил за Нилом и даже не подумал, что опасность может прийти с другой стороны.

Нил восхищенно присвистнул. Вторая исполинская капля, в которую уместилась пара ведер воды, ударила о Кадета и разбилась на тысячу брызг. Тот вскинул руки, закрывая голову, и Нил тотчас спихнул веревку с ноги. Это оружие использовали на игре, и он помнил, что петля разжимается, если веревку не держат за другой конец.

На этот раз он не побежал, а встал, выпрямившись во весь рост. Нил боялся, что, разорвав контакт с землей, перестанет управлять дождем, но нет, смотри-ка, все работает. Нил почувствовал, как улыбка расплывается от уха до уха.

Вокруг начался дождь, самый обычный, летний и теплый, но на потрясенно застывшего Кадета продолжали валиться гигантские капли. Он уже вымок до нитки, форма облепила тело, монструм счел за лучшее припасть к земле и изобразить плоскую тень. Кадет все-таки смог поднять ладонь и зашипел, когда следующая капля всем своим пудовым весом приземлилась ему на запястье.

– А вот и моя хваленая магия, – сказал Нил, сложив на груди руки.

– Не впечатляет, – отрезал Кадет, вздрогнув, когда очередной дрожащий ком воды разбился о его спину.

Лжец. Он был впечатлен, действительно впечатлен и напуган, – но, похоже, как и Нил, всегда считал за лучшее изображать, что ему все нипочем. Хоть что-то у них есть общее.

Ответить ему Нил не успел, потому что вдруг ощутил кое-что уж совсем непрошеное – чужое присутствие рядом. Оно бархатно сжималось, наступало сразу отовсюду, Нил чувствовал его не головой, а ногами, телом, будто смог поймать отзвук чужих шагов через землю.

– И что будешь делать дальше? Поливать меня, пока не зацвету? – неразборчиво спросил Кадет, давясь водой.

До Нила дошли сразу две истины: во-первых, только что на его глазах Ястреб пошутил, во-вторых, хваленое ястребиное зрение и слух сильно переоценивают. Кадет в упор не замечал, что они не одни, пока из леса не вылетел камень и не треснул его в плечо. Кадет глухо вскрикнул, попытался обернуться – и получил другим камнем в лоб.

– Держись, парень, мы идем! – азартно завопили у Нила над ухом.

Третий метко брошенный камень распорол Кадету бровь. Нил почему-то ожидал, что кровь у него черная, или зеленая, или вообще никакой, но она оказалась обычная, красная. Потекла вниз вперемишку с водой, заливая Кадету глаз и мешая видеть, что происходит.

Сквозь стену дождя Нил различил, как отовсюду к ним подбираются люди – все как один бородатые и худые. Их было человек десять, но двигались они абсолютно бесшумно, и Нил подумал: что, если они идут следом уже давно? Но страх так и не пришел, он чувствовал, что это свои, что они на его стороне. В его детстве мужчины были вот такие же: рослые, широкоплечие, только не такие изможденные.

– Хватит! – выпалил Нил, когда один из них снова швырнул в Кадета камнем.

Мужчина, бросавший камни, непонимающе уставился на Нила.

– Ладно, если у тебя другой план. – Он послушно бросил камень на землю. Нил мысленно дал ему кличку Храбрец, на вид он был самый задиристый. – Просто хотели помочь. Ты ведь... – Мужчина сглотнул, жадно разглядывая Нила. – У тебя есть магия, да?

– Я золотой стриж, – важно ответил Нил, который полдня мечтал кого-нибудь поразить этой новостью. – Магии у меня полно. Я иду...

По рядам мужчин прокатился сдавленный вздох, а Храбрец рывком притянул Нила к груди. Тот опешил. В каком-то дальнем, поблекшем углу его памяти хранились воспоминания о том, что раньше люди все время обнимались, но после стольких лет он не мог заставить себя обнять в ответ и просто стоял, одеревенело расставив руки. Остальные подошли и несмело прикоснулись к рубашке Нила.

– Ты существуешь. Легенда не врет. – Храбрец провел по голове Нила горячей тяжелой ладонью. – Из-за той черной стены никто никогда не выходил, и мы сразу поняли: ты особенный. А потом ты эту штуку с водой проделал и...

Храбрец внезапно решил, что объятий недостаточно, и повалился на колени прямо в размокшую от дождя землю. Остальные последовали его примеру. Нил моргнул.

– Окажи нам честь, посети нашу деревню. Она здесь, недалеко. Тебя надо принимать в роскоши, а у нас очень бедно, но мы поделимся всем, всем, что у нас есть, – сдавленно продолжил Храбрец. Он смотрел с таким робким благоговением, что Нилу стало не по себе. – Мы все сделаем. Ты теперь в безопасности.

Нил покосился на Кадета – тот пошатывался под весом бьющих по нему пузырей воды и кое-как смаргивал дождь, но взгляд его обещал, что в безопасности Нил будет только через его труп.

– Мы примем тебя с почестями. Убей птицу, и уходим. – Храбрец уважительно склонил голову, остальные тут же последовали его примеру. – Покажи нам, как ты это делаешь, победитель крылатых мразей.

– В каком смысле – убить? Зачем? – растерялся Нил.

– Ты ведь пришел спасти всех от Ястребов. – Храбрец тоже растерялся. Его соратники следили за Нилом, затаив дыхание. – А значит, ты умеешь их убивать. Ястребов. Иначе как еще нам от них избавиться?

В груди екнуло, и ливень сразу прекратился. Еще минуту назад магию было так легко контролировать, Нил чувствовал связь с ней, с землей, с дождем, но все исчезло без следа, стоило ему подумать о смерти, пусть даже и не своей.

Когда с неба перестало лить, Кадет, как ни странно, упал, еле успев выставить перед собой руки, – то ли Ястребы не любили мокнуть, то ли удары такого количества воды были не лучше, чем камни. Теперь он полулежал, припав к земле, и, судя по злобному взгляду, собирался с силами, чтобы запустить руку в Тень и показать всем, кто тут хозяин.

– Никто никого убивать не будет, – дрогнувшим голосом сказал Нил.

Храбрец недоверчиво фыркнул.

– Золотой стриж, по легенде, одолеет Ястребов. Они не люди, они чудовища.

– А вы – жалкие, лишенные магии нищие, – встрял Кадет, зажимая ладонью разбитую бровь. Сквозь мокрую маску голос казался невнятным. – Хотите мне навредить? Попробуйте, я от вас ни клочка не оставлю.

Нил застонал и прижал мокрые руки к глазам. Это было бы просто грандиозным решением всех его проблем: избавиться от Кадета и идти дальше свободным и счастливым. Вот только... Он ненавидел то, что сделали с его землей Ястребы, но не мог даже представить, как можно превратить в неживой кусок мяса кого-то, кто ходит, дышит, злится, пытается успокоить свою собаку и морщится от пореза. Нил уже открыл рот, чтобы как-то это объяснить, но увидел, с какой детской надеждой смотрят бородачи, и не смог.

Придется как-то выкрутиться. Взвесив шансы, Нил сообразил, что скорее надо защищать людей от Кадета, а не наоборот, и подошел к нему. Как раз вовремя: Кадет уже пришел в себя и начал перебирать воздух пальцами свободной руки – небось надеялся, что никто не заметит.

– Слушай, – зашептал Нил, наклоняясь к нему. – Не трогай их, и я не трону тебя. Они уйдут, и мы разберемся.

– И с какой стати мне тебя слушать? – спросил Кадет, но в том глазу, который не заливало кровью из пореза, блеснуло что-то похожее на облегчение.

– С той, что пес твой трясется, как припадочный, а значит, тебе тоже страшно. Навредишь людям – я за себя не отвечаю. Понял?

Кадет хмуро покосился на монструма, но пальцами двигать перестал, и на том спасибо. Нил потер лоб. По испуганным взглядам бородачей он видел: пока с ним живой Ястреб, никаких застолий и мягких перин можно не ждать.

– Благодарю вас, но мне нужно идти. У меня срочное дело, – объявил он, стараясь не думать о еде и сухой одежде. – Знаете, где золотые земли?

На лице у Храбреца проступило такое разочарование, будто упоминание о золотых землях было хуже, чем живой Ястреб у него под носом. Он вяло ткнул в ту сторону, куда они с Кадетом изначально и шли.

– И ты туда же, – с кривой улыбкой сказал он, смерив Нила тяжелым взглядом. – Спрячешься там, как они все, а тут – хоть трава не расти. Может, и Ястреба нам оставишь, чтобы уж побыстрее нас прикончил?

– Нет, его я забираю с собой, – сказал Нил. Сбежать он, ясное дело, попробует снова, главное – чтобы никого рядом не было. – Вы не расстраивайтесь. Все будет хорошо, обещаю. В золотых землях осталось совсем мало магии, но когда я найду место силы, я ее верну, и тогда вам всем помогут.

– Золотые земли? Помогут? – Храбрец невесело рассмеялся. – Забавное предположение.

– Почему?

– Им ни до кого нет дела. И знаешь что? – Он подошел ближе, нависая над Нилом. – Вы все такие. Золотые волшебники хотят просто сидеть там, куда птицам не добраться. Берегут аниму. – Голос у него сорвался. – Вам наплевать на тех, кто уже ее потерял.

Нил приоткрыл рот. Слова были глупые и несправедливые, и он хотел было объяснить, что земли доброй магии просто отрезаны от других, но потом решил: действия всегда лучше болтовни. Он сосредоточился, позволяя аниме скользнуть в ладонь. Рука слабо засияла золотом, мужчины потрясенно моргнули. В этом теплом, волшебном свете было еще заметнее, какие у них заросшие, дикие, осунувшиеся лица, и Нилу стало не по себе. Он думал, снаружи все окажется таким, как он помнил, таким, как в детстве, но эти люди были под стать своему лесу – словно болели без магии так же, как земля.

– Это вам. – Нил сжал руку Храбреца и почувствовал, как сияние мягко скользнуло в нее, переходя от одного хозяина к другому. – Вы все не так поняли. Если у меня получится, золотые земли всех спасут. Честно, так все и будет.

Нил разжал пальцы, и Храбрец замер, удивленно глядя на свою руку. Сияние прокатилось по ней вверх и погасло, впитавшись в тело, а Нил перешел к следующему и так же сжал его руку. Обойдя всех, он сделал шаг назад и улыбнулся, глядя на их лица. Они как будто наполнились жизнью: на бледных лицах ярче проступили краски, спины выпрямились.

– Все будет хорошо, увидите. – Нил махнул им рукой. В груди ныло – сосущая пустота, как будто ему запустили руку прямо под ребра и вынули кусок, но он постарался затолкать страх подальше. Не протянет же он ноги, поделившись анимой с этими бедолагами. – Все будет хорошо, увидите.

– Это ваш день, рабы, – прибавил Кадет, который, видимо, не выносил, когда последнее слово оставалось не за ним. – Но не советую вам кому-нибудь рассказывать об этой встрече.

Нил подмигнул бородачам у него за спиной – он не сомневался, что они расскажут всем. А потом жители их деревни передадут жителям соседней, и вся округа будет знать: надежда не потеряна. Даже если у него ничего не выйдет, надежда останется, а значит, все не так уж и плохо.

Он повернулся и пошел прочь, спиной чувствуя, что ему смотрят вслед. Не Кадету, который шел рядом и пытался взглядом утихомирить крутящегося под ногами монструма, – именно ему. Нил хмыкнул и расправил плечи. Как же приятно быть героем дня.

Глава 5

Добро пожаловать живым

Свет иссякал, бесконечный летний день медленно продвигался к концу.

Какое-то время они шли молча. К счастью, разговоров про возвращение Кадет больше не заводил: то ли не хотел прийти в Селение побитым, то ли решил, что рано сбрасывать Нила со счетов. Нил тоже беседовать не рвался – его слегка пугало, что пустота в груди не проходила. Все силы теперь уходили на то, чтобы переставлять ноги и отводить с дороги ветки, лезущие в глаза. Как же, оказывается, тяжело в мокрой одежде, когда солнце уже не греет.

– Зачем? – внезапно начал Кадет. Нил вопросительно хмыкнул, и он продолжил: – Я просчитал все варианты развития той ситуации. Все, кроме того, который выбрал ты.

– Я даже представлять не хочу, какими были твои, – пробормотал Нил.

Он устал до такой степени, что не чувствовал во рту собственный язык. Как будто он сам бестелесно парил в воздухе, а говорил за него кто-то другой.

– Ты мог попытаться уничтожить меня, пока я слаб. Натравить их и меня друг на друга и сбежать. Получить от них нужные для поддержания жизни ресурсы.

– Как приятно удивлять, – философски заметил Нил и тут же споткнулся о корень. – Ты же говорил, что изучал золотую магию в этой вашей, ну...

– Академии. Изучать и видеть на практике – разные вещи. – Кадет, насупившись, помолчал. Видимо, чужая глупость его злила до дрожи, но он старался держать себя в руках. – Из-за выходки с передачей магии ты ослабел, а уровень анимы, как нас учили, сразу не восстанавливается. У тебя ведь даже нет к ним личной привязанности! Зачем ты это сделал?

– Ой, а ты так за меня переживаешь, прямо отец родной. – Нил едва нашел в себе силы оскалить зубы.

– Я никак не мог бы быть твоим отцом, – сказал Кадет. Видимо, способность понимать шутки Ястребы нужной не считали. – Тебе, судя по нашим документам, пятнадцать лет. Мне – семнадцать.

– Мать-земля, – простонал Нил, которого все это начало забавлять. – Да ты ж совсем птенчик. Всегда хотел знать: вы из яйца вылупляетесь? А гнезда ты вить умеешь?

Кадет метнул на него самый мрачный из своих взглядов. Нил даже ухом не повел.

– Я всего лишь пытаюсь понять, как ваша магия может быть такой опасной для нашей Империи, если вы настолько глупы, – отрезал Кадет. – Ты не избавился от меня, не восполнил запасы, наоборот, – потратил свою магию. И ради чего? Ты же вообще ничего не добился.

Нил удивленно глянул на него. Ничего себе «ничего»! Кадет с исследовательским интересом ждал ответа, и Нил разлепил губы:

– Тебе пару раз досталось по башке, и не скажу, что это меня расстраивает. Но в целом – никто никому не навредил. Мощное, знаешь ли, достижение в мире, где все мечтают друг друга прикончить.

Кадет отрывисто фыркнул.

– Кстати, те нищие правы, – мстительно проговорил он. – Из золотых земель никто не выходил уже десять лет. Мы считали, они копят силы, чтобы нанести нам удар, но, может, волшебники, которые там скрылись, просто не хотят помогать неудачникам.

– О, правда? – взвился Нил, которому гнев вдруг придал сил. – И что ж ты тогда здесь делаешь?

– Есть пророчество, которое гласит, что золотые земли для нас опасны, – нехотя ответил Кадет. – Моя задача – не допустить проблем, и я ее выполню. Мы уже почти на месте: судя по нашим данным, купол где-то здесь.

Нил принял это к сведению, но у него не было сил живо отозваться на новости – зуб на зуб не попадал. Он зевнул, и Кадет вдруг посмотрел прямо на него. Взгляд этот ничего хорошего не обещал – будто он надумал поставить какой-то опыт, и Нилу в нем отведена почетная главная роль.

– Ты можешь поспать, – заявил Кадет. – Я посторожу.

Нил слишком устал, чтобы разбираться, чего это он расщедрился, и просто сел под ближайшее дерево, прислонился к стволу и уснул, – мгновенно, как только и может уснуть человек, привыкший спать больше двадцати часов в сутки.

А проснулся он от того, что вокруг лодыжки сжалось что-то холодное. Нил со стоном подрыгал ногой, но оно не исчезло, и пришлось открыть глаза.

Веревка. Опять теневая веревка, да что ж такое. Кадет нависал над ним, держа второй ее конец в руке, и глаза его – и здоровый, и припухший от встречи с камнем – сияли злорадной ястребиной радостью. В окружающем мире изменилось на удивление мало, и Нил хрипло спросил:

– Сколько я спал-то?

– Четверть часа, – охотно сообщил Кадет. – Я решил выждать, чтобы ты заснул глубже. Ты подтвердил мою теорию и даже не подумал защитить себя с помощью магии.

– Ты мерзкий и надоедливый тип, ты в курсе? – хрипло сказал Нил, которого вырвали из сна так резко, что голова теперь трещала.

– Нас учили, что золотые маги дружелюбны и не способны на оскорбительные высказывания.

– Ну, и где они теперь? – Нил сжал переносицу, чтобы хоть как-то проснуться. – Слушай, я и не такие слова знаю, четыре года на играх. Если не хочешь услышать их все, просто объясни, чего тебе надо? Хорошо, ты поймал меня за ногу, дальше что?

– Я ведь сказал: купол уже близко. Значит, ты попытаешься сбежать. Я должен тебя контролировать. Врасплох ты меня больше не застанешь, так что вставай и иди первым.

Он намотал веревку на руку, чтобы Нил не смог отойти больше чем на пару шагов.

– Сними, мне больно. Не сбегу я.

Нил дернул ногой. Больно и правда было: слишком много Тени за сегодня, в этот раз веревка была просто невыносимой, лед дополз аж до бедра. Кадет не двинулся, и Нил попробовал по-другому:

– Вообще-то я тебе жизнь спас. Сам знаешь, хотел бы убить, там, под дождем, – смог бы.

Кадет пожал плечами:

– Ты взываешь к вашим, золотым чувствам: жалости и благодарности. Нам они чужды.

Вперед.

– Сволочь ты.

– Я Ястреб. И делаю то, что должен.

Нил кое-как встал и поплелся туда, куда показывал Кадет. Монструм бодро заскользил рядом, перескакивая древесные корни, как будто надвигающаяся тьма придавала ему сил: ну, родственники все-таки.

Вскоре стемнело окончательно – ни луны, ни звезд. Нил спотыкался все чаще, ветки, которые он бросил отводить с дороги, больно задевали лицо и так и норовили кольнуть в глаз. На поляне, заросшей какими-то потерявшими цвет колючками, Кадет дернул за веревку, останавливая его. Когда Нил обернулся, он разворачивал свободной рукой что-то плоское, едва различимое в темноте и, видимо, сотканное из Тени: скопление зеленых контуров и огоньков, а среди них – золотистое пятно.

– Красивая штука, – пробормотал Нил. – И что это?

– Карта. Мы совсем близко. – Кадет подбородком указал на золотистый контур. Нил мельком отметил, что Кадет, увы, не врал, говоря о том, сколько всего захватили его собратья:

все остальные земли до краев карты были обозначены зеленым – цветом Ястребов. – Но точное расположение неизвестно.

– Так проще простого найти. Купол – это же как огромная крышка, так? Надо просто идти, пока лбом не ударишься.

Кадет посмотрел на него как на идиота.

– Он невидимый. Когда наши пролетают над этим участком, он выглядит просто как лес. Но если присмотреться, деревья и поляны повторяются. Как будто ваша магия размножила много раз один и тот же кусок леса, создала имитацию, скрывающую то, что внутри. Я читал отчеты: если ходить тут пешком, просто заблудишься и будешь бродить среди одинаковых деревьев. Магусу однажды удалось проявить купол, так мы и узнали, как он выглядит. Но внутрь даже он проникнуть не смог.

Нил слишком устал, чтобы живо отозваться на такую интересную историю, голос Кадета долетал до него, как сквозь толстый слой ткани. В конце концов Кадет понял, что общаться бесполезно, и молча закружил по поляне, утягивая Нила за собой.

– Не могу найти, – нехотя признался он минут через двадцать, закончив сосредоточенно перебирать пальцами воздух и стучать по деревьям. – Ты должен проявить купол.

– Ага. Уже бегу, – огрызнулся Нил, подрагивая. – С этой штукой на ноге я и дышу-то еле-еле.

– Это где-то здесь, – настойчиво сказал Кадет, нависая над ним. – И я уверен, у тебя есть все возможности найти границу.

– А ты неслабого такого мнения о моей силе.

– Не заговаривай мне зубы. Я могу причинить тебе боль.

В этом Нил даже не сомневался и просто вздохнул. Ноги и спину и так ломало, еще не хватало, чтобы Кадет добавил. Но в голове уже забрезжило что-то похожее на план: нужно найти этот купол и пробраться внутрь, оторвавшись от преследования. От веревки он как-нибудь избежит, а когда окажется на другой стороне, Кадет ничего не сможет ему сделать, даже заклинаниями не достанет.

Кадет насторожился. На его лице было написано, что ему становится не по себе каждый раз, когда Нил вот так оживает.

– Ты меня не обманешь, – скучным голосом сообщил он. – Я далеко не отойду, не надейся.

Нил азартно потер руки. При мысли о том, что он сейчас попадет в земли, куда Ястребам нет хода, в животе что-то сладко сжималось. Интересно, как вообще использовать магию, чтобы что-то найти? Вот бы, как в сказках, появилось какое-нибудь существо и объяснило, как быть! Но нет, вокруг только лес и пугающая, промозглая ночь. Придется справляться самому.

– Ну что? Нашел? – нетерпеливо спросил Кадет.

Он не отставал ни на шаг, пока Нил бродил по поляне, но хоть за веревку не дергал, и на том спасибо. Нил присел на колени и сжал в руке пригоршню земли, но в этот раз ничего не почувствовал.

Ладно, тогда по-другому. Нил встал и потер руки. Потеплевшие ладони мягко засияли золотым. Нил оторвал их друг от друга и развел в стороны. Сияние покорно ожидало, когда он чего-нибудь захочет и верно это сформулирует, и Нил решил думать о чем-то, связанном с поиском. Но в голове было пусто, от усталости звенело в ушах, и он внезапно понял, что засыпает стоя. Из забытья его выдернул монстр, который подбежал и раздраженно тьякнул, будто велел шевелиться побыстрее. Нил поморщился, а потом его лоб разгладился.

– Иди-ка сюда, собачка, – ласково сказал он. Идея была глуповатая, но где ж в таком состоянии взять хорошую. – Собаки ведь умеют искать, для того они и нужны, а?

– Он не собака в прямом смысле, – покачал головой Кадет. – Это теневой помощник, который просто имеет такую форму.

– Если что-то выглядит как собака, по-моему, это и есть собака, – упрямо сказал Нил. – К тому же он из Тени сделан, золотая магия ему, как кошка – нормальному псу. Терпеть ее не может, да? – Нил протянул блестящую золотом ладонь монструму. Тот зарычал. – Ищи, малыш.

Кадет тяжело вздохнул, как будто пытаясь смириться с его непроходимой тупостью. Потом посмотрел на монструма. Тот ждал указаний, еле различимый в темноте.

– Он не предназначен для таких действий. У него нет нюха, а у магии нет запаха. Он чувствует ее так же, как я: если она рядом, ощущается как неприятное тепло.

– И вы не использовали этих ваших... помощников, чтобы искать золотых магов?

– Их не надо искать, они сами приходили. Пытались вести переговоры, убеждать, что мы не правы, сделать нас, как вы говорите, – Кадет скорчил гримасу, – хорошими. Это так на вас похоже.

Нил представил, как волшебники сами приходят к Ястребам, и его передернуло. Он сел на колени и уставился туда, где у пса были бы глаза, если бы... ну, если бы они у него были.

– Ищи, песик. Ты умный, злющий пес, гордость всей Тени. Возьми след, – мягко сказал Нил, тоскуя по настоящим, живым собакам. Монструм наострил уши. – Найди купол, сделанный вот из этого.

Он поднес сияющую ладонь к морде, вылепленной из Тени, и пес очень натурально чихнул.

– Ты не можешь приказывать моему теневому помощнику, – утомленно сказал Кадет и потер грудь. – Это даже ощущается... неприятно. Я тоже чувствую, мы ведь связаны. Как щекотка. Прекрати это.

Но пса он не оттащил – может, в глубине души надеялся, что сработает, да и сам монструм не убежал.

– Смотри, это же я, помнишь, сколько раз ты меня за ногу кусал? Мы знакомы, я не чужой, – продолжал ворковать Нил. Его это, как ни странно, успокаивало – в мертвом лесу, где не было слышно ни ветра, ни зверей, приятно было посмотреть на животное, пусть и ненастоящее. – А когда ты найдешь купол, представь, как тебе будет... – Он осекся. Хорошо? Приятно? Ястребы таких словечек не признают, но должно же им быть знакомо удовлетворение от сделанной работы. – Каким ты будешь храбрым, успешным псом.

Сияние на ладони разгоралось ярче, но от собаки не отражалось, тьма поглощала свет полностью. Монструм еще какое-то время смотрел на Нила, потом обнюхал его руку и потрусил в лес, сначала нехотя, потом – все быстрее. Кадет удивленно пошел следом, не глядя на Нила, чтобы не пришлось говорить: «Ты был прав».

У Нила по-прежнему светились руки, и это оказалось очень удобно, теперь он хотя бы различал, куда наступает, и не боялся на каждом шагу сломать ногу. А вот Кадет от света отворачивался, как будто в полной темноте ему удобнее идти. И веревку, гад, не выпустил и не ослабил: два шага, дальше не отойдешь.

– Я понял, почему их не использовали, чтобы искать купол, – пробормотал вдруг Кадет. – Не было образца золотой магии.

«Да вам это просто в голову не приходило, умники», – подумал Нил, но вслух ничего не сказал.

Минут через пять пес остановился и начал лаять на что-то невидимое. Сердце у Нила забилось чаще. Похоже, пришли.

Он повернул свою руку ладонью вверх и дунул на нее, сдувая золотые крупинки. Они не упали – налипли на воздух и так замерли. Он коснулся ладонью этого места и почувствовал что-то тонкое, почти бестелесное, на ощупь – как теплая паутина. Стоило надавить сильнее, и ощущение пропало, но отпечаток руки по-прежнему не осыпался и не гас, показывая границу, отделяющую золотые земли от тех, где даже лес скоро загнется. Но как туда попасть?

Монструм лаял все громче, и Кадет подхватил его на руки, зажимая пасть. Наверное, боялся, что они привлекут чье-то внимание на другой стороне невидимой стены. Этот участок леса на вид ничем не выделялся, но ветер, которого Нил не чувствовал с тех пор, как вышел за Изгородь, вдруг накрыл волной, всколыхнул все деревья разом. В шелесте хилой, сухой листвы можно было различить шепот, и это было так странно, что Нил решил уточнить, не сходит ли он с ума.

– Слышишь? – выдохнул он, чувствуя, как мурашки ползут по шее.

Кадет непонимающе нахмурился, и Нил закрыл глаза, прислушиваясь к голосам, едва различимым, будто ветер нес их издалека. Всего одна фраза, повторяющаяся снова и снова: «Добро пожаловать живым». Нил забарабанил пальцами по губам и барабанил минут пять, но если эта фраза и должна была подсказать ему, как попасть внутрь, у нее не получилось.

А потом голос листьев вдруг прибавил кое-что еще, будто смирился, что имеет дело с болваном и надо подсказать ему яснее: «Подобное подобному под стать. Чтобы войти, достаточно сказать».

Да уж, спасибо, вот теперь все ясно. Сказать что? Нил постучал себя кулаком по лбу, пытаясь сосредоточиться. Ему не хотелось даже себе в этом признаваться, но двигало им сейчас не благородное желание кого-то спасти, а жажда рухнуть на какой-нибудь теплый матрас, который обязательно найдется в землях волшебства, и там заснуть.

– Я золотой стриж, – попробовал Нил, обращаясь к отпечатку ладони, висящему перед ним. – Я друг. Золотой купол, проявись.

Ха. Как же! Думай, думай. Защита от Ястребов, приветствие для своих. Ответ не должен быть логичным, Весна же сказала, логика – это неважно.

Нил выпрямился. А еще она сказала: «Желания – основа магии». Анима – это сама жизнь, а жизнь состоит из желаний: благородных или глупых, простых или невыполнимых. Ястребам от этого аж противно: для них важно только задание сверху, хотеть – постыдно.

– Хочу попасть внутрь, – твердо, спокойно сказал он. Не сработало. Значит, надо сформулировать по-другому. – Хочу увидеть купол.

Ничего не изменилось. Кадет раздраженно хмыкнул.

– Я хочу домой, – брякнул Нил.

Он даже не уверен был, что его дом именно здесь, – но у магии, похоже, было на этот счет свое мнение.

Золотая стена проявилась прямо из воздуха, вспыхнула так, что Нил чуть не ослеп. Она покато уходила вверх, и волны жара не давали разглядеть, что на другой стороне, – а на этой осветили лес до последней травинки. Нил хотел коснуться стены, но не смог – она сияла слишком ярко, дышала жаром. Магия невероятной силы, созданная кем-то могущественным, кому Нил и в подметки не годился.

Нил покосился на Кадета, проверяя, насколько крепко тот держит веревку. Держал, но как-то рассеянно, не отводя затравленного, остановившегося взгляда от купола. То, что золотая магия не просто существует, а существует в таких количествах, видимо, поразило его до глубины души. Монструм стоял рядом – не прятался, не выл, смотрел молча, вытянув морду к стене.

Нил был любителем простых решений и недолгих раздумий. Он постарался как можно сильнее почувствовать надежду, вопреки всему, как тогда, у Изгороди, когда он много-много раз подряд верил, что сможет выйти. Золотая стена горела так, будто сожжет до углей, стоит только приблизиться, но она ведь соткана из того же, что есть в нем: из анимы. А значит – ни страха, ни сожалений. Нил зажмурился и сделал шаг вперед сквозь пылающую золотую завесу, стараясь не думать ни о чем плохом.

И все получилось.

Кадет подскочил и ухватился за обрывок теневой веревки в своей руке. Он не думал, что все произойдет так быстро, наверное, ждал, что Нил будет творить какие-то заклинания, но тот сделал всего одно движение, и теперь было уже поздно: золотая магия такой силы легко пережгла веревку, когда Нил шагнул вперед.

Стена, которая снаружи казалась такой горячей, просто окатила Нила приятным теплом и сомкнулась за спиной.

На другой стороне не было ничего сверхъестественного, такой же лес – вот только этот лес был здоров. Те же деревья, но с яркими зелеными листьями, трава – без некрасивых сухих проплешин, запахи ярче, звуки громче. В лесу щебетали и ворчали какие-то живые существа, ветер мягко ерошил листья, и в их шелесте угадывались все те же слова: «Добро пожаловать живым». Несколько секунд Нил просто стоял, вдыхая запах ночи и влажной травы, летний, настоящий. Кадет что-то кричал, но слова доносились нечетко, будто издали. Монструм скулил так, будто его убивают, бросался на стену всем телом и отпрыгивал.

– Извини, дела ждут, счастливо оставаться, – весело сказал Нил и, подумав, прибавил: – Господину Черепу привет.

Кадет швырнул в его сторону что-то черное, и Нил инстинктивно дернулся, но теневое заклинание растеклось по стене и испарилось. Отсюда купол выглядел другим – не огненным, а мягко-золотым, как солнечный свет на закате. Кадет ударил в стену кулаком и с шипением отдернул руку. Видно, чтобы пройти сквозь купол, нужно, чтобы в тебе была золотая магия – простая и, как сказал бы сам Кадет, логичная защита от Ястребов.

Нил удовлетворенно вздохнул. С караваем его тут не ждали, но ничего, не пропадет. На этой стороне он чувствовал себя по-другому: усталость притупилась, даже дышалось как-то слаще.

– Подожди. – Кадет подался ближе к стене. Он не видел Нила, не мог поймать взгляд через огненную стену и просто замер, глядя в пустоту. – Я... Прошу, возьми меня с собой.

Нил ухватился за него сквозь тонкую золотую дымку. Он понимал: надо уходить, скрываться как можно быстрее, ничто его тут не держит, – но все равно спросил, прежде чем успел приказать себе заткнуться:

– Ты в своем уме? Серьезно думаешь, что я настолько тупой?

– Меня уничтожат, если я вернусь. Прекратят мое существование. Мои запасы Тени передадут в хранилище, без них тело сразу иссякнет. – Кадет сделал движение рукой, будто хотел коснуться стены, и остановил себя. – Я не выполнил приказ. После этого оставлять меня в живых...

– Контрпродуктивно? – вырвалось у Нила. – Просто скажи: «Я не хочу умереть».

Кадет поморщился. Ястребам не полагалось «не хотеть».

– Слушай. – Нил заговорил с ним медленно, как с тупицей. – Мы враги, не забыл? Вы уже испортили все, до чего дотянулись ваши мерзкие когти, и я не дам вам испортить еще и это. Прощай, не поминай лихом, я ухожу.

– Стой! – Кадет пытался подобрать логичные доводы и не мог. – Я хочу сюда попасть. Мне это нужно. Прошу тебя.

Кадет держал лицо, зато монструм скулил и скреб землю, дергал ушами. Ему было страшно. Даже если это просто тьма в форме собаки, она выглядела испуганной, и Нил был бы и рад позлорадствовать, но почему-то не мог.

– Не убьют тебя, – неуверенно сказал он. – Накажут как-нибудь, но убивать-то зачем? Ты ж не виноват, что я такой великий и могучий.

– Отдельная жизнь не имеет значения по сравнению со славой Империи. Моя смерть – это не личное наказание, – пожал плечами Кадет. – Это пример для остальных, чтобы помнили, как важны нужды Империи. У нас всегда так делают, но мне... Я предпочел бы этого избежать. Пожалуйста. Я... Я прошу.

Голос у него сорвался.

«Да чтоб тебя», – беспомощно подумал Нил. Он знал, что это притворство, план, хитрый трюк, чтобы заставить его подчиниться. Кадет небось всю дорогу сюда обдумывал его поведение с теми бородачами и вот, гадина, пришел к выводам. С другой стороны... Нил вообразил себя на месте Кадета: как он возвращается к Господину Черепу и говорит, что провалил задание, и его передернуло.

– Ты сказал тем людям, что ищешь место силы, чтобы всех спасти, – продолжал напирать Кадет. – Ты и сам пойдешь туда же, куда надо мне. Просто возьми меня с собой.

– Это адски нелогично – брать тебя с собой. Как ты вообще себе это представляешь? Здравствуйте, золотые волшебники, я привел вам Ястреба, он хочет вас всех прикончить? Тебе тут же крышка.

– Обещаю в пути не доставлять тебе неудобств. Не использовать теневою магию, – через силу проговорил Кадет. – Не пытаться убить тебя или кого-то еще, если не придется защищать свою жизнь. А когда мы дойдем, пусть все будет честно: кто быстрее успеет присвоить место силы, тот и выиграл. Если ты, я уйду. Тогда мое начальство поймет: я сделал все, что мог, чтобы выполнить задание. Тень все знает, ей не соврешь.

– Ты сам-то себя слышишь? – Нил стряхнул оцепенение. Нет уж, спасибо. Вспомни, с кем имеешь дело, болван. – С какой стати мне тебя жалеть? Вы-то нас не жалели.

– Мы не мыслим в категориях жалости. Ты – да.

– Ну, спасибо. И катись тогда отсюда. Я не впускаю тебя, не могу так рисковать. Извини.

Он пошел прочь, но через несколько метров покосился через плечо. Кадет уронил голову, больше не глядя на него, но Нил почему-то не испытывал никакой радости от его проигрыша. Даже красота вокруг ему больше душу не грела, изнутри скребло какое-то ужасное беспокойство, ощущение ошибки. Он обернулся снова. Думал, что Кадет уже улетел или связывается со своими, в общем, бурную деятельность развил, – но тот просто стоял, обхватив себя руками за бока. Нил знал этот жест, посмотрелся. Попытка утешить себя там, где утешения не будет. Неуклюжая пародия на объятие, когда знаешь, что никто другой тебя не обнимет. Он не думал, что Ястребы тоже так делают, когда им страшно. Это было так по-человечески, что Нил остановился.

Да что ж такое. Кадета же, наверное, правда прикончат, с них станется. Невелика, казалось бы, потеря, все эти твари одинаковые, но нет, нет, не одинаковые. Он некстати вспомнил, как Кадет вот так же много раз заставлял его у стены – другой, не этой, но тогда Нил не мог пробраться на другую сторону. Любой Ястреб уже давно нашел бы на него управу, но Кадета будто развлекали эти встречи у Изгороди. Наверное, он даже никому не говорил, что каждые несколько месяцев ловит у забора какого-то идиота.

Нил сглотнул. Нельзя делать такую глупость... Но он был соткан из глупостей, не мог вспомнить ни одного действительно умного поступка. Он просто слушал что-то внутри себя, слушал аниму, и это нежное, золотое, не поддающееся логике говорило ему, что представлять, как Кадет вернулся и его уничтожили, будет невыносимо, даже если Нил спасет всю магию на свете. Он медленно, тяжело вернулся к стене. Монструм лежал как мертвый, положив голову на лапы.

Да к лешему это все. Он ведь на своей территории, тут все работает по законам золотой магии, а она подскажет, как сделать так, чтобы никто, вообще никто не пострадал.

– Брось все оружие, какое есть, – обреченно сказал Нил.

Кадет вскинул голову.

– Я не могу, – растерянно пробормотал он. Он явно не верил, что они все еще разговаривают, что не все еще кончено. – Мы не носим оружие с собой. Достаем из Тени. Это как твоя магия, она всегда под рукой. А монструм – часть меня. Как нога.

От удивления он даже говорить начал по-другому – без умных словечек, как нормальный человек.

– Тогда бери, – пробормотал Нил. – Ох, как же я об этом пожалею.

Но сейчас, в эту самую секунду, глядя, как в глазах Кадета проявляется что-то удивленное, живое, почти человеческое, он не жалел. Кадет медленно, ломано наклонился, и монструм запрыгнул к нему на руки.

Ладно. Надо просто решить и не отступать, все как-нибудь само устроится. И Нил протянул ладонь сквозь золотую дымку. Он в глубине души надеялся, что натолкнется на преграду, и у него будет оправдание: вот, мол, видишь, я хотел, а ничего не вышло. Но рука прошла совершенно свободно.

Кадет, потрясенно моргая, сжал ее, и Нила подбросило, как от удара. Тень, наполнявшая Кадета, отталкивала, руку прошило странным, противоестественным ощущением и тепла, и холода одновременно. Судя по тому, как дернулась рука Кадета, он чувствовал то же самое.

Нил прикрыл глаза и рывком подтянул Кадета к себе. Тот зажмурился и сделал шаг. Огненная стена вполне могла бы сжечь его до углей, но мир, похоже, сговорился не облегчать Нилу задачу. Кадет прошел сквозь золотую стену невредимым. Нил разжал руку и попятился. У него подрагивали ноги.

– Добро пожаловать в золотые земли, – пробормотал он, чтобы заглушить голос разума, который твердил ему, что он идиот. – Ничего не трогай, ни на кого не бросайся.

Кадет постоял, замороженно озираясь, а потом перевел взгляд на Нила и брякнул самое неуместное, что можно было сказать:

– Зачем ты это сделал?

Ни «спасибо», ни «ты жизнь мне спас». Ну чего еще ждать от этих пернатых козлов? Отвечать Нил не собирался, но Кадет действительно ждал, так что пришлось.

– Живым быть веселее, чем мертвым. Если тебя убьют, живым ты больше не будешь. Объяснил?

– Ясно. – Кадет нахмурился. – В принципах вашей магии – ценить отдельную жизнь выше цели. Я об этом читал, но одно дело – читать, а другое...

– Это не принципы магии. Так жизнь устроена.

Кадет странно на него посмотрел:

– Уже давно не так.

– Ты ведь нарочно изображал, как тебе плохо, чтобы я тебя впустил, да? – спросил Нил.

Какое-то время Кадет колебался, прикидывая, отвечать или нет, но все-таки произнес:

– Я действовал согласно тому, что знаю о вашей магии и моем личном характере. – Он помолчал и вдруг прибавил: – Но это не значит, что в данном случае я соврал.

– А, ну это утешает. – Нил завертел головой, чтобы не думать о том, что же он все-таки натворил. – Я верно понимаю, что ты не знаешь, куда идти дальше?

– Нет. Тут не бывал ни один Ястреб, – покладисто ответил Кадет и опустил монструма на траву. Тот, как ни странно, вполне спокойно и деловито начал принюхиваться к траве. – И ты тоже не знаешь.

– Уверен, что-нибудь мне подскажет, как найти дорогу.

– Это и называется «не знать», – резонно заметил Кадет и огляделся, пожившись, как будто сам воздух колот его. – Я не так все представлял. Тут... – Он искал слово. – Неуютно.

– Боюсь даже представить, что у вас считается уютным, – пробормотал Нил и пошел вперед.

Глава 6

Зимний приют

Вот как Нил себе это представлял: они проходят шагов двадцать, и тут впереди вспыхивает что-то яркое, как драгоценный камень. «Да вот же место силы!» – говорит он. И прикасается к нему рукой. Потом откуда-то появляется Весна, говорит: «Ты молодец», и он вдруг оказывается дома, в своей избе, с мамой. И больше никаких Ястребов, никаких неприятностей, только счастье.

– Куда мы идем, если ты не знаешь дорогу? – раздался за спиной голос Кадета, и Нил подскочил, выкарабкиваясь из дремы, в которую ухитрился провалиться прямо на ходу.

Он был даже удивлен, что Кадет так долго продержался. Они брели уже полчаса, а тот даже голос не подавал: то ли смаковал победу, то ли видами любовался. Монструма он нес под мышкой, и тот мирно дремал: темный шар, похожий на здоровенный ком пыли.

– Думал, чутье подскажет, – честно ответил Нил. – Слушай, давай отдохнем. Только беспредела никакого не твори, пока я сплю, ладно? Местные наверняка теневою магию за версту чувуют. Утро вечера мудренее, завтра все найдем.

Он увидел поблизости поваленное деревце и опустился на него, со стоном вытянув ноги. В коленные суставы будто песку насыпали, пальцев ног он не чувствовал так давно, что поздоровался бы с ними, если бы они подали хоть какие-то признаки жизни.

– Нельзя, – занудным голосом ответил Кадет. – Тут опасно, я чувствую. Необходимо как можно скорее...

Нил хотел было ответить: «Единственное, что здесь есть опасного, – это ты», но тут совсем рядом ухнула птица, и он вскинул голову. Птица сидела прямо над ними: пушистая, красивая, с торчащими ушами и загнутым клювом. Ее круглые глаза поблескивали в темноте. Заметив, что на нее смотрят, она не улетела, а раскинула крылья и снова ухнула.

– Вот, – наставительно сказал Кадет, мрачно глядя на птицу. – Об этом я и говорю. Тут нельзя спать.

– Это просто сова.

– Не думаю, – процедил Кадет. – Сосредоточься и пойми, куда нам идти.

– Ладно, – покладисто ответил Нил. Чего только не придумаешь, чтобы тебя оставили в покое. – Я знаю один способ, ты главное не мешай.

Нил дождался неохотного кивка и лег на землю, делая вид, что сосредоточенно думает, а не повалился от усталости. Тут все поросло влажным мхом – мягким, с одуряюще приятным, нежным запахом. Нил вжался ладонями в мох и торжественно заявил:

– Я слушаю голос земли. Она мне подскажет, куда идти. Не отвлекай, это может быть долго.

Нил закрыл глаза, чувствуя лицом шершавые комки почвы и островки мягкого мха, и мгновенно соскользнул в сон.

Ему приснился огонь. Теплое, веселое пламя горело в печке, и Нил тянул к нему руки, грел их, а огонь уютно потрескивал. От этого звука было так хорошо, что он вздрогнул всем телом, когда его тронули за плечо. Кадет, похоже, над ним издевался: чувство времени кричало, что прошло минут пятнадцать. Нил сердито приподнялся на локтях, подбирая слова, чтобы объяснить: голос земли надо слушать до утра, иначе никак, – и обомлел. Как ни странно, причина разбудить его у Кадета действительно была.

С неба валил снег. Ложился на зеленые листья и цветы, укрывал землю. Вокруг стало очень светло, крупные белые хлопья плясали на ветру. Кадет сидел на поваленном дереве и потрясенно вертел головой.

– Я не так часто видел снег, но у меня впечатление, что он бывает зимой, – сдавленно сказал он. – Я же говорил, что тут опасно! Судя по всему, земля решила нас заморозить.

Холод и правда был знатный, но Нил, как ни странно, от него почувствовал себя только лучше. Это был не мертвый холод Ястребов, а обычный, зимний.

– По-моему, она не угрожает, – замороженно касаясь рукой похолодевшей земли, проговорил Нил. – Она здорова.

– Ледяные смертельные объятия в качестве приветствия? Чудесно, – ядовито ответил Кадет, подставляя руки снежным хлопьям.

Нил поднялся на одеревеневшие от усталости ноги. Он понятия не имел, как им здесь не замерзнуть насмерть, но вопреки всему чувствовал только жаркую, необъяснимую радость и совершенно не ощущал угрозы – ни от снега, ни от земли, ни даже от стучащего зубами Кадета. Ну, зубы у него, судя по звуку, были. Нила эта мысль вдруг развеселила: приятно знать, что у Кадета под маской, видимо, все-таки не клюв и не дыра для высасывания душ из несчастных.

– Видишь? – Нил протянул руку туда, где под снегом постепенно исчезали заросли пышных зеленых кустов. – Идем туда.

Кадет обернулся, и глаза у него полезли на лоб. Вдалеке за кустами мерцали в ряд несколько огоньков. Монструм, спавший у Кадета на коленях, поднял голову и вопросительно тявкнул.

– Да-да, песик, – пробормотал Нил. – Идем навстречу приключениям.

– Эй! – Кадет схватил его за локоть. – Позволь объяснить. Там, где работает золотая магия, все непредсказуемо, даже для тех, у кого она есть. В мире вашей магии обожали игры и розыгрыши, которые далеко не всегда хорошо заканчивались. И любому здравомыслящему созданию ясно: видишь приветливый домик посреди леса там, где только что ничего не было, – беги как можно дальше.

– Да ладно, там ничего страшного, – отмахнулся Нил, продолжая рваться навстречу огням. – Выглядит безопасно.

– Великие крылья, хуже всего то, что ты серьезно.

Кадет держал крепко, но Нила обуюло такое сладкое чувство безнаказанности, что даже дышать легче стало. Сутки назад его за это могли на месте иссушить, и поэтому сейчас он с двойным удовольствием врезал Кадету свободным локтем в живот. Кость вмялась во что-то, по ощущениям вполне напоминающее человеческое тело, Кадет охнул и разжал руку, и Нил решительно пошел в сторону огоньков, жмурясь от того, как мягкие снежные хлопья щекоют лицо. Несколько секунд он с болезненным азартом ждал расправы, но Кадет молча поплелся следом – знал, что он сейчас не там, где можно сыпать теньвыми заклинаниями.

За обсыпанными снегом кустами начались заросли молоденьких колючих деревьев, при виде которых Нил чуть не ахнул. Елки. Такие же росли вокруг его дома. Нил зарылся лицом в покрытые снегом холодные ветки, вдыхая хвойный запах. Он покосился на Кадета, застывшего рядом, и с удивлением понял: того колотит от холода. Нил был уверен, что Ястребов можно хоть в ледышку заморозить, им это только в удовольствие, но нет, видимо, мороз морозу рознь.

Он осторожно отщипнул несколько иголок, сунул в рот и помчался дальше, едва не переходя на бег. За ельником обнаружился домишко с резными наличниками на окнах, перед ним – небольшой замерзший пруд. Лед был весь исчеркан чем-то острым, будто кто-то пытался рисовать узоры ножом. От пруда к дому вели следы маленьких ног.

Нилу вдруг показалось, что он сейчас проснется на своем матрасе в Селении и поймет: ничего этого не было, наступает такое же утро, как сотни других. Зыбкое, мутное чувство, от которого еще сильнее хотелось жить, чувствовать на лице снег и ломиться в волшебные дома среди ночи.

– Стой! – зашипел Кадет, но Нил уже добежал до порога и постучал в хлипкую резную дверь.

Никто не ответил. Нил заглянул в окно, но оно было закрыто ставнями, и сквозь щели можно было угадать разве что трепещущие контуры огня в очаге. Нил еще раз постучал, и дверь со скрипом открылась.

– Мерзкий звук, – содрогнулся Кадет. – В страшных историях о вашей земле двери вечно скрипят, вы же их не смазываете, вам наплевать на порядок. Зайдешь вот в такую, и начнет всякая жуть происходить. Я не пойду.

Впрочем, сказал он это без большой уверенности. Если Нил от снега взбодрился, то Кадет мгновенно посинел, промерз и начал сухо кашлять. А из двери призывно пахло теплым деревом, смолой и чем-то пряным.

– Можно нам зайти? – спросил Нил, но ответа не получил.

Дом был тихим и неподвижным, трескучим и – в этом Нил мог бы поклясться, он это чувствовал, сам не зная как, – совершенно безопасным. Он переступил порог, не обращая внимания на возмущенное шипение Кадета за спиной. Половицы скрипнули и продолжали натужно, заунывно скрипеть с каждым шагом. Ну конечно, так и должно быть. Нил слабо улыбнулся. Жилище с резным крыльцом, в котором все вот-вот развалится, способное появиться из ниоткуда посреди зимы, наставшей посреди лета, место, где кто-то живет, но его не обязательно видеть, чтобы принять его приглашение. Во всем этом было что-то поразительно знакомое, как будто он слышал такую сказку, но не мог вспомнить, о чем она.

В огромной белой печи жарко горел огонь, вдоль стен стояли широкие лавки, на полках – посуда и охапки сухой травы. На печи грудой валялись лоскутные одеяла и подушки, у окна обтекало воском несколько толстых свечей, так что комната тонула в переменчивом, трепещущем свете.

– Красиво, – выдохнул Нил.

– У нас разные понятия о красоте, – отозвался Кадет.

Он попятился к двери – и подскочил, когда сверху раздались шаги, кряхтение и кашель. Нил даже не вздрогнул. Его не покидало ощущение, что он все еще спит, а раз так, ничему можно не удивляться.

– Спасибо, что впустил, хозяин дома, – сказал он, запрокинув голову. – Покажись нам, пожалуйста.

Судя по шагам, ноги, шаркавшие туда-сюда по чердаку, были невелики и обуты во что-то мягкое. Кто-то звучно высморкался и чихнул. Огонь в печи вспыхнул ярче, рядом с Кадетом со стены сорвался железный котел, с грохотом рухнул на пол и подкатился к его ногам. И все затихло.

– Думаю, он говорит, что ты ему не нравишься, – прошептал Нил и, подобрав котел, бережно повесил обратно на крючок. – Скажи что-нибудь дружелюбное.

Кадет диким взглядом глядел в потолок. От холода он уже не трясся, наоборот, – лоб блестел от испарины, будто у него начался жар. Видимо, магию он чувствовал так же, как Нил, – всем телом. Монструма Нил какое-то время назад потерял из виду, а теперь наконец разглядел: тот изображал, что он – просто безобидная тень в форме собаки, лежащая в углу наподобие ковра.

– Мы уходим, – проскрипел Кадет.

Он распахнул дверь, и ветер кинул в дом пушистое облако снега. Кадет немного постоял на пороге, едва заметный в снежной крупе, потом отчаянно захлопнул дверь.

– Тут очень жарко. А там очень холодно. Я не знаю, что нужно сказать местным... существам, чтобы они меня не убили, – отчеканил Кадет, и Нил впервые заметил, как он устал: до дрожи, до кругов под глазами. – Не думаю, что они примут вежливую ложь, учитывая мою униформу. Мне чуждо все, что здесь происходит. Все эти... – Он поморщился. – Сказочки про добреньких лесовиков с угощением. Зимние приюты для странников. Я знаю, что будет. Ты заснешь, а меня эта тварь вот в том котле и сварит. Видишь, каких размеров печь? Наверняка

как раз для этого. И я не знаю, что мне... – Кадет захлебнулся словами и замолчал, вытирая мокрый лоб. – Приношу извинения. Не знаю, что на меня нашло. Ты можешь переночевать здесь, я подожду снаружи.

Нил слушал, приоткрыв рот. Это была самая бурная речь, какую он слышал от Ястребов за всю свою жизнь, и до него вдруг дошло кое-что невероятное: если на него самого тяжело действовал переизбыток Тени, на Кадета, похоже, так же действовала золотая магия. Тень подавляет, высасывает силы, заставляет чувствовать себя ненужным и мертвым, а анима, похоже, заставляет чувствовать себя слишком живым.

А значит, переизбыток анимы его либо убьет, либо...

– Стой, никуда не уходи, – сказал Нил.

Кадет поймал его сияющий взгляд и мученически прикрыл глаза. Он уже научился угадывать моменты, когда Нилу приходит в голову очередная блестящая идея.

– Хозяин, он не будет нападать, он мне обещал. – Нил задрал голову к затихшему чердаку. – Ты его не вари, ладно? Ну, если ты собирался. И выйди к нам, мы хотим тебя поблагодарить.

Несколько секунд было очень тихо: Нил ждал, монструм не подавал признаков жизни, Кадет сжимал ручку двери. Грудь у него ходила ходуном, и Нил впервые задумался, как же им, беднягам, тяжело дышится с этими масками на лицах.

Потом раздались звуки шагов на лестнице, ведущей с чердака. Скрипучие. Конечно, скрипучие, как Кадет и предполагал. Нил понял, что глупо улыбается. Недостаток анимы, который он чувствовал как тупой кол, загнанный под ребра, исчез без следа.

– Ну надо же, дожили, – проворчал голос за дверкой в дальнем конце комнаты. – Возвращение блудного сына. Столько лет спустя и в такой компании. Поразительно.

Дверь была почти в человеческий рост, поэтому Нил оказался не готов к тому, что увидел, когда она распахнулась. Ростом старик едва доставал Нилу до пояса: лысоватый, с проседью в мягкой рыжеватой бороде. От него веяло теплом и запахом грибов, и у Нила возникло странное чувство: как будто старик, как и теневой помощник Кадета, просто принял такую форму. Уж больно молодые были у него глаза: прозрачно-зеленые, ясные и упрямые, они словно принадлежали кому-то гораздо выше ростом, гораздо сильнее, кому-то совсем не забавному.

На Нила он смотрел вроде бы снизу вверх, но от этого взгляда хотелось присесть, чтобы быть ниже ростом, и бормотать, что ты не сделал ничего плохого. А старик уже перешел к Кадету и оскалил зубы так, что даже не понять было, улыбка это или угрожающая гримаса.

– Да уж. Очень, очень интересно, – протянул он и вдруг засмеялся густым, низким смехом, который тоже подошел бы кому-нибудь в два раза крупнее. – Ну что ж, добро пожаловать в зимнее пристанище. Платите и можете ночевать.

– Но... – Нил захлопнул было рот, чтобы не задавать глупых вопросов, и все равно не удержался. – Но почему зимнее? Сейчас ведь... ну... лето.

– На этих широтах к зиме относятся положительно, – подал голос Кадет, который, видимо, задался целью переиграть старика в гляделки. – Все ближайшие золотые народы связывали зиму с безопасностью. По легенде, такое пристанище может вызвать любой, кому оно понадобится. Здесь всегда...

– Зима, – закончил за него старик. – Умный, что ли?

– Вроде того, – спокойно ответил Кадет.

Но Нил видел: его потряхивает, и руки за спиной сжаты в кулаки.

– Благодарим от всей души, что впустили, мы очень, очень благодарны, – встрял Нил, решив, что надо брать дело в свои руки, пока их не выгнали. – Но я не знаю, чем платить. Могу вот только... – Он прикрыл глаза, и ладонь вспыхнула золотом. – Возьмете?

Старик отошел от Кадета, и на его лице проступило что-то похожее на искреннюю улыбку, не насмешливую, просто добрую. Он взял руку Нила своими короткопалыми морщи-

нистыми ладонями. Сияние в них не впиталось, и Нил не почувствовал, чтобы у него что-то забрали, – никакой пустоты в груди, никакого покалывания в коже руки. Он ожидал возгласа вроде «Неужели у тебя есть магия!», и тогда он сказал бы: «Да, я золотой стриж», и старик восхитился бы, и это было бы приятно. Но тот изучал его руку, как игроки в Селении изучали еще незнакомое оружие: пристально, деловито.

– Хороший мальчик, такие долго не живут, – пробормотал старик и покосился на Кадета. – Береги его, потом спасибо скажешь.

На лице Кадета было написано, что беречь этого хорошего мальчика – последнее, чем он собирается заниматься. Старик ласково похлопал Нила по руке и выпустил.

– Нет, малыш. Я лесовик, мне анима не нужна, тебе самому пригодится. Но без платы выгоню взащей. Мне нужно-то немного: ценную вещь, которую не жалко.

– Это противоречие, – заявил Кадет, но лесовик и ухом не повел.

Нилу перечень своего имущества не надо было составлять: оно равнялось абсолютному нулю. Даже потрепанная игровая форма – штаны и рубашка мышасто-серого цвета – были, строго говоря, собственностью Ястребов. Он выжидающе уставился на Кадета, но тот покачал головой.

– У меня нет личного имущества.

– Вообще никакого? – удивился Нил. – А зачем же...

– Зачем вы захватываете мир, если потом у вас ничего нет? – закончил за него лесовик.

– Собственность – это устаревшее и бессмысленное понятие, – огрызнулся Кадет. – Империя может выделить все необходимое, если отправить запрос, но сейчас, полагаю, это невозможно.

Лесовик тяжело вздохнул.

– М-да, – сказал он. Оглядел Кадета – и его лоб разгладился. – Вот! Блестящая штука! Отдай, и можете ночевать.

Кадет опустил взгляд себе на грудь и нахмурился. Как и всегда, у него на униформе блестела металлическая плашка с выпуклыми цифрами: «723».

– Это номерной знак. Я не могу его отдать, мы отчитываемся за их утрату. Ястреб не может без него, униформа считается неполной.

– Парень, а ты не забыл, где находишься? Поверь, если я окажусь не на вашей стороне, неполная униформа станет наименьшей из твоих проблем.

Лесовик протянул руку, и Кадет, отстегнув значок, хмуро положил его лесовику на ладонь. Тот рассмотрел его, попробовал на зуб, удовлетворенно кивнул и убрал за пазуху.

– Тени нет. Прекрасно. Просто вещь, сделанная кое-кем особенным. – Рот изогнулся в усмешке. – Добро пожаловать.

Нил знал, где делают эти плашки, но понятия не имел, с чего вдруг это вызвало у лесовика такую радостную усмешку.

– Можете переночевать и поесть. Не хоромы, зато сухо. – Лесовик забрался на лавку и свистнул, глядя туда, где лежала тень в форме собаки. – Иди сюда. Славный, верный пес. Собак хлебом не корми, только дай на лавку забраться.

Кадет уже открыл рот для очередной речи о том, что его монструм совсем не славный и никому не подчиняется, но тот уже принял свою нормальную форму, подбежал к лавке и одним прыжком вскочил на нее. Лесовик опустил ладонь ему на холку и почесал. Глаза Кадета округлились. Нил хмыкнул и хотел высказаться, но тут заметил около печи закопченный котелок с плоским дном. Он был накрыт белой тканью, и мысли Нила на всем скаку свернули к теме еды.

– Угощайся, – мягко сказал лесовик, переводя изучающий взгляд с него на Кадета и обратно.

Нил подошел, сдернул ткань, и над котелком поднялся густой пар. Внутри оказалась горячая вода с какими-то разваренными травами, и Нил блаженно прикрыл глаза. Он понятия не имел, что это, но пахло просто волшебным: лесом, хвоей и цветами.

– Только не говори, что ты собираешься это... – начал Кадет.

Но Нил уже взял с полки кружку, зачерпнул содержимое котелка и сделал глоток. Кадет застонал.

– Никогда, – отчеканил он. – Никогда не пей и не ешь того, что предлагают незнакомые люди. – Он покосился на лесовика, который болтал ногами и чесал мирно дремлющего монструма, и его брови страдальчески изогнулись. – Или не люди.

Но Нил уже обнаружил в углублении печи миску с хлебными лепешками и слушать перестал окончательно. Он сел на пол, всем телом привалился к печке и вгрызся в лепешку, чуть не заурчав от наслаждения. Следующие минут пять он ел, пил, тянул руки к огню и снова набивал рот. Лепешки пахли горячим тестом и подтаявшим сливочным маслом, Кадет наконец перестал дергаться и сел на лавку, наблюдая за Нилом, как за невиданным явлением природы. Есть, когда каждый кусок провожают таким взглядом, было неуютно, но Нил справился. В конце концов он схватил масляной рукой миску и подвинул Кадету. Тот покачал головой.

– Давно не видел, чтобы кто-то ел с таким... вкусом, – сказал он. – В языке Ястребов и слова такого нет, пища – это только для поддержания жизни.

В его словах было разом и осуждение, и голод, и что-то похожее на восхищение. Нил сполоснул руки в бадейке, стоящей около печки, налил во вторую кружку травяной отвар и поставил ее рядом с Кадетом.

– Если я еще жив, значит, оно не отравлено, – бодро сказал Нил. – Не знаю уж, чем вы питаетесь, но ты бы поел, а? Вкусно. Поедим, выспимся и завтра пойдем дальше. – Он помолчал и, взглянув в мрачные, тоскливые глаза Кадета, прибавил: – Тебе лучше?

– Что? – будто очнувшись, спросил тот.

– Ну, ты чувствуешь себя более... удовлетворительно? – попытался Нил. Кто их знает, как Ястребы ухитряются общаться, не говоря, как они выражались, «резко позитивных слов». – Тебе было плохо. Жар прошел?

– Если ты ждешь, что я ослабел и тебе удастся сбежать, ты этого не дождешься.

– Нет. Просто спрашиваю, в порядке ли ты. Люди так делают.

Кадет долго смотрел на него не отрываясь, затем с трудом проговорил:

– Да. Я в норме.

Кажется, и правда: пот на лбу высох, руки дрожать перестали. Лесовик наблюдал за ними, как игроки в Селении наблюдают за самыми увлекательными раундами.

Почувствовав этот взгляд, Кадет поднялся и все-таки взял кружку и миску. Нил тут же наострил уши – чтобы есть, маску-то придется снять, и он наконец узнает, что под ней. Но Кадет направился к двери, вышел и захлопнул ее за собой. Нил подкрался к ближайшему от двери окну и выглянул в щель между створками. Снегопад закончился. Кадет ел, сидя на крыльце, кружка стояла рядом. Нил видел только его спину и низко надвинутый капюшон, а разглядеть, что же там под ним, никак не получалось. Судя по тому, как Кадет низко склонился, он нарочно повернулся так, чтобы Нил не увидел его лица, выглянув в окно. Все предусмотрел!

Нил подошел к лесовику и сел на лавку рядом с ним. Тот больше не усмехался, смотрел как-то странно – с жалостью, как, наверное, смотрят на больных детей. У Нила противно сжалось сердце. Этот взгляд будто бил под дых, во что-то мягкое, уязвимое, испуганное.

– Ты подскажешь мне, как найти место силы? – тихо спросил он.

Лесовик протянул руку, чтобы погладить по голове, но не дотянулся и мягко провел по запястью, где был выведен черной теневой краской номер: «6452».

– Вода подскажет. – Лесовик сжал его запястье, закрывая пальцами номер. – Но подсказка – это не главное. А теперь спи, малыш. Спи. Тебе надо отдохнуть.

– Подожди, я не хочу спать, у меня куча вопросов, – пробормотал Нил и вдруг понял, что больше не сидит, а лежит, и не на лавке, а на печи. – Подожди минутку!

Но рядом уже никого не было, и печь была теплой, а матрас на ней – комковатым и уютным. Нил вздохнул и обнял подушку обеими руками, утыкаясь в нее лицом. Нащупал что-то под подушкой и вытащил клочок сухой травы. Интересно, что он тут делает? Нил сжал его в руке и мгновенно провалился в сон.

Глава 7

Шифр

Он проснулся от холода и ветра. Шея немилосердно болела, и, подняв голову, Нил обнаружил, что лежит головой на небольшом пеньке. Среди шумных зеленых деревьев заливисто щебетали птицы. Солнце только встало, свет первой оглушительно яркой волной растекался по земле. Снега не было, волшебного дома тоже, а вот прудик остался на месте – только не замерзший, а вполне живой, поросший ряской и окруженный пышными зарослями камыша. Нил сел. В руке он по-прежнему сжимал клочок сухой травы. Трава чудесно пахла летом, Нил понюхал ее и осторожно положил на пень, зевая во весь рот.

– Дом просто взял и растворился, когда солнце взошло, – пробормотал Кадет. – Я не спал, я был начеку.

Он сидел на соседнем пне, и что-то в нем неуловимо изменилось со вчерашнего дня. Маска была на месте, но глаза над ней были ясные, отдохнувшие. Похоже, ничего он не сторожил, наоборот: отлично выспался в волшебном доме. Нил фыркнул, представив, как бы это звучало в версии Ястребов, что-нибудь вроде «я достойно удовлетворил свою потребность в отдыхе».

– Доброе утро, – сказал Нил, потому что оно, безусловно, таким и было.

– Доброе, – рассеянно кивнул Кадет, продолжая почесывать холку монструма.

Он вдруг замер: резко, деревянно. Стал таким же, как всегда, и до Нила запоздало дошло, что в нем было не так минуту назад. В Ястребах всегда было что-то неживое: в совершенно прямой спине, в чуть задранном подбородке, в голосе. Но Кадет только что выглядел очень похожим на обычного человека: ссутулившегося, расслабленного, по-утреннему сонного.

– Ты нарочно это делаешь. – Кадет сбросил монструма с колен, тот обиженно заворчал и приземлился на все четыре лапы.

– Делаю что? – не понял Нил.

– Ваша магия заразна, она... Она заставляет вести себя, как вы. Нас учили, предупреждали, но это... это действует исподтишка.

Несколько секунд Нилу было смешно. Оказывается, можно заразиться тем, что люди желают друг другу доброго утра и гладят своих собак. Это казалось ему смешным ровно до той секунды, когда он вспомнил, как Тень заражала всех во время игры. Ты не хочешь чувствовать злость, глядя, как на арене двое мутузят друг друга теневым оружием, но она проникает в тебя, как болезнь, захлестывает с головой.

– Не смей смотреть на меня, – отчеканил Кадет, со зверским видом уставившись вдаль. – Не смей со мной говорить. Просто ищи то место, которое нам нужно.

«Нам», значит. Нилу до зуда хотелось сказать ему, что никакого «мы» нет, что союз курицы и лисы, которая хочет ее сожрать, невозможен.

А еще лучше было бы содрать с Кадета маску и сказать все это ему в лицо, каким бы уродливым или нечеловеческим оно ни оказалось. Но он прекрасно понимал: это станет последним, что он успеет сделать в жизни, – и сдержался.

– Идем, нужно найти, где тут ближайшая вода, – сказал он вместо этого. Хорошее настроение как-то поблекло. – Лесовик говорил, там будет подсказка.

Кадет отрывисто кивнул. Простые и четкие задачи Ястребы всегда выполняли на отлично.

Действительно: на отлично.

– Как? – спросил Нил, замороженно глядя на мелкий ручей. – Я думал, ты тут не можешь, ну...

Он пошевелил пальцами, изображая, как Кадет забирается в Тень.

– Я запретил тебе говорить.

– Чтобы я тебя не заражал, – упрямо ответил Нил. Полчаса молчал, и хватит. – А я просто хочу знать, как ты нашел ручей. Никаких запретных тем не поднимаю, не желаю доброго утра, не говорю, какой отличный день, или как смешно твоя собака нюхает землю и жуков, или...

– Хватит. – Кадет помолчал, но, видимо, счел, что ответить будет проще. – Для этого не нужна магия. Я просто шел под уклон. И слушал.

Нил уважительно кивнул. Сам он всю дорогу занимался тем, что глазел по сторонам и жмурился, подставляя лицо солнцу. Утро разгорелось во всю силу, медовый свет наполнял лес. Краски стали ярче, листья нежно шелестели, ветер сдвигал их зеленую лавину то туда, то сюда. Деревья вокруг были какие-то невиданные, с гладкими белыми стволами. Переливчато щебетали птицы, в траве то и дело попадались цветы – Нил даже не понимал, как можно было выудить из этого изобилия еле заметный звук воды или наклон почвы.

– Ты долго так будешь стоять или делом займешься? – прохладно спросил Кадет, по-прежнему глядя вдаль.

Нил очнулся и опустил на колени около ручья. Он понятия не имел, как должна выглядеть подсказка и где искать, поэтому просто запустил обе руки в воду и начал щупать дно. На дне обнаружились камни, скользкие растения и что-то шершавое, при ближайшем рассмотрении оказавшееся, как сказал Кадет, «речным моллюском». Его Нил выбросил обратно без сожалений – облепленная илом ракушка совершенно не проясняла, где искать место силы. На всякий случай Нил глотнул воды, зачерпнув рукой, – но и это не помогло.

– Я думал... – начал Кадет и тут же угрюмо замолчал, вспомнив, что не собирался разговаривать.

– Что? Давай уж, скажи.

– Думал, это ты будешь искать с помощью магии. Зачем она нужна, если не может выполнять простые задачи?

– Ну прости. Слушай, я не знаю, как она работает. Приходит, и все. – Нил поболтал рукой в воде, наслаждаясь ее свежим, ярким холодом. Он и правда не чувствовал ничего особенного, не мог сосредоточиться: его отвлекал тяжелый, угрюмый взгляд Кадета в спину. – Может, пойдём вдоль ручья, и что-нибудь прояснится?

И они пошли. Монструм, напрочь растеряв интерес к цветам и насекомым, плелся за ними, как наказанный.

Ручей журчал, катал камни по дну, нес вдаль травинки и первые осенние листья. Он становился все шире, заросли травы по берегам – выше. Земля шла то вверх, то вниз, ручей то терялся между холмов, то выходил на равнину. Солнце успело подняться высоко, когда они взобрались на очередной холм. Нил дошел до вершины – и замер.

Внизу была вода – огромная, искрящаяся на солнце и неподвижная, как зеркало. Она начиналась прямо под холмом и терялась в золотом сиянии солнца.

– Озеро. Мы... мы жили рядом с ним. Недалеко.

– Может быть, это другое, – глухо проговорил Кадет, барабанил пальцами по бедру.

Он выглядел подавленным: наверное, если Ястребы не любят золото, вид такой гигантской золотой поверхности выводит их из равновесия.

Нил начал спускаться вниз. Сердце у него стучало так, что отдавало в ушах. До него только сейчас начало доходить, что он действительно дома. Его земля, его озеро.

Теперь, подойдя ближе, он видел, что вода совсем не неподвижная, по ней тут и там расходились круги, – в глубине плескались какие-то мелкие существа. У берега были кочки и узкая полоса песка, от воды веяло холодом и свежестью. Нил сел на песок и погрузил обе руки в воду.

– Ого, – выдохнул он.

– Что «ого»? Озеро и озеро, – сказал Кадет, неприкаянно шатаясь по берегу. – Стой, ты же не собираешься...

Нил обеими руками зачерпнул воды и выпил.

– Да что ж такое! Ты будешь пить из всех непроверенных источников?

– Ну, кто-то же должен их проверить, – разумно ответил Нил.

Не убедил: Кадет выглядел так, будто ждал, что на него вот-вот бросится что-то сверхъестественное, хотя тут и броситься-то было особо неоткуда, – берег пуст, холм порос травой, деревья – редкие и невысокие. Правда, на секунду Нилу показалось, что из воды на них смотрит кто-то куда больше, чем рыба, но, когда он моргнул, два зеленых огонька уже исчезли. Зато он заметил кое-что другое.

– Гляди, – позвал он. Кадет тут же рухнул на колени у берега и жадно вгляделся в воду – туда, куда показывал Нил. – Видишь контуры? Солнце слепит, их плохо видно, но...

– Это просто отражение облаков.

Нил, запрокинув голову, посмотрел на небо. Потом – на Кадета.

– Облаков нет, – выдохнул тот. Ну надо же, дошло. – Но как...

– И вон еще. Мелкие светлые точки. Звезды, которых сейчас тоже нет. – Нил лихорадочно начал щупать скользкое дно и быстро понял, что все не перещупаешь. – погоди, я сейчас.

Нил зажмурился, стараясь прочувствовать момент. Вот оно, это чувство – острое, яркое, как будто ловишь саму суть жизни, как будто есть только сейчас, только холод воды в руках, только ветер на лице и мокрый песок под коленями. Если получилось с дождем, должно получиться и сейчас. Он все сделает, найдет дом, вернет себе все, что потерял, и никакие птицы не помешают. Нил открыл глаза и с улыбкой смотрел, как золотое сияние от его рук растекается в воде, как краска. Вот сейчас, сейчас он поймет, что делать дальше.

Но что-то мешало, и, обернувшись, он понял: ну конечно. Кадет стоял в нескольких шагах. И когда успел встать? Нил понял его взгляд так ясно, как если бы это было сказано словами. Кадет ждал, когда Нил достанет подсказку, и тогда собирался расправиться с хилым, ненужным проводником с помощью Тени или без нее. Дождаться, когда Нил будет весь погружен в свою магию, и треснуть его чем-нибудь потяжелее. Конец истории, победа Ястребов. Подсказка укажет, где место силы, и тогда птицы заберут себе эту землю. Прекрасную. Последнюю.

В глазах Кадета было что-то застывшее, отчаянное и злое, как будто его загнали в угол и он зубами будет рвать врага, чтобы оттуда выбраться. Нил вынул руки из воды и встал, повернувшись к нему.

– Так не пойдет. – Голос звенел, и Нил заставил себя говорить тверже. – Ты ведь обещал, что не причинишь мне вреда.

Кадет угрожающе сощурился. Он не думал, что его намерения так ясно написаны у него на лице, точнее, на узкой полосе этого лица, которую можно разглядеть между маской и капюшоном.

– Но что такое дурацкие обещания по сравнению с великой целью, да? – Нил чувствовал, как в нем поднимается волна жаркой злости, она мешала управлять анимой, и нужно было срочно ее выплеснуть. – Все, меня это достало. Я все скажу. Ты неблагодарный, отвратительный и жалкий. Ударить человека со спины? Завсегда! Избавиться от того, кто спас тебе жизнь? Пожалуйста! Лгать? Конечно! Но если ты думаешь, что я сяду и буду ждать, пока ты, летучая крыса, мне в горло вцепишься, то подумай еще раз.

Кадет опешил. Такой напор застал его врасплох.

– Золотые волшебники не должны... – начал он.

– Что? Орать? Спасать свою жизнь? – Нил с силой толкнул его ладонью в грудь. Кадет покачнулся, скорее от неожиданности, чем от боли. – Должны ложиться и помирать, чтобы никого не обидеть? К лешему это все. Я не такой. Я выжил, ясно? И я не дам какой-то пернатой

дряни все испортить. Ты можешь быть нормальным. Я знаю. Так будь. Если ты на это не способен, я сейчас вышвырну тебя отсюда, я смогу. И знаешь что? – Нил схватил его за воротник и выкрутил, глядя прямо в глаза. О, какое это, оказывается, потрясающее чувство: злиться. – Пошел ты со своими приказами. Я тебе не подчиняюсь. Ты на моей земле. Я буду говорить, что хочу, когда хочу, и смотреть, куда хочу. Выкуси.

Кадет моргнул. Нил думал, что тот сейчас явит всю мощь ястребиной Империи, и он понятия не имел, что бы тогда делал, но тот смотрел с неожиданным, каким-то новым любопытством.

– Интересно, – протянул он.

– Да что ты! – заорал Нил, едва сам не оглохнув от своего крика. Он даже не представлял, что в нем есть такая ярость, и сам испугался, но поздно, она его уже подхватила и несла, как ручей несет осенний лист. – Интересно, да?

Нил выпустил его воротник и со всей силы пнул камень на берегу, чтобы не пнуть Кадета: как бы там ни было, до членовредительства он доходить не собирался. Но, как ни странно, злость Кадета иссякла. На его лице было выражение, которого Нил в жизни не видел у Ястреба при разговоре с обычным человеком: что-то похожее на уважение.

– Что уставился? – огрызнулся Нил, тяжело дыша.

– В тебе есть анимус.

– Чего?

– Анимус, – пояснил Кадет, как будто говорил о самой простой вещи на свете. – Материал нашей магии. Вы называете его Тенью, мы тоже, когда говорим на вашем языке, – для простоты. Анимус – это вторая сторона души. Та, которую ценим мы.

– Мерзкий злобный характер и способность выжигать чужие земли? Спасибо большое, пошел вон отсюда.

– Злость как таковая не считается у нас добродетелью, – пояснил Кадет, который, как ни странно, успокоился. – Мужество, упорство, непоколебимый дух, сила характера – вот великие качества. Считать нас злыми – ваше заблуждение. Типично для бывших золотых народов, которые не умеют размышлять и не интересуются ничем, кроме своей семьи, хозяйства и пустого веселья.

Нил хотел заорать в два раза громче, но внезапно понял, что все эти безумные рассказы, видимо, недалеко от истины. Большинство Ястребов, действительно, скорее равнодушные, чем злые, но...

– Чудесно, – ядовито ответил Нил. От таких новостей он напрочь забыл и про озеро, и про поиски. – Значит, когда твой приятель колотит игроков, которые рискнут посмотреть ему в глаза, – это не злость.

– Я не сказал, что ее нет, – рассудительно ответил Кадет. Разговор свернул в понятное ему русло, и это явно подняло ему настроение. – Я сказал, что она не усиливает магию так, как спокойное, лишенное ненужных эмоций исполнение долга. Высшие маги всегда бесстрастны, а быть надзирателем игрового Селения – далеко не вершина карьеры, там не работают лучшие. Для меня это просто ступень на пути.

– Ступень, значит, – выдавил Нил, постаравшись вложить в это слово все, что думает о ястребиных карьерах.

– И я бы не назвал сержанта Пять Пять Шесть своим приятелем, – добавил Кадет. – Мы не мыслим в таких категориях.

Нил застонал и прижал к пылающим ушам ладони. Он узнал о Ястребах куда больше, чем когда-либо хотел.

– А теперь послушай меня, – процедил он. – Я тебе не простачок, который будет трястись, пока его убивают. Идешь со мной, не мешаешь и не пытаешься убить, иначе я всем этим анимусом врежу тебе так, что от тебя кучка перьев останется. Ясно?

– Ясно.

Кадет серьезно, торжественно кивнул, и Нил захлопал глазами. Прозвучало вполне искренне: так, будто Кадет не просто молот языком, а действительно понял.

– Ты... Ты реально не бросишься, если я спиной повернусь?

– Нет. Ты здраво раскрыл свою позицию, твой гнев обоснован. – Нил воззрился на него, как на умалишенного, и Кадет пояснил: – Анима для нас – это мягкость, уступчивость, потакание своим желаниям и жажда сохранять жизнь, даже если она не приносит пользы. Это то, что нужно искоренить. Без нее мир стал лучше.

– Да что ты говоришь.

– Но ты... Я не понимаю, как это происходит, но ты не такой, как маги, о которых я слышал. Ты не сдаешься, я это уважаю. Упорство в борьбе – это наше качество, не ваше. Мне так гораздо комфортнее, чем когда ты... – Кадет неопределенно махнул рукой, – проявляешь дружелюбие.

– Ясно. Отлично. Я веду себя, как вы. Это похвала, которую я мечтал услышать всю жизнь.

– Правда? – заинтересовался Кадет.

– Нет. Так, все. Сейчас ты постоишь спокойно. Погуляй, цветы понюхай. Не нависай надо мной.

Он первый раз в жизни произнес что-то как приказ, и Кадет, как ни странно, тут же послушал. Цветы он, конечно, нюхать не стал, но отошел и сел на песок.

Нил повернулся к озеру, шурясь от солнца. День был теплый, солнце приятно грело спину, и так хотелось окунуться в эту сияющую воду, но нет, не до того. На душе было как-то мутно. Он потер руки, думая, что ничего не получится: он запятнал себя. Сорвался. Пошел против правил своей магии.

Думать о Ястребах не просто как о злобных тварях было почему-то еще тяжелее. Как будто он увидел мир с другой стороны и больше не мог выбросить это из головы. Нил сжал зубы, чтобы не заплакать. Да что ж такое. Он ведь столько лет не злился и не грустил, а теперь... Нет уж, он не такой, как они. Он хороший. И освободит землю. И никогда, никогда не сдастся.

И спокойствие вдруг пришло – какое-то новое, более полное, он сам удивился, но оно не помешало ему, наоборот, – подтолкнуло. Нил нагнулся, зачерпнул воду обеими руками и приподнял.

В буквальном смысле. Приподнял воду. Движение как-то само пришло, он хотел посмотреть, что под ней, и анима, почувствовав желание, превратила его в действие гладко и легко.

Толща озерной воды у берега поднялась в воздух, выгнувшись аркой. Из воды посыпались рыбы, с громким шлепаньем попадали и забились о дно. Нил уставился на свои руки. Они уже не касались воды, но он все равно чувствовал вес, будто держит что-то невидимое.

Он посмотрел на оголившееся песчаное дно, затаив дыхание. Вот оно! Шагах в десяти от берега лежало что-то мокрое, жалкое и плоское и сияло бледным золотом. Нил сначала принял это за дохлую рыбину, потом за осенний лист чересчур правильной формы, потом сообразил – это что-то вроде бересты. Как она вообще могла сохраниться под водой?

– Возьми, – негромко сказал он. – У меня руки слегка заняты.

Нил говорил с Кадетом, но между его ногами вдруг прошмыгнул монструм. Оскальзываясь на смешно разъезжающихся лапах, он в пару секунд домчался до листа, осторожно взял его в пасть и потащил к берегу. Нил обомлел от ужаса. Он был уверен, что прикосновение Тени сейчас уничтожит золотой предмет, но ничего не случилось: лист продолжал бледно сиять в черной пасти, свободный край волочился по дну. Лист не расплылся и не порвался – монструм прытко дотащил его до берега и положил на песок.

Но, видимо, страх для магии уж точно не полезен: Нил почувствовал, что невидимый вес в его растопыренных руках колыхнулся и соскользнул. Вода рухнула на свое место, подняв

такой столб брызг, что накрыло и Нила, и волшебный лист, и монструма, который издал какой-то булькающий звук и растворился. Нил вскрикнул. Тень – не Тень, а все-таки живое существо. Он уже хотел шарить в воде, но монструм внезапно вылез сам: то, что Нил принял за тень у кромки воды, собралось обратно в собаку, отряхнулось и легло, положив голову на лапы.

– Рискованная была идея – посылать его за этой штукой, – пробормотал Нил.

У него кружилась голова, колени дрожали, хотелось упасть, но он передвинулся так, чтобы отгородить находку от Кадета. Тот, видимо, это понял и приподнял руки, показывая, что не нападает. Вид у него был обалдевший – Нил не знал, что кажется Ястребам мощной магией, а что не очень, но, очевидно, поднятие воды из озера произвело впечатление.

– Я его не посылал, он послушался твоего приказа, – недовольно сказал Кадет и быстро прибавил, как будто оправдываясь: – Не знаю, с каких пор он слушает всех подряд. Если мой магический ранг повысится, его форму изменят. Надеюсь, тогда этот сбой пройдет.

Монструм заворчал – низкий, отрывистый скулеж, от которого Нил чуть не подскочил. Звук был точно такой, какой ожидаешь услышать от грустной собаки, а не от безмозглого сгустка тьмы.

– Ладно, что это? – Нил упал на песок, делая вид, что сел, чтобы получше рассмотреть находку, а не потому, что не держали ноги.

Ему пару раз удавалось бросить взгляд на берестяные списки, где Ястребы выцарапывали палочкой баллы за игру, и для него было загадкой, как они вообще разбираются в своих закорючках. Этот лист был похож на те, только гораздо тоньше, – Нил и не подозревал, что бересту можно расплющить до такого, почти бестелесного состояния. Левый край был неаккуратно оборван, и по нему было особенно заметно, что эта береста не толще куска ткани для рубашек.

Значки были не выцарапаны, а нанесены темной краской. Они покрывали лист с обеих сторон, и краска даже не размазалась. Нил осторожно поднял его за угол и повертел. С листа не текло – он был чуть влажный, словно полежал на воздухе осенним днем. Нил в жизни не поверил бы, что эта штука лежала на дне озера.

– Это называется бумага, – выдохнул Кадет. Подкрался он так тихо, что у Нила зубы стукнули, но никаких попыток вырвать лист из рук не последовало. – Ее делают на Востоке, но такой тонкой и искусно выполненной я никогда не видел.

– Разбери, – сказал Нил, неохотно протягивая лист. Ему самому эти значки вообще ни о чем не говорили. – Давай. Скажи на моем языке, о чем тут речь.

Он старался говорить твердо и уверенно, раз уж это на Ястребов так благотворно действует, но Кадет только покачал головой, сосредоточенно разглядывая бумагу.

– Это называется «прочитай», и я не могу этого сделать. Это не наш язык.

– Врешь.

– Не вру, – ответил Кадет, лихорадочно бегая взглядом по ровным рядам значков. – Согласись, было бы странно, если бы подсказку, где искать ваше место силы, написали на нашем языке. Проблема в другом. Я знаю несколько основных письменных языков, и это – ни один из них. Есть схожие элементы, но смысла никакого.

– Может, это наш язык?

Кадет негромко фыркнул:

– У вас нет письменного языка. Местные народы – это скорее группа племен, говорящих на разных наречиях. Вы кое-как понимаете друг друга на слух, и это все. – Он вздохнул. – Думаю, это шифр, составленный из различных знаков. Смысл от меня ускользает, но... – Он поднял голову, как будто что-то вспомнил. – Ты сказал, что любишь загадки. Вчера, когда оказал мне содействие с пророчеством.

– Любил в детстве. Про птиц, про животных, но не такие же! – промямлил Нил, кивая на подсказку.

Его пугало обилие значков, покрывавших лист. Даже каменный мужик, расколотый на части, выглядел понятнее.

– Вот мы друг другу и пригодимся, – торжественно объявил Кадет. – Я знаю несколько видов письменности, ты умеешь разгадывать загадки. Наши умения дополняют друг друга.

– Счастье-то какое, – хмуро сказал Нил и сел рядом, чтобы они могли смотреть в лист одновременно.

– Странно вот что, – сказал Кадет полчаса спустя, хотя, на взгляд Нила, странно тут было все. – Значки не размазались от воды, а значит, нанесены с помощью магии. Но она не наша, я бы почувствовал. А судя по тому, насколько безрезультатно твое общение с этим листом, и не ваша.

Тут было не поспорить – за полчаса Нил этот лист и понюхал, и лизнул, и говорил с ним, повторяя, что хочет узнать его тайны, и золотой пылью на него сыпал – ничего. Кадет в основном просто разглядывал, а вот Нил с этим завязал почти сразу – у него голова болела от такого количества мелких значков, совершенно неинтересных и похожих друг на друга, как листья на дереве. Он честно пытался увидеть в них смысл и последовательность, но видел только кучу потраченного кем-то времени: значки были прямо-таки пугающе аккуратными и выстраивались в слишком ровные ряды. В этой аккуратности было что-то ястребиное, что-то, от чего Нилу хотелось бы держаться подальше.

– Это вообще не похоже на то, что могли бы сделать местные племена. Очень тонкая работа, – задумчиво прибавил Кадет, аккуратно щупая край листа. – Во всех ближайших золотых землях, которые мы...

– Захватили, – встрял Нил, просто чтобы посмотреть, как Кадет поморщится.

– Освободили. Так вот, там интересовались только хозяйством, рыбалкой и простыми развлечениями. Предметы, наполненные анимой, все были в подобном стиле. Горшок, который варит кашу, сколько из него ни вычерпывай. Музыкальные инструменты, способные играть сами. Но уж точно не... – Кадет сжал рукой голову, будто опасаясь, что она вот-вот разлетится на куски. – Не тайные послания, использующие одновременно арабские цифры и знаки нескольких известных мне алфавитов в хаотичном порядке.

Последняя часть его речи была пересыпана таким количеством незнакомых слов, что Нил решил даже не переспрашивать. «Подсказка – это не главное», – сказал лесовик, но что, что тогда главное? Ответ должен быть простым, в этом же суть любой хорошей загадки! Нил упал спиной на песок, щурясь от солнца. С озера веяло прохладным, влажным ветерком, мелкие волны набегали на берег, распластывались по песку и уползали обратно. Монструм уже полчаса крутился у воды: то пятился от волн, то сердито наступал. А сейчас Нил увидел, чем занимался пес-призрак в те моменты, когда бесследно пропадал из виду.

Очевидно, принудительное купание ему понравилось, и теперь монструм время от времени забирался в воду и растекался там темной кляксой. Нил приподнялся на локтях, глупо улыбаясь. Кто бы ему поверил: ледяная тварь делает что-то просто потому, что ей это нравится. Черное пятно какое-то время покачивалось на волнах, потом выплеснулось на берег и как ни в чем не бывало собралось обратно в собаку.

– У него имя есть? – спросил Нил, глядя, как пес отряхивается, хотя с него даже вода не текла: ей, видимо, не к чему было пристать. – Как ты его зовешь?

Кадет пожал плечами.

– Стустку анимуса не нужно имя, и так знает, когда я его зову. – Он хмуро провел пальцем по длинному ряду значков. – Тут указан текущий год. Арабскими цифрами. Мы тоже ими пользуемся, но остальные знаки – не из нашего языка. Есть латынь, греческий, есть символы, которых я никогда не видел. И столько пробелов между группами значков, кто же так пишет! А может, и пробелы часть кода, – бормотал он, явно не ожидая ответа.

– А если собака твоя потеряется, ты поймешь? – не сдавался Нил: это было куда интереснее, чем безумные, сложные закорючки.

– Примерно как ты заметишь потерю ноги. Я чувствую его ощущения. – Кадет напряженно замер. – В данный момент – покалывание, что-то вроде шекотки. Пожалуй, это довольно при...

Он вскинул голову и наконец-то заметил, что подельывает его питомец. Звать словами действительно не пришлось, – монструм мгновенно почувствовал недовольство и поплелся к хозяину, низко опустив морду и всячески изображая, что вовсе не развлекался.

– У него нет своего сознания. – Кадет будто оправдывался, что Нилу пришлось увидеть такое непотребство, как играющий теневой пес. – На самом деле он просто сгусток энергии на крайний случай.

– А если ты его потратишь? – спросил Нил. Монструм сиротливо свернулся в клубок, и Нил еле сдержал инстинктивное желание его погладить. – Он потом вернется? Он ведь... Ну... Не хочет умирать, да?

Кадет глянул так, будто глупее вопроса никогда не слышал, и опустил бумагу на колени.

– Золотым народам свойственно считать, что все вокруг обладает анимой: мечтами, желаниями. Но каждое существо просто должно нести пользу своим существованием, остальное неважно. – Он говорил с таким жаром, что Нил затаил дыхание. – А вы вот так же общались со своими животными: даже если собираешься съесть корову, будь с ней ласковым. Это глупость. Лицемерие.

Кадет сипло втянул воздух и замолчал, окинув Нила подозрительным взглядом. Ну, хоть глаза больше не приказывал отвести: понял, что бесполезно. Нил повел плечами, ежась от какого-то забытого, щекочущего чувства. В Селении он отвык делать что-нибудь сообща – на игре каждый за себя, а посвящать кого-то в то, что пытаешься силой своей надежды пробить Изгородь, точно не стоило. Но вот сейчас они сидели рядом с самым неподходящим для этого кандидатом и, подумать только, разговаривали, как нормальные люди. Нил встряхнул головой. Дожили: настолько ошалел от одиночества, что радуется компании Ястреба.

– Ты меня пугаешь, – веско произнес Кадет. – Когда у тебя в глазах загорается вот это... это всепрощение, мне хочется свернуть тебе шею.

– Ну спасибо за честность. Подожди, ты сказал «хочется»?

Кадет сердито покраснел, будто его ударили по больному. Нил даже не думал, что это бледное лицо вообще способно менять цвет, но сейчас кожа над темной тканью определенно порозовела, и Нилу оставалось только надеяться, что Кадет после такого не решит действительно переломать ему пару костей. Нил примирительно вскинул руки, снова забывая, что дружелюбной улыбкой этих парней не проймешь.

– Эй, остынь, – мягко сказал он. – А то перегреешься. Вам это небось вредно.

И рассмеялся, дуря от безнаказанности, от этого летнего дня, от счастья быть живым и говорить с кем-то живым. А потом все это вдруг навело его на мысль: если даже с Ястребом поговорить неплохо, может, пора поболтать кое с кем еще? И пока Кадет не успел его остановить, Нил крикнул:

– Нам нужна помощь! Покажитесь, господа золотые вол...

Закончить не вышло – Кадет прижал ладонь к его рту и повалил на песок.

– В этом был твой план, да? – прошипел он. Рука казалась ледяной даже сквозь перчатку. – Отвлечь болтовней и позвать своих, чтобы они со мной разделались?

Нил схватился за его руку и попытался оторвать от своего лица, но куда там. Плана у него, ясное дело, не было никакого. Раз уж пришло в голову – делай, подумать и потом можно. Или никогда.

– Я буду драться, – все с тем же фанатичным блеском в глазах сообщил Кадет. – Попытаются убить – заберу их с собой, имей в виду.

– Да кто говорит... – неразборчиво пробормотал Нил.

Он запоздало вспомнил, что у него есть магия, и постарался передать ее рукам. Испугаться по-настоящему он не успел, так что все получилось: руки, которыми он цеплялся за ладонь Кадета, потептели. Тот с шипением отдернулся, и Нил скороговоркой выпалил:

– У нас не вышло разгадать загадку самим, признай уже это! Все, провалились. Звать на помощь – нормально, ничего такого в этом нет, у нас все делали сообща!

Но Кадет уже не слушал, он озирался, медленно, люто, как зверь.

– Ничего с тобой не случится, наша магия – не такая, – твердо сказал Нил. – Бояться нечего.

Кадет даже ухом не повел. Монструм подавленно подполз к Нилу, и тот, не сдержавшись, провел рукой по его спине. На ощупь он был как мягкий слой очень холодной пыли. Кадет дернулся всем телом и обернулся.

– Не трогай, – прошипел он, поводя лопатками, будто коснулись его самого, но в глазах был страх, и Нил повторил:

– Я за тебя отвечаю, раз привел. Ты мой гость. Не бойся, ну!

Ответить Кадет не успел, потому что берег озера вдруг осветился – к солнцу, которое и так грело всю, прибавилось мягкое, теплое сияние, которое Нил сразу узнал. Он восхищенно приоткрыл рот и сдвинулся ближе к ошестинившемуся Кадету.

– Я золотой стриж. А он не опасен, – громко сказал Нил, не зная, куда смотреть. На самом деле он понятия не имел, что тут скажут при виде Ястреба, и оставалось только надеяться. – Пожалуйста, не делайте с ним ничего. И с собакой тоже.

– Сам разберусь, – горячо прошептал Кадет, но сидел послушно и пальцами не шевелил: то ли милостиво разрешил Нилу вести переговоры, то ли застыл от страха.

Золотистый свет анимы вдруг пришел в движение – волнами, как будто несуществующий ветер носил туда-сюда гигантские облака сияющей пыли. А потом сквозь прибрежный песок полезли цветы.

Глава 8

Золотая магия

Цветы неслышно пробивали мягкий песчаный слой, раскручивались из трогательно сжатого комка листьев в целое растение. Запахло сладким и летним, берег накрыл ковер розовых, желтых и белых цветов. Потом все они повернулись к Нилу раскрытыми венчиками, как если бы у них были глаза. Нил присвистнул и глянул на Кадета – хотелось посмотреть, как выглядит восхищенный Ястреб, – но тот его радости явно не разделял. Застыл, как черное изваяние, даже не моргал, словно надеялся, что цветы подумают: «Эта статуя в виде Ястреба всегда тут была, можно не обращать внимания». Монструм, пользуясь тем, что хозяину не до него, боднул лбом руку Нила в тщетной попытке спрятаться под ней.

– Добро пожаловать, друг, – прошелестели цветы.

У них и правда двигались нижние лепестки, как будто открывался и закрывался рот. Нилу показалось, что это довольно мило, а Кадет вдруг начал крениться в сторону, так же одеревенело, как сидел. Его бледность приобрела какой-то серый оттенок, и до Нила дошло: похоже, от такого количества золотой магии с Ястребами происходило то же, что было с ним самим в Комнате Страха или в тот раз, когда Кадет пытался вручить ему свое перо. Тело отторгает чужую магию, и тебе становится очень, очень плохо.

Нил мягко толкнул Кадета, чтобы тот все-таки лег, потом взял обеими руками монструма и положил ему на грудь: хоть что-то холодненькое и теневое. Кадет смотрел на него неподвижным больным взглядом, в котором читалось: «Мне конец».

– Тихо, тихо, чего сразу такая паника? – зашептал Нил, придавливая монструма к его груди. Тот удобно растекался под рукой, как будто давишь на бестелесную пуховую подушку. – Лежи, я все решу.

– Заботиться обо всех живых созданиях – это похвально, ты истинный сын земли, – поддакнули цветы.

У Кадета начали закатываться глаза. Ближайший цветок сочувственно похлопал его листком по затянутой маской щеке.

– А вы не могли бы немного... ну... Не так ярко светить? – спросил Нил. Его начал разбирать глупейший нервный смех. Не так он представлял свое триумфальное возвращение домой. – Ему плохо.

Цветы кивнули, и теплое золотое марево в воздухе погасло, как не бывало.

– Мы просто хотели произвести впечатление. Не хотели навредить. Извини, Ястреб, – прошуршали они, и Нил благодарно кивнул.

Пес потыкал Кадета носом в лицо, и тот открыл мутные глаза.

– Для справки: мы не бесхребетные, просто очень добрые, – сказал ему Нил, решив, что это подходящий момент для внушения. А еще так приятно было говорить «мы». – Если бы мы хотели, от вас остались бы рожки, ножки и куча перьев.

– Такие кровожадные действия – против принципов золотой магии, – шепнули цветы, но Нил решил, что разбирается в Ястребах лучше, чем те, кто десять лет провел под куполом покоя и безопасности.

– Веди себя прилично, иначе мы сделаем так еще раз, – отрезал он, нависая над Кадетом. – Я за тобой слежу. Ясно?

– Ясно, – пробормотал тот, замороженно глядя ему в глаза: похоже, опять увидел в них упрямство и боевой дух.

Нил помог ему сесть, рывком потянув за локоть. Кадет без возражений сел, и Нил почувствовал острый, яркий укол гордости оттого, что начал понимать, как все устроено в голове другого существа. Будь решительным, не прогибайся под давлением, отстаивай свою позицию

– хлоп, и для Ястребов ты уже не бессмысленная тварь, а разумное создание. Он вдруг вспомнил, что сказал ему Кадет в их последнюю встречу у Изгороди: «Я никогда не чувствую от тебя страха. Остальные дрожат, если мы подходим близко, но не ты». Вот, наверное, почему Кадет так долго не сдавал его начальству: для него мужество – все равно что для Нила доброта. Признак, отличающий живое от мертвого.

Цветы глядели на них добродушно, без угрозы, и Нил с улыбкой встал на ноги.

– Привет, – сказал он. – Меня послала девушка по имени Весна, знаете такую? Красивая. Умеет пробиваться сквозь каменный пол.

Цветы задумались: то ли с таким набором характеристик у них была куча девчонок, то ли, наоборот, никого.

– Есть предположения, – наконец ответили они.

– Она сказала, что магия этой земли иссякает. Если честно, незаметно. – Нил широким жестом обвел благоухающий берег, устланный цветами. – Велела мне найти место силы и отдать ему свою аниму. Знаете, где оно?

– Никто не знает, – без большого интереса отозвались цветы. – А теперь покажи, что ты можешь.

– Вы же и так поняли, что я свой, – растерялся Нил.

– Мы тоже знаем легенду о золотом стриже, нам ее нашептала земля. Он должен быть всемогущим. Покажи!

– Вот видишь, – тихо сказал Нил. Кадет сидел на песке, сцепив руки в замок: видимо, так он показывал, что в Тень лезть не пытается. – Не такие уж мы безалаберные. Они проверяют, что я не вру.

– Мы верим, что ты говоришь правду, – встряли цветы. – Просто хотим увидеть что-нибудь впечатляющее.

Кадет приподнял брови. «Я же говорил», – было написано у него на лице так явно, что Нил еле сдержал смехок.

– Ладно, сейчас, – сказал Нил и потер ладони одну о другую.

По ним размазались золото – легко, без усилий. Он был совершенно спокоен: к чему бояться тех, кто способен вырастить кучу цветов и заставить их так смешно разговаривать? Но впечатления его способности не произвели.

– Так может любой! – возмутились цветы. – Ты просто показал, что у тебя есть анима.

Нил поджал губы. Там, откуда он пришел, этого хватило бы, чтобы у всех челюсть отвисла, но, видимо, золотой пылью тут никого не удивишь.

– Иметь полено и выпилить из него деревянного зайца – разные вещи, – назидательно прибавили цветы.

Монструм, осмелев, потянул к ним морду. Нос у него смешно задержался от запаха, но Кадет немедленно подтащил его обратно к себе. Нил задышал глубже, пытаясь сосредоточиться. В его мечтах к магии обычно прилагался добрый учитель, который объяснял, как ею пользоваться, но на деле приходилось барахтаться самому. Ладно, сумел же он вызвать дождь! Может, опять попытаться? Нил без большой надежды глянул в безоблачно-голубое небо и опустился на колени, касаясь ладонью покрытой цветами земли. В голову ему внезапно пришла идея – такая забавная и глупая, что он тут же решил попробовать. А кто сказал, что дождь непременно должен состоять из воды?

Цветок под его рукой был желтый, умильно пушистый, и Нил не стал его рвать, просто передал руке то, что чувствовал: надежду и робкую дрожащую радость от того, что встретил своих, – а потом сделал движение, как будто подбрасывает цветок вверх. В груди заняло: знакомое сосущее ощущение, словно из тебя вынимают кусок, а вслед за ним пришло то самое, огромное, что коснулось его сознания, когда он срывал с себя браслет и ломал купол, накрывающий Селение. Связь. Ты отдаешь часть магии миру вокруг, а он в ответ исполняет твое

желание. Цветок упал на землю – точная копия того, который по-прежнему мирно рос у ног Нила, – а вслед за ним сверху посыпался ворох лепестков, разноцветных, нежных. Они касались запрокинутого лица Нила, щекотали короткий ежик волос, липли к одежде и оставались на поднятых вверх ладонях.

Живые цветы подняли головы вверх, глядя на падение своих собратьев, и на секунду это показалось Нилу довольно мрачной шуткой, но он выгнал все мысли, приглушил их, чтобы ничего не осталось, – только магия, которая течет сквозь тело. Нил приподнял руку, и лепестки закружились водоворотом, взметнулись вверх, не достигнув земли. Ветер носил их, как стаю крохотных птиц.

Ощущение было потрясающее: словно ему выламывают грудную клетку, только не больно, – просто оголенное, мучительно яркое касание, будто он напрямую соединился с миром вокруг. В золотых землях магия ощущалась куда сильнее, Нилу хотелось то ли паниковать, то ли кричать: «Ух ты!» С неба посыпалось сильнее, в груди резко екнуло, и Нил осел на колени. Это движение он осознал как-то запоздало – собственное тело казалось далеким и чужим, словно он переплелся с магией целиком.

Лепестки кружились в воздухе и подскакивали, за ними не разглядеть было озера, и Нил понял, что магия продолжает тянуть из него аниму, питается ею, а он не знает, как это прекратить, – запустил руку во внутреннее устройство мира, а она там застряла. Он так испугался, что страх прокатился по всем нервам белой вспышкой, и чувство связи тут же пропало. Нил с облегчением завалился вперед. Лепестки осыпались, и озеро теперь казалось бело-желтым, вода покачивалась, укрытая цветочным одеялом.

Нил с трудом повернул голову в сторону Кадета, не отрывая лба от земли. Тот, бледный до синевы, лихорадочно стряхивал с себя желтую пыльцу. Монструм лежал рядом, усыпанный лепестками, и мирно нюхал собственный бок. Лепестки на нем жухли и темнели прямо на глазах, будто их сунули в лед. Нил перевернулся на спину и рассмеялся от облегчения. Вот о таких деньках он и мечтал, лежа на своем тощем матрасе в Селении, пока вокруг сопела во сне его команда.

– О да, – сказал голос. – Расточительно, неумело, но просто ого-го.

Голос, как бы странно это ни звучало, больше не доносился из цветов, теперь он был сам по себе. Цветы, которые росли на песке, сложились обратно, свернули лепестки и листья и уползли под землю. Песок какое-то время шевелился, затем все стихло. Кадет озирался, готовый рвать врагов на клочки, но вокруг было пусто.

– Я просто разбудил настоящие цветы и подтянул их ближе к берегу, а теперь вернул обратно. А ты где взял лепестки? Видимо, оборвал какое-то поле? – сказал голос прямо у Нила над ухом. Тот подскочил. – Игрушки надо за собой убирать. Это же первое правило магии: ничему не вредить.

Воздух мягко вспыхнул золотом, и вот теперь Нил увидел. Над ним стоял, нависая, мальчик лет тринадцати. По сравнению с озлобленными, издерганными ребятами из Селения он казался поразительно ярким: белая кожа, ровные брови, удивленно распахнутые серые глаза. Пряди светлых волос торчали во все стороны под причудливыми углами, будто какие-то птицы собирались свить из них гнездо, но бросили эту затею на полдороге. Нил робко улыбнулся, думая, что вот такие дети, наверное, получают у очень красивых родителей. Сам Нил был хилый и бледный, с волосами непонятного цвета и широким, как у лягушонка, ртом. Любоваться на себя было особо негде, но, насколько он мог оценить свое искаженное отражение в единственном блестящем предмете в Селении – обеденном котле, восхититься было нечем.

– Куда бы это убрать? – задумчиво протянул мальчик и обвел взглядом лепестки. Вокруг него по-прежнему блестела золотистая пыльца, от которой он казался уж совсем неземным. – Ладно, пустим на перегной.

Он сделал движение, словно вдавливал ладонью вниз что-то невидимое, и лепестки втянуло под землю и под воду.

– Я их ниоткуда не обрывал, – проблеял Нил, которому не хотелось выглядеть болваном и вредителем.

– Потому что даже не знаешь, что делаешь. Учиться и учиться, – фыркнул мальчик и ловким движением отвел что-то от лица.

Сияющая дымка исчезла, и теперь он стал куда больше похож на реального человека.

– Как же мы рады, что ты здесь! – Мальчик вдруг порывисто обнял Нила, приподнимая его с земли. – Я – Маг.

Нил не противился: от Мага пахло травяным мылом, чистой одеждой и чем-то приятным, напоминающим о доме. Вот только он понятия не имел, как представиться в ответ. В Селении имен никто не называл – либо номера, либо прозвища, и Нил не знал, что лучше: Игрок Шесть Четыре Пять Два или, как называли его в любой команде, куда он попадал, – Неудачник.

– Золотой стриж – теперь мое имя, – заявил он, слегка отстранившись, чтобы удобнее было говорить, потому что Маг все еще прижимал его к груди, хлопая по спине.

Маг просиял. Он и вообще все время улыбался – мягко приподнятые углы рта, ямочки на щеках, – но тут у него даже лучики около глаз собрались.

– Все верно делаешь, – выдохнул он. – Настоящее имя волшебнику лучше скрывать.

Нил глянул на Кадета, проверяя, чем он занят. Тот сверлил Мага взглядом, от которого у Нила волосы дыбом встали. Весельчаком Кадета никто бы не назвал, но он ни разу еще не выглядел так, будто сейчас действительно начнет убивать.

– Ты... ты волшебник? – спросил Нил, передвигаясь так, чтобы отгородить Мага от возможного покушения. – И сколько вас тут?

– Строго говоря, один, – пояснил Маг, с детской гордостью указывая большими пальцами себе в грудь. – Для магии нужен запас анимы и умение ею управлять. Ты, например, ужасно богатый, но расточительный: потратил во много раз больше, чем нужно, прямо воздух искрит! – Он помотал ладонью у Нила перед лицом. – Но умеючи можно даже из крошки анимы создавать чудеса. Видел бы ты, что мог учитель! Он был Магом этих земель. Ушел два года назад, завещал мне титул. – Лицо Мага чуть омрачилось, но он тут же снова улыбнулся. – У нас у всех тут анимы немного, но мы соединяем запасы, и я направляю их на то, что нужно. Правда здорово?

От восторга он встряхнул Нила с такой силой, что у того мотнулась голова.

– Прекрасно! – выпалил Нил, невольно перенимая взбудораженный тон собеседника.

– Почему волшебник – ты? – вдруг спросил Кадет.

У Нила челюсть отвисла – он не ожидал, что из всех вопросов, какие можно задать, Кадету будет интересно именно это.

– Когда появился купол, учитель решил выбрать ребенка, которому передаст свои знания. Я был совсем мелкий, и у меня были... были неприятности. – Маг прикусил губу, но тут же просиял снова. Кадета он словно и вовсе не боялся, говорил с ним, как с обычным человеком. – Он нашел меня, устроил всякие волшебные испытания. Сказал, что у меня сильная анима. Обучил всякому. Он столько всего знал! Много скучного, но это ничего, я учил только интересное.

– Да уж, – процедил Кадет. Он выглядел ужасно злым и разочарованным: наверное, по-другому представлял себе великих золотых волшебников. – Единственный маг в единственной земле золотой магии – сопляк, у которого даже борода не растет. В центре оценили бы эту историю.

Маг посмотрел на него с любопытством, удивленно, как на новую игрушку.

– А вы... ну... Знаете, кто такие Ястребы? – неуверенно спросил Нил, внезапно сообразив, что просидевшие под куполом столько лет вполне могут оказаться не в курсе.

– Конечно! – с тем же энтузиазмом ответил Маг. – Учитель пару раз отправлялся посмотреть, как дела снаружи. Все нам рассказывал.

Нил вздохнул с облегчением. Он не представлял, как сообщил бы этому добряку, что вокруг их купола – только умирающая земля, Ястребы, изможденные люди и полная безнадега.

– Этот Ястреб вам не навредит, я его контролирую, – сказал Нил, хотя вообще-то совсем не был в этом уверен. Кадет, который перевел свой жутковатый взгляд на него, явно тоже уверен не был. – Слушай, а ты знаешь, где место силы?

Нил приготовился. Он сейчас услышит подробный ответ и в ту же секунду кинется туда, куда нужно. Если Кадет думает, что сможет его остановить, пусть подумает еще раз.

– Никто не знает. – Маг беспечно пожал плечами. – Учитель сказал, я слишком беззаботный для такого секрета. Я был не лучшим учеником, и теперь мне очень... – Он дернул головой, будто стряхивал с себя этот разговор. – Неважно! Ух ты, какой смешной пес!

Он нагнулся погладить притихшего монструма, но тот увернулся и прижался к ноге Кадета.

– Врешь, – сказал Кадет. Увидев Мага, он явно потерял всякий страх перед золотой магией, и Нил даже не знал, хорошо это или плохо. – Ты знаешь.

– Нет, – простодушно ответил Маг. – Я не стал бы врать, это вредно для анимы. Учитель сказал, место силы и без меня защищает могущественный покровитель.

В следующую секунду Кадет гладко, быстро передвинулся к Магу, как будто за горло хотел схватить, и Нил едва успел его оттеснить.

– Нет, – выдохнул он. – Тихо. Не смей.

Маг застыл, растерянно приоткрыв рот.

– Он извиняется, – сказал Нил, спиной толкая Кадета назад. – Прости, пожалуйста, ладно? Он не хотел ничего плохого.

На лице Кадета было написано, что ничего хорошего он не хотел тоже, и заметил это даже Маг. Пару секунд он хмурил брови, а потом радостно улыбнулся Кадету. Того передернуло.

– Я прощаю. Ты грубый, но мы тебя исправим!

– В каком смысле? – не понял Нил.

– Ну вы же останетесь у нас. Тебя я всему научу. Всему! – Маг снова встряхнул Нила за плечи. – Мы будем друзьями, да? Ни у кого тут нет столько анимы, я так мечтал поговорить с кем-нибудь, кто понимает! – Он обернулся к Кадету. – А ты ведь укрылся тут от своих злых собратьев? Ваш народ захвачен тьмой, но анима даже в тебе есть, я уверен. Снаружи Ястребов много, так что их трудно исправить, а у нас будет свой. Сказки ведь говорят, что доброта может излечить даже чудовище.

У Кадета гармошкой собралась кожа на носу, будто где-то под маской он угрожающе скалит зубы. Мага этим было не пронять – он продолжал мечтательно улыбаться. По сравнению с ним Нил почувствовал себя дряхлым пятнадцатилетним старцем. Настроение было какое-то мутное: вроде и счастлив до дрожи, и магия, и дом, и все дела, но Кадет радоваться мешал. Проследить, чтобы он ничего не отмочил, было его, Нила, ответственностью, смотреть надо было в оба, тут не расслабишься.

– Так, – начал Нил. – А где остальные?

Должен же тут быть кто-то взрослый. Ответственный. Кто-то, кто просто скажет им всем, что делать.

– О, они здесь, – оживился Маг. – Гляди, как я могу!

Он сделал движение, как будто осторожно сдергивал ткань, накрывающую что-то огромное, и Нил слотнул. Выше по берегу, среди холмов, там, где только что ничего не было, выросла огромная деревня. Проявилась из ничего, будто с нее сдернули золотистую дымку.

– Когда мы увидели, что к нам идут, я всех спрятал. И следил за вами, – с неуместной гордостью сообщил Маг. – С тех пор как появился купол, мы все вместе поселились. На всякий случай.

У Нила по спине поползли мурашки. Дома тянулись до самого горизонта, их число далеко выходило за пределы его умения считать. Деревня выглядела так, будто разрасталась куда придется. После идеально ровных улиц Селения и зданий, расставленных под прямым углом, это место выглядело диким, неопрятным – и прекрасным. К стенам лепились вьющиеся растения, в мелких садиках между домами колыхались цветы, распахнутые двери поскрипывали. Мирное, разморенное под летним солнцем поселение, отделенное от озера пологим холмом и песчаной полосой.

Но поразили его не дома, а люди. Их было очень много: они высовывались из окон, сидели на пороге, толпились между домами. Когда деревня только проявилась из пустоты, все держались за руки, а теперь расцепили их и вытягивали шеи, как дети, чтобы рассмотреть гостей. Маг весело замахал им, а они – ему. Ветерок развевал волосы девушек, ерошил кудри мужчин, Нил не мог как следует разглядеть лица, но даже на таком расстоянии было ясно: они румяные, здоровые и веселые, чисто одетые. Нил невольно улыбнулся. До этой секунды он даже не знал, как сильно боялся, что в золотых землях будет такая же разруха, как везде, но нет, нет, все хорошо, все в порядке.

– ... И мы так отлично проведем время! Построим тебе свой дом – знаешь, как это весело, если использовать магию! – трещал Маг. – И Ястреба поселим, и все будем так счастливы! Я придумал кучу волшебных предметов: быстрые сапоги и штуку, которая может будить по утрам вместо петуха, и снова наполняющуюся корзину с едой, которую можно взять к озеру на завтрак. А вместе мы еще больше сделаем!

Нил его почти не слушал – он стоял, впившись взглядом в далекую деревню. В этом море лиц обязательно должен оказаться кто-то знакомый. Вот сейчас кто-то узнает его, бросится навстречу, несколько секунд это ощущение было таким оглушительно сильным, что Нил дышать перестал, – но ничего не произошло.

– Они помогают мне, – с нежностью сказал Маг, глядя на фигуры, освещенные солнцем. – Когда нужно сделать что-то большое, мы все беремся за руки, и наша общая сила способна на многое. В этом деле сумма всегда больше отдельных частей.

«Наверное, я слишком вырос, – заторможенно подумал Нил, чувствуя себя ободраным и чумазым, как никогда в жизни. – Наверное, меня теперь не узнать».

– Мы устроим пир. Я перенесу столы прямо сюда, и ты со всеми нашими познакомишься! – сказал Маг, как будто мысли его прочитал. От его улыбки у Нила сжалось сердце, хотя секунду назад ему казалось, что сильнее оно уже не занает. – Что ты любишь? У нас есть квас, оленина, соленые грибы, ягодный пирог и...

– Ты зря меня так обхаживаешь, – с заложенным носом пробормотал Нил. Его разморило от этой красоты и радости, но он много лет провел там, где ничего и никогда не делали без умысла. – Я лишусь магии, как только отдам ее земле.

– Я не поэтому, – удивился Маг. – Ты гость, и ты хороший. Но ты и не будешь ее отдавать, зачем? У нас все в порядке.

– Подожди. Стоп. – Нил очнулся, как будто ему за шиворот плеснули холодной воды. – Она сказала: «И купол, и магия самой земли обветшали. Они не пополняются анимой и очень скоро исчезнут». И тогда вам конец. Я хочу вас защитить. Помогите мне найти место силы. Иначе купол рухнет, твоим способностям придет конец, и...

Маг замотал головой так, что мягкие пряди ударили его по щекам.

– Нет. Не хочу. Это будет еще не скоро, магии надолго хватит.

– И с чего ты это решил?

– Я просто надеюсь на лучшее. Так и надо делать. Не будь ворчуном, это для анимы вредно. – Ослепительная улыбка. – Она ведь очень медленно прирастает, и гораздо веселее будет, если ты оставишь ее себе. С твоей силой мы тут столько всего сможем сделать!

– Нет, подожди. Снаружи все очень плохо. – Нил схватил его за руки. – Вот что мы сделаем: найдем место силы, усилим магию и тогда поможем остальным. Как-нибудь.

Маг сморщил нос и рассмеялся, будто это забавная шутка.

– Как? Однажды все само исправится. Не может такого быть, чтобы Тень победила.

– С этой логикой проиграли все земли до единой, – выдавил Нил.

– Что такое логика? – заинтересовался Маг, склонив голову к плечу.

Нил сглотнул. У него заныло в животе: плохое предчувствие, которое он попытался отбросить.

– Там, снаружи, земля умирает, и...

– Да что ты заладил! – Маг зажал уши, но тут же опустил руки и виновато улыбнулся. – Как ты не понимаешь: мысли о плохом вредны для анимы, а ее надо беречь. Снаружи – опасно. Делая что-то опасное, всегда рискуешь познать злость, страх и разочарование. Тогда анима ослабнет. Что ты как маленький!

– Да как можно вообще чего-то добиться, если не рискуешь? – отчаянно выпалил Нил, но Маг только ласково посмотрел на него.

– Чтобы иметь хоть немного анимы, достаточно не совершать зла. Быть добрым к семье и друзьям, не обманывать, заботиться о земле и ее созданиях. Этого достаточно. – Он говорил четким, звонким голосом, как будто повторял выученное. – А снаружи аниму сохранить невозможно. Там слишком много зла.

– Я же сохранил.

– Вот поэтому ты и есть золотой стриж – тот, кто обретет свет в сердце тьмы. Так шептали деревья. А теперь ты здесь, ты спасся, все хорошо. Ну же, улыбнись!

У него были такие невыносимо добрые глаза, что Нил зажмурился. Он ведь пришел не для этого. Он ведь... Маг улыбнулся трогательно и мягко, и Нилу захотелось обнять его, захотелось остаться и дружить с ним и учиться магии, и он не понимал, что не дает ему радоваться, мешает, как кость в горле. Наверное, Ястребы его испортили. Наверное, ему везде теперь чудится подвох.

И кстати, о Ястребах. Кадет подозрительно затих: он вроде стоял рядом, но в разговор не вступал и не двигался. Нил обернулся к нему с упавшим сердцем, – как он мог оставить Ястреба без присмотра? – но Кадет просто вглядывался в поселение так пристально, что стал похож на настоящую хищную птицу.

– Тут что, все, кто живет в этих землях? – спросил он, почувствовав, что на него смотрят, но так и не оторвав взгляд от далеких фигур в золотистой дымке.

– Да, – кивнул Маг, довольный, что его перестали мучить неприятным разговором. – Все наше племя. Примерно тысяча человек.

– И все сейчас на нас смотрят?

– Ну да.

Кадет замер с пустым взглядом, будто что-то обдумывал.

– Ясно, – наконец выдавил он.

У Нила мороз по коже пополз. Кадет, наверное, решил что-то сделать с ними со всеми, вот и хочет убедиться, что никто не спасется. Но он ведь не может залезть в Тень! Или может? Просто не лез, потому что не хотел привлекать внимания, а теперь-то все равно?

– Не делай ничего, – выдохнул Нил. Его потряхивало. – Это приказ. Прошу тебя. Не надо.

Интонация сбивалась с просящей на грубую и тут же ехала обратно. Кадет с видимым трудом оторвал взгляд от деревни и повернулся к Нилу. Выражение его глаз было нечитае-

мым. Нил судорожно попытался зацепиться за что-нибудь, срочно отвлечь его и протянул руку ладонью вверх.

– Дай то, что ты прикарманил. Надо им показать.

Кадет нехотя вытащил из-за пазухи лист бумаги, аккуратно держа его пальцами за край. Да что ж там у него за карман, который позволяет так ровно уложить такую хрупкую вещь?

– Знаешь, что это? – спросил Нил, протягивая Магу тонкий, как ткань, лист.

Тот сделал короткий подзывающий жест, и бумага, вылетев у Нила из рук, зависла в воздухе у Мага перед лицом. Маг мог бы просто взять ее рукой, но по-детски хотел продемонстрировать, что он умеет. Бумага медленно повернулась вокруг своей оси, показывая обе стороны. Несколько секунд Маг смотрел на бумагу без интереса, с какой-то мрачной скукой, неуместной на его красивом лице, а потом вдруг замер. Потрясенно, ошарашенно, как человек, на которого обрушилось известие, с которым трудно справиться.

– Что? – выдохнул Нил, но Маг будто и не услышал.

Он сделал плавный короткий жест, будто смахивал что-то с листа, не касаясь его, – и с бумаги вдруг слетели все значки. Нил приоткрыл рот. Значки на глазах начали расти, уже не черные, а золотистые, будто магия раздувала их изнутри, – и скоро они висели перед ними бесплотной стеной, а пустой лист бумаги упал на землю. Маг погладил ближайший значок – тот теперь был размером с крупное яблоко, – и по золотой поверхности пошла рябь.

– Где ты это взял? – пролепетал Маг, и до Нила дошло, зачем он увеличил значки: чтобы их увидели остальные.

Значки поблескивали, отражая солнечный свет, и жители затихли, вглядываясь в них.

– В озере, – сказал Нил, понимая, как же глупо это звучит. – Это подсказка, где искать место силы. Ты... Ты понимаешь, что тут сказано?

– Нет. Мы не умеем читать, у нас нет своего письма. Но...

– Но что?

– Вопрос не в том, что написано, а в том как. Он хотел, чтобы я... – Маг бессвязно бормотал, мгновенно растеряв свою веселость. – Я думал, это глупая идея. Он ушел, а я не успел ему сказать, что совсем не глупая. – Маг через силу улыбнулся и подул на значки. Их отнесло ветром, перепутало. – Нет, нет, нет. Давайте забудем. Рисковать и ошибаться – это одно и то же. Мы не будем искать то место. Все будет хорошо, мы тут в безопасности, просто нужно надеяться, что все само утрясется, и...

– Говори, что это, – отрезал Кадет.

Он подошел к Магу вплотную, не обращая внимания на попытку Нила его остановить. Вот сейчас у него было лицо настоящего Ястреба: только цель, только работа, нам не до шуток, жалкие людишки. Нил попытался оттянуть его назад и с ужасом понял, что Кадет сильнее его раз в десять: Нил весь вспотел, дергая его за локоть, а Кадет даже с ноги на ногу не переступил.

Маг покачал головой. Под его взглядом значки медленно съеживались и ложились обратно на лист, пока бумага не стала такой же, как раньше.

– Тебе когда-нибудь делали больно? – вежливо спросил Кадет.

– Нет, – удивился Маг.

– Ты сейчас объяснишь, что такого в этой бумаге. Или будет больно.

– Так, все. – Нил кое-как вклинился между ними. – Я тебе приказываю: успокойся. – Тут он сообразил, что Кадет-то как раз абсолютно спокоен, и исправил себя: – Ничего не делай. Это приказ.

К чести Кадета, тот целую секунду размышлял. Маг за спиной Нила мелко вздрагивал, растерянный, выбитый из колеи.

– Нет, – наконец выдал Кадет, и Нил вдруг понял, что холодом от него веет сильнее, чем пять минут назад. – В данный момент действует директива Три Ноль Три: особо опасная ситуация. Задача высшего начальства в приоритете. Твои приказы можно игнорировать.

Нила посетила идиотская мысль: «Какая жалость, я был не в курсе, что до этого мои приказы так высоко ценились».

– Три шага назад, козел. – Нил повысил голос. – Иначе пожалеешь.

– Напугал. Думаешь, я не смогу заставить жалкого, бесхребетного ребенка сказать мне все, что надо? – сухо поинтересовался Кадет, но все-таки отступил. – И кто мне помешает? Ты?

– Я, – сказал Нил, ухитрившись даже это короткое слово переломить пополам: воздуха не хватало, и получилось жалко, а не героически.

Кадет прищурился. В этот момент его можно было показывать другим Ястребам как образцового злобного хищника, готового захватить какой-нибудь еще не завоеванный кусок мира. А потом все с тем же образцово-ястребиным лицом он запустил руку в Тень.

Глава 9

Тень

Оружие, которым пользовались на игре, было таким же, как у Ястребов, только ослабленным, так что предмет, вынутый Кадетом, Нил узнал сразу: Пляска Льда. Этот шипастый мячик легонько и безобидно колот, попадая по любой части тела, кроме ног ниже колена, – их он сразу отмораживал напрочь. Чтобы этого избежать, надо было быстро двигаться и много прыгать, и со стороны это выглядело как самый дурацкий танец на свете.

Нил знал, как действовать, но его это не спасло. Он даже двинуться не успел, а Кадет уже бросил Пляску вниз, и она впиалась всеми шипами Нилу в голени. Сразу в обе, потому что Нил не успел отвести ноги друг от друга. Нил заторможенно подумал, что бросок у Ястребов поставлен куда лучше, чем у всех игроков. Чему уж тут удивляться. И беспомощно рухнул. Игровой мяч был серый, а этот – густо-черный, и холодом от него веяло таким, что дышать стало тяжело. Какая же мощная штука. Ноги не онемели, как на игре, они отнялись, словно их и не было.

Кадет беспрепятственно подошел к Магу, сгреб его за воротник и швырнул на землю. Просто бросил, показывая, кто главный, но Маг вскрикнул, как будто его ранили. Он не побледнел, наоборот, вспыхнул, словно даже его тело с непривычки не знало, как реагировать на страх. Люди вдаль ахнули и сбились ближе. Нилу оставалось только смотреть и слушать. Ноги не двигались, и можно было, конечно, ползти, но Нил не обманывался: дернется – и Кадет ему добавит.

– Я считаю до трех, – с поддельной, насквозь лживой мягкостью сказал Кадет, нависая над Магом. – Раз.

– Ты ведь не будешь... – начал Нил, но поздно, уже было ясно: будет.

– Два.

Маг молчал, и, кажется, это было не храброе молчание «Я ничего не скажу», а недоуменное «Что происходит?». Нил безнадежно сжал кулаки.

– Три.

Кадет вытащил из Тени мелко копошащийся комок и разжал пальцы. Комок полетел вниз, туго и плавно расправил восемь тонких ножек, и Нил похолодел бы, если бы уже не чувствовал себя, как кусок льда.

Ястребы со своей страстью давать всему устрашающие названия называли эту дрянь Тиски Боли. Тиски цеплялись всеми конечностями за горло, по четыре с каждой стороны, и тогда ты чувствовал боль. Все просто и без затей, но самое веселое начиналось после. Тиски невозможно с себя содрать, пока не примешь свою боль и не перестанешь ее бояться. Кто-то говорил, что эту штуку и сами Ястребы используют, чтоб тренировать терпение. Нил не верил. Ястребы, может, и чокнутые, но не настолько же!

Когда эта штука в игре, надо быстро двигаться и поворачиваться спиной, защищать горло, чтобы не дать пауку уцепиться. Но Маг, конечно, лежал, подставив шею, застывший, перепуганный. Нил получил этой штукой когда-то, и это было одно из худших воспоминаний в его жизни. Конечно, Маг не справится, он просто остолбенеет от боли, а Кадет не поможет, пока тот ему все не расскажет.

Все это промелькнуло у Нила в голове за мгновение, пока он смотрел, как паук медленно пикирует вниз, готовясь приземлиться на подставленное горло. Кадет не торопился, хотел напугать жертву как следует, Нил тоже был в ужасе, а ужас – худший спутник для золотой магии, и он постарался сместить внимание, думать о Маге, а не об оружии. Давай, брат, держись. Ты наивный болван, но я не дам тебя в обиду.

Нил сосредоточился и бросил пригоршню золотой пыли. Он и сам не знал, что хочет получить, но, похоже, анима считывала даже бледные, едва заметные мысли. Например, глупую мысль о том, что было бы отлично поймать паука.

Золотистая пыль в воздухе собралась в растопыренную золотую пятерню. Эта рука долетела стремительно, как стрела, и ухватила паука за несколько сантиметров до незащитной белой шеи. Черные коленчатые лапки и золотистые пальцы сплелись, и от их столкновения полыхнула ослепительная серебряная вспышка. Кадета отшвырнуло назад, Мага слегка протащило по земле, даже до Нила добрался отголосок этой воздушной волны – удар ветра в лицо, тяжелый, как пощечина. Нил зажмурился. Когда он смог открыть глаза, Кадет еще лежал, ошалело моргая. Били его, наверное, не так часто, как Нила, и он выглядел потрясенным. Маг плакал навзрыд, сжавшись на земле. Нил был уверен, что ему бросятся на помощь из деревни, – там же, наверное, его родители, – но люди не двигались с места, только жались друг к другу теснее.

Кадет резко сел, и Нил предостерегающе вытянул в его сторону растопыренную руку.

– Не смей. – Нил повысил голос. Хоть бы Кадет сейчас увидел в нем этот самый анимус. Врага надо бить его оружием. – Мне плевать на твои приказы от начальства, в гробу я их видал. Тронешь его, я тебе устрою золотую магию. Уверен, что хочешь связываться?

Встать Нил не мог, просто лежал на животе, вытянув вперед руку. Поза была не особо угрожающая, поэтому он оскалил зубы. Кадет слушал его так, как если бы с ним на человеческом языке заговорило полено.

Жаркая, непрощенная злость уже отступила, но он заставил себя смотреть Кадету прямо в глаза. Давай, гад, соображай. Не ссорься с единственным в этих землях, кто не считает тебя полным, беспросветным козлом. Убедившись, что Кадет понял, Нил повернулся к Магу, чтобы утешить, но тот пополз от него назад, перебирая локтями.

– Нет, – хриплым от слез голосом выдал Маг. – Не подходи.

«Да что ж такое», – беспомощно подумал Нил. Маг смотрел на него так, будто завел себе милого щенка, а тот вдруг его укусил до крови.

– Ты его ударил. Наша магия для такого не предназначена. – Его трясло, губы кривились. – Мы должны принимать все, что с нами происходит.

– Ты рехнулся? – тихо спросил Нил, но он уже видел: нет, Маг и правда в это верит.

Кадет уже кое-как поднялся на ноги, но стоял смирно, и Нилу стало ясно почему. Кадету доставляло удовольствие смотреть, как до Нила доходит, с чего все эти прекраснотушные болваны проиграли, а Империя Ястребов процветает.

И Нил вдруг понял, что ему делать.

– Помоги мне встать, идиот, – отрезал он, глядя Магу прямо в глаза, надеясь, что тот сообразит: не надо спорить, нужно просто сделать.

– Ты не сможешь встать, – негромко сказал Кадет, задумчиво разглядывая его. – Шипы не растворятся еще полчаса.

– Подавись своим мнением, – буркнул Нил. В Селении еще и не таким выражениям научишься. – Я золотой маг, я смогу.

Так, хорошо. Давай, груби, нарывайся, отвлекай внимание. Кадет не нападет, ему интересно. Главное, чтобы Маг не подвел.

К счастью, Маг был слишком потрясен его тоном и, кое-как поднявшись, доплелся до него и попытался поднять на ноги. Конечно, ничего у него не вышло, но Нил, делая вид, что пытается встать, притянул к себе его голову и выдохнул, мазнув губами по пылающему уху, чтобы мелкий придурок уловил его слова на почти нулевой громкости.

– Исчезайте. Быстро. – Нил с картинным стоном упал обратно и во весь голос произнес: – Нет, не получается.

На игре Нил кое-что выучил очень четко: желание жить придает скорости и блеска даже самым неуклюжим тугодумам. Маг сделал короткое, аккуратное движение, будто набрасывал полотнище на что-то выше своего роста, и поселение начало растворяться в золотой дымке. Так же, как и он сам. Нил почувствовал на губах непрошеную, неуместную улыбку – люди, наверное, не улыбаются так, оставаясь со скованными ногами в компании Ястреба. Но в груди разливалось какое-то новое, заставшее его врасплох чувство, словно уровень анимы вырос, и золотое сияние погладило теплом изнутри, по сердцу, по внутренней стороне ребер.

Исчезновение продолжалось не больше секунды, и все же Маг, уже почти растаяв, успел на него посмотреть. В этом взгляде не было ни благодарности, ни понимания – только растерянность. Нил подмигнул ему.

А на то место, где только что стоял Маг, упала петля теневой веревки и уползла обратно пустой. Стянуться ей было не на чем, Маг исчез и даже бумагу прихватил. Деревни тоже не было. Нил с облегчением выдохнул и упал на спину. В следующую секунду он получил такой удар по виску, что зазвенело в ушах. Руки придавило к земле холодом и, кое-как повернув голову, Нил увидел – это не оружие, просто липкая ледяная тьма, похожая на густо-черную паутину. От такого количества Тени горло сжала тошнота. Кадет добавил, схватив его за волосы и приложив затылком о землю. Он нависал сверху, и его капюшон закрывал Нилу вид на прекрасное голубое небо. Нил собирался об этом сказать, но рот ему залепило холодом: Кадет втолкнул ему в глотку что-то, по ощущениям похожее на горький снег. Дышать стало тяжело, но отвращение было хуже: он как будто давился чистой Тенью, она стекала ему в горло, больно нажимала на язык.

Горло стискивало невыносимо, его бы вырвало, если бы эта дрянь не залепила ему рот, как клей. Ощущение было мерзкое, глаза слезились, Кадет расплывался, но Нил смотрел с вызовом, пытаясь взглядом сказать: «Поздно спохватился, дело сделано». И кажется, Кадет его понял – ярость в его глазах вдруг сменилась чем-то, похожим на недоумение.

– Ты сейчас умрешь, – внятно проговорил он и прижал ладонь к его лицу, зажимая и нос тоже. – Не думай, что мне не ясно, кто его надоумил сбежать.

Нил мотнул головой, пытаясь сбросить отвратительную холодную конечность в кожаной перчатке, но, конечно, ничего не вышло. Без воздуха было невыносимо, перед глазами плясали круги, и Нил успел вяло подумать, что помереть у себя дома, да еще и героически, – совсем не так плохо.

Кадет убрал руку, жадно глядя, как Нил судорожно втягивает носом воздух. Когда в глазах слегка прояснилось, Нил встретился с ним взглядом, очень надеясь, что Кадет прочтет все, что Нил о нем думает. Кадет прочел, и послание ему не понравилось.

– Ты боишься? – спросил он, передвигая ладонь на горло: не давил, просто обозначал, что мог бы. – Я могу убить тебя. Могу разорвать на куски. Почему ты не боишься?

Под конец у него даже вопросительной интонации не получилось – он выговаривал слова мерно, отрывисто. Нил и сам не понимал, почему не боится, это было как-то ненормально, но ощущение того, что он всех спас, глушило и боль, и страх. Умирать, правда, все равно не хотелось, поэтому он изо всех сил пытался вытолкнуть холодное, мерзкое нечто, залепившее рот. Скорее всего, ничего не получится, но он же годы провел, веря, что сломает Изгородь. Когда при рождении раздавали хорошие качества, ему досталось упрямство, благодаря которому он еще был жив и планировал дожить до завтра.

Кадет каким-то бессильным, усталым движением опустил на траву и еще некоторое время наблюдал за попытками Нила освободиться. Потом сделал вялое движение, будто собирал что-то невидимое в кулак, и Нил с хрипом вдохнул через рот. Сгусток Тени исчез.

– Он бы все тут же выложил, – процедил Кадет. – Долго держать в тисках не пришлось бы.

– А, ну тогда все нормально, – ядовито выдохнул Нил, почти не ощущая свой онемевший рот.

Кадет приподнял брови и вдруг хмыкнул: мягкий, глухой звук из-под маски.

– Вы не сопротивляетесь. Надавишь – сдаетесь. Бьешь по одной щеке – подставляете вторую.

– Я не подставляю.

– Вот и я о том же.

Нил поморгал, глядя в небо. Ему было как-то тяжело – не страх, просто противная беспомощность.

– Вы так и захватили другие места силы? Заставляли местных магов рассказать?

– В основном, – пожал плечами Кадет. – Я знаю это только теоретически, после Академии меня сразу отправили в Селение.

– Спасибо, мечтал услышать твою историю, – вяло огрызнулся Нил. Он готов был говорить о чем угодно, только бы не думать. – Может, лучше с самого начала? Вылупился из яйца в родном гнезде и все такое.

– Мы не вылупляемся из яйца, – ответил Кадет.

Голос у него посреди фразы как-то сломался, будто ему тяжело про это говорить. Нил удивленно поднял брови. Еще совсем недавно ему казалось, что чувств у Ястребов ровно четыре: равнодушие, сдержанное недовольство, злость, удовлетворение от выполненной работы. Но чем дальше Кадет отходил от Господина Черепа и компании, тем больше оказывалось вариантов.

– Ладно, – примирительно сказал Нил. Горло нещадно саднило, и он сглотнул со слюной остатки горечи. – И что теперь?

Кадет посмотрел на него тяжелым взглядом:

– Он забрал бумагу.

– А может, мне не нужна бумага.

Прозвучало не очень-то убедительно, но Кадет, как ни странно, задумался.

– Возможно.

– Короче, либо освободи меня, либо я сделаю это сам. Не волнуйся, я найду способ, просто выйдет чуть дольше. – Нил кивнул на шевелящуюся черную полосу на своем запястье. – Убирай эту штуку.

Вел он себя гораздо наглее, чем чувствовал, но сил ему придавало одно: нельзя отпускать Кадета одного. Нельзя глаз с него спускать. Привел Ястреба – следи.

Кадет мелко перебрал пальцами воздух, и черное на запястьях Нила растворилось, а вслед за ним и шипастый шарик, сколовший его ноги. Нил на пробу пошевелился и встал. Он чувствовал себя встрепанным и побитым, но в целом на удивление спокойным. Живым.

– Я потерял над собой контроль. Гнев – это недопустимо. Убивать тебя бессмысленно, – произнес Кадет и резко одернул форму. Видимо, это было что-то вроде ястребиного «Прости, что сорвался». – Это ошибка, которую я отмечу.

Нил слишком устал, чтобы спрашивать, где и зачем он собрался что-то отмечать. Он побрел в ту сторону, где недавно была деревня, и остановился, сообразив, что уже очень давно не видел монструма.

Тот нашелся под ближайшим деревом: предсказуемо изображал плоскую тень, по которой кое-как можно было угадать очертания лежащей собаки. Нил слабо усмехнулся. Если анимаус – это храбрость и стойкость, этот клочок Тени был, похоже, худшим представителем своего вида.

– Пошли, не бойся, – скомандовал он.

Монструм пошевелился и нехотя встал на ноги, оставшись таким же плоским. Кадету и дела до этого не было – он размашисто шагал прочь. Нил заспешил следом, жестом подзывая собаку. Тень раздалась вширь, как будто мгновенно отрастила бока, и поплелась за ним, опустив морду до земли. Монструм хандрил – это было невооруженным глазом видно.

– Ничего, – сказал Нил. – Все будет в порядке.
Пес тяжело вздохнул.

Глава 10

Против законов чести

Они бродили среди холмов часа два, пока не стало ясно: скрываться Маг умел отлично. Ни признака жилья, ни единого следа на земле, ничего, что хоть как-то напоминало бы о людях. Трава на холмах сухо шумела под ветром, в ней шуршали мыши и насекомые, бледно-голубое небо иногда прочерчивали птицы, и на этом – все. Ужа, переползавшего им дорогу, Кадет проводил таким взглядом, будто очень жалел, что нельзя его допросить.

Чем дальше они уходили от озера, тем больше становилось вокруг деревьев: и белоствольные с висящими до земли ветками, и сосны, и колючий кустарник. Кадет позволял Нилу выбирать дорогу – видимо, надеялся, что тот приведет его куда надо. Нил шел наугад, разрываясь между желанием найти хоть какую-то подсказку и не найти ничего. Он понятия не имел, что ему делать, но одна хорошая новость все же была: пока Кадет рядом, можно быть уверенным, что он не творит никакого непотребства где-то еще. Бросая взгляды через плечо, он несколько раз замечал: Кадет сосредоточенно шевелит пальцами, катает в руке что-то темное. Когда Нил увидел это в первый раз, от страха у него клацнули зубы, но заклинание Кадет готовил не для него. Видимо, просто искал потерянное какими-то своими, ястребиными способами. Не нашел: это было ясно по его мрачному, нахмуренному лицу.

Никакого плана не было, так что Нил брел, пока силы были. В конце концов он понял, что больше не может: устал, проголодался, в горле страшно пересохло. Он жалел, что не попил воды из озера, прежде чем оставить его далеко позади. Монструм брел за ними с побитым видом, и, будь он настоящей собакой, Нил потрепал бы его по холке или взял на руки, но как разведелить то, что вообще не должно быть веселым?

В конце концов Нил уселся под деревом и заявил, что пора отдохнуть.

– Я устал. Только не говори «усталость не имеет значения», – перебил он, почувствовав, что Кадет хочет возразить.

Тот насупился: видимо, именно это он и собирался сказать. Нил хмыкнул. Иногда он так хорошо предугадывал реплики Кадета, что мог бы говорить за обоих. Нил блаженно прислонился ноющей спиной к теплому древесному стволу. Земля под ним была такой сухой и мягкой, что от усталости ему казалось, будто она пружинит, убаюкивая его. Кадет рухнул под соседнее дерево и украдкой вытер мокрый лоб: он тоже устал, но, конечно, ни за что бы в этом не признался.

– Немного посидим и дальше будем искать, – сказал Нил.

– Да, – отрывисто произнес Кадет, разглядывая ближайшие деревья так, будто они были чем-то удивительно интересным.

Нил прикрыл глаза. Ствол дерева под затылком был таким приятным на ощупь, таким теплым и шершавым, таким... Он заснул прежде, чем успел приказать себе ни в коем случае этого не делать.

Когда он открыл глаза, Кадета рядом не было.

Нил струсил так, что перехватило горло. Времени прошло много: солнце уже клонилось к закату, отсветы на стволах деревьев были красными. Монструма, конечно, тоже след простыл. Что, если Кадет нашел Мага и остальных? Что, если все уже закончилось? Нил почувствовал, как сердце с размаху ухнуло в живот. Болван, как он мог заснуть! Он вскочил и суетливо огляделся. Пахло нагретыми соснами, смолой, теплым летним вечером – и ни звука. Звать было глупо. Кадет сбежал, и можно было не ждать, что он выйдет и скажет: «А, привет, я тут просто решил прогуляться». Нил застонал, обхватив голову, и тут его озарило. Кадета звать глупо, но что, если позвать...

Он вытянул руку перед собой, передав ей немного анимы. Пальцы бледно, мягко заблестели.

– Эй, малыш, – тихо позвал Нил. – Малыш, ты успешный пес, славный пес. Давай поиграем! Вот, смотри. Ты же любишь играть?

Второй рукой он поднял с земли палку – сухая, шершавая древесина, нагретая солнцем, одуряюще приятная на ощупь, – и отбросил ее от себя. И сам же принес обратно. Что бы Кадет ни говорил, Нил видел: монструму нравилось играть, ведь все живые существа, наверное, хотя бы изредка хотят быть счастливыми. Кадет сказал бы, что это глупость, а Маг бы понял.

– Малыш, смотри, как весело. Давай.

Он бросил палку дальше и снова пошел за ней. Веселого голоса не получалось – Нил чувствовал себя голодным и несчастным, одиноким посреди бесконечного леса, а если тебе так паршиво и одиноко там, куда ты мечтал попасть, то где вообще можно стать счастливым?

Нил бросал и бросал, и ему все казалось, что он различает шорох далеко в лесу, но никто так и не появился. В конце концов он зашвырнул палку подальше – у земли свет уже иссяк, и ясно было, что так далеко ее уже не найти. Палка с сухим шелестом упала в высокую траву, а пару секунд спустя оттуда вылетел монструм, держа ее во рту. Палка была длиной с него самого и еле помещалась во рту, но монструму это, кажется, не мешало, – он мчался к Нилу со всех своих коротеньких ножек. Нил сел на колени, раскинув руки, и пес прыжком бросился ему на грудь, чуть не выбив палкой зубы, когда ткнулся мордой в подбородок.

В Селении Нилу казалось, что от монструма веет жутким, смертельным холодом, а сейчас теневой зверь был просто прохладным, и обнимать его было все равно что обнимать снежную фигуру, – когда-то он с другими детьми лепил такую в саду. Монструм поскуливал, хвост неистово мотался из стороны в сторону, и Нил обеими руками прижал его к себе, чувствуя, как монструм удобно растекается, будто пытается повторить форму его грудной клетки.

– Привет, малыш. Эй, хороший пес, хороший. – Возражений не последовало. – Отведи меня к хозяину. Где он? Ищи!

Нил опустил его на землю. У их соседей в детстве были две собаки, охранявшие скот от волков, и как же он их любил. А сейчас от одиночества готов обнимать ступок анимуса в виде собаки. Нил фыркнул, а пес потрусил в лес. Палку он изо рта так и не выпустил, и она торчала в обе стороны, как гигантские усы.

Кадет нашелся на высоком холме под раскидистым деревом, в добром получасе ходьбы от того места, где монструм отыскал Нила. Нил подошел и сел рядом. Кадет глянул на него и на монструма так, будто только сейчас вспомнил об их существовании.

– Я бы тебя нашел в любой момент, – отрывисто проговорил Кадет, будто вспомнил, что надо выглядеть устрашающе, а не побито. – Ты бы не сбежал.

Нилу захотелось пошутить, что-нибудь глупо и неуместно брякнуть, но тут он кое-что заметил. Кадет сидел сгорбившись и засунув кулаки под мышки, и в одном из этих кулаков был зажат нож. Лезвие было измазано чем-то темным, подозрительно напоминающим кровь. У Нила к горлу подкатил ком.

– Ты их все-таки нашел? – выдохнул он.

– Нет. Я превратился в птицу и облетел все ваши земли, – глухо ответил Кадет. – Ни единого человека, ни одной постройки. Леса, холмы и болота. А местом силы может быть что угодно. Любая кочка. Любое дерево. – Голос у него был тусклый. – Я провалил свою миссию. Упустил местных жителей и подсказку. Поддался гневу.

Кадет резко дернул вверх свой левый рукав и полоснул по руке ножом. Нил застыл, потрясенно открыв рот, и не успел его остановить.

Ничего странного в этой руке не было – обычная, на вид человеческая. Вот только вся кожа от запястья до сгиба локтя была покрыта рядами шрамов, аккуратных, как зарубки на дереве. Одни были совсем старые, другие – воспаленные, свежие. Из двух, особенно глубоких,

сочилась кровь, каплями сползая по руке. Первый надрез Кадет, очевидно, сделал еще до прихода Нила, – вот чья кровь была на ноже.

Самым странным было то, что Кадет не морщился от боли, не бросался зажимать новую рану, а с застывшим, сосредоточенным лицом следил, как течет кровь, и, похоже, собирался сидеть так еще долго. Нил пошарил в полутьме, прополз вокруг дерева на коленях и отыскал распластавшиеся по земле листки подорожника. В детстве они всегда так делали: порезался – ищи подорожник, он везде растет. Нил оторвал листок, плюнул на него и прилепнул к разрезанной коже.

– Ты... Как ты смеешь? – ошарашенно спросил Кадет, с трудом отрывая взгляд от пореза.

– Это чтобы подорожник лучше держался, – пролепетал Нил, сообразив, что, наверное, плевать на Ястреба не стоило.

– Зачем он мне нужен? – прошипел Кадет и оторвал лист.

– Чтобы зажило быстрее, – растерялся Нил. – Сейчас полегчает. Хочешь, еще один принесу?

Он, конечно, знал, что Ястребы всегда выполняют поставленную задачу, но он даже представить не мог, как они сходят с ума, если не выполняют. Кадет смотрел на него, тяжело дыша, потом снова уставился на свою изуродованную руку застывшим, фанатичным взглядом. Небо постепенно наливалось алым – Нил в жизни не видел такого поразительно яркого заката.

– Подумаешь, упустил, – сказал он, испытывая мучительную потребность утешить того, кому грустно. – Все иногда ошибаются, и...

– Не мы, идиот! – Кадет сунул Нилу под нос свою изрезанную руку. – Я достаточно ошибался, разве не видно? По шраму за каждый промах, непослушание или невыполненный приказ. Начальство всегда может проверить, насколько ты хороший Ястреб, попросив предъявить руки.

– А если не резать, можно ошибаться сколько хочешь, и все будут думать, что ты самый лучший Ястреб, – нашел выход Нил.

Кадет взглянул на него, как на сумасшедшего.

– Это против законов чести.

– То есть честь не запрещает вам захватывать чужие земли, но если не захватил, порежь себе руку? – Кадет так торжественно кивнул, что Нил рассмеялся. – По-моему, это ерунда.

Кадет прижал ладони к ушам, будто пытался заглушить собственные мысли. Опомившись, он с трудом опустил руки, после чего вернулся к созерцанию шрамов. Здесь, на холме, было еще совсем светло. Закат разгорался все ярче, алое солнце заливало землю прощальными лучами такой силы, как будто светило в последний раз. Монструм задремал у Нила под боком, положив лапу на лежащую рядом палку, – невесть какое сокровище, но она ему, похоже, нравилась.

– Зачем ты это делаешь? – спросил Нил, глядя на изрезанную руку.

– Потому что ошибка нарушает совершенство нашей природы, – без выражения проговорил Кадет. – Поэтому разрешается сделать надрез. Чтобы ты мог смотреть на него, размышлять о своей ошибке и никогда ее не повторять.

– Кошмар. Не ошибаться невозможно, ты в курсе?

– Говорят, у Магуса нет ни единого шрама. – Голос у Кадета благоговейно дрогнул.

– Сочувствую, – отозвался Нил. – Звучит очень жутко.

Кровь из предплечья продолжала сочиться, неаккуратно размазываясь по коже. Нил сорвал еще несколько листов подорожника и сосредоточенно облепил ими порезы, – плевать в этот раз не стал, просто прижал ладонью.

– Вот, так лучше, да? – Нил ободряюще улыбнулся. Он не мог просто смотреть на чужие страдания и ничего не делать. – Мы как-нибудь выкрутимся, только не режь ничего больше.

Кадет поморщился, и у него вдруг стало такое лицо, будто он сейчас что-то скажет, что-то очень важное. А потом он успокоился – кажется, его захлестнуло то чувство, которое было Нилу верным другом уже много лет: когда ниже падать уже некуда, становится совершенно не о чем беспокоиться. Они помолчали, глядя на то, каким пронзительным светом закат освещает каждый цветок в траве, каждую ветку. Потом Кадет вдруг распрямился, будто его кольнула какая-то новая мысль. Нил вопросительно посмотрел на него, и Кадет свирепо, торжественно сказал:

– Я предлагаю тебе сделку. – Кадет смотрел куда-то поверх его плеча, на горизонт. – Ты не ищешь место силы, не отдаешь ему магию. Я оставляю тебя в покое и возвращаюсь в Селение, ты принимаешь предложение того сопляка и остаешься веселиться с ним. Просто пообещай не искать – вы же никогда не нарушаете обещаний.

Нил удивленно глянул на него. Он и не думал, что Кадет прислушивался к его разговору с Магом, но Кадет, похоже, не упускал ничего. А потом удивился в два раза сильнее, потому что до него дошло: Кадет предлагал отступить. Сдаться. Это было так на него не похоже, что Нил даже ответ придумать не смог, так и замер, глупо моргая.

– Тогда купол скоро рухнет. Я не знаю, сколько он еще протянет.

– Для нас не принципиально достигнуть своей цели прямо сейчас, терпение – добродетель. Я выяснил, что эти земли скоро падут сами, и с этой новостью вернусь. Мне не повысят магический ранг, но и не накажут.

– А потом? – выдавил Нил. – Когда здешняя магия иссякнет?

Вся эта идея вызывала у него смутное, неприятное беспокойство, и оно стало только сильнее, когда Кадет отвел взгляд и нахохлился, словно корил себя за то, что сказанул лишнего.

– Потом мы вас захватим, как вы выражаетесь.

– И убьете их всех?

– Зачем? – удивился Кадет. – Мы не убиваем без нужды. Разошлем всех по игровым Селениям, которые, как ваше, производят магические предметы, наполненные Тенью.

Нил заледенел.

– Как... Как наше? Значит, оно не одно?

Кадет воззрился на него, как на идиота.

– Конечно нет. Их десятки. Мы делим освобожденных на тех, кто отправляется в Селения увеличивать запасы Тени, и тех, кто остается на своей земле и производит пищу. Все трудятся на благо Империи.

Нил попытался сглотнуть и не смог.

– Если Селений много, значит, каждый год десятки людей освобождаются, – выдавил он. – Куда они потом идут? Выращивать еду на полумертвой земле?

– Кто освобождается? – не понял Кадет.

– Победители в игре. Тот, кто победил, выходит. – Он замер и все-таки сглотнул. До него дошло. Вечер откровений, да что ж такое. – Те бородатые люди в лесу. Они сказали, что никогда не видели, чтобы кто-то выходил из Селения. Что вы с ними делаете? С победителями? – У него задрожал голос. – Вы их убиваете?

– Нет, – возмутился Кадет. – Это пустая трата ресурсов. Победитель – тот, в ком много анимуса. Тени, по-вашему. Он ради своей цели победил всех, готов на все, знаком с тeneвым оружием и умеет им пользоваться. Они становятся солдатами Империи. Помогают нам захватывать новые земли.

Нила прошиб холодный пот. Хуже всего было то, что звучало все это очень логично. Победители всегда самые злые, вообще потерявшие аниму. Как он мог быть таким идиотом, чтобы верить, будто Ястребы выпускают хоть кого-то на свободу?

– А если они не соглашаются? – спросил он очень тихо, чтобы не заорать во весь голос.

– Показываем им, что в их землях больше ничего нет. Говорим, что племя их больше не примет. Что они уже не такие, как их земляки. И отправляем в центр. – Кадет вдруг качнулся к Нилу, будто хотел, чтобы он действительно понял. – К тому времени, как они побеждают, им на самом деле больше не хочется домой, в свои жалкие лачуги. Им хочется побеждать снова. И это делает их почти такими, как мы.

Нил вцепился обеими руками себе в волосы, жалея, что они такие короткие, не ухватишься как следует.

– Из них получаются вполне неплохие солдаты, – пожал плечами Кадет, как будто это с чего-то должно было его утешить.

Ястребов не победить. Они хитрые, умные, они все просчитывают. Мир принадлежит Тени – остался только Маг, прекрасный маленький придурок, со своими тихими улыбочивыми собратями, и он сам – болван, который не знает, что делать. Нил сжал зубы, пытаясь не заплакать. Он знал, что надо идти дальше, и знал, что это бесполезно. Краем глаза он видел, что Кадет смотрит на него своим холодным, пристальным, изучающим взглядом, и не хотел к нему поворачиваться – наверняка тот презирает мягкого, слабого человечка, который расклеился у него на глазах. Но взгляд все сверлил его, даже на грусти не получалось сосредоточиться, и Нил повернулся. Презрения не было, наоборот, – Кадет изучал его с интересом.

– Что? – огрызнулся Нил, стараясь не трястись.

В глазах Кадета мелькнуло довольное выражение.

– Ты увидел несовершенство мира. Это достижение для одного из низших существ с размягченными мозгами, в которых превращает людей ваша анима. Видел того сопляка? Типичный золотой маг. – Он передразнил: – «Ах, все люди – друзья, всех плохих можно исправить, это так чудесно! Не надо бороться, все и так будет хорошо, нужно просто надеяться!» Тьфу. – Кадет скривился. Нил смотрел на него во все глаза. – Ты не такой, как они. Ты не боишься.

Теневые твари умеют играть. Ястребы умеют передразнивать. Какие еще открытия сулит этот день?

– Он тоже не боялся, – выдавил Нил.

– Когда ты не знаешь, что волки могут укусить, смотреть им в глаза – не храбрость, просто неопытность. Храбрость – смотреть, когда волки кусали тебя много раз. – Кадет проговорил это как-то горько, будто его тоже кто-то на его веку хорошенько покусал. – Соглашайся. Второй раз предлагать не буду.

Нил выдавил смешок. Он второго раза и не ждал.

– Подавись своим предложением. Я найду место силы. И знаешь, что будет потом? Это место навсегда останется неприкосновенным. Вы никогда больше его не найдете. А тебя я вышвырну. – Он вдруг понял, что говорит почти ласково, его дрожь пробрала от собственного голоса. – Ладно, я понял, всех мы не спасем. Зато сами выживем. – Он встал на ноги и улыбнулся торжествующе, широко. – Я его найду.

Кадет, как ни странно, не разозлился. Точнее, разозлился, но как-то странно, тоскливо, будто ему самому стало не по себе.

– Знаешь, почему ты не согласился? – звенящим голосом проговорил он. – В глубине души, хоть ты и не желаешь себе признаться, ты – игрок. Ты азартный. Бесстрашный. Не такой, как они. Ты мог бы выиграть ту игру, если бы позволил себе. Признай. Но ты так сам себя боишься, боишься, что в тебе есть Тень, не только свет. Я наблюдал, как ты себя ведешь на арене. Ты никогда даже не брался за оружие как следует. Потому что боялся, что если возьмешься...

– Хватит, – процедил Нил. – Захлопни клюв.

– Я еще здесь, потому что ты хочешь победить меня. Показать, что ты быстрее. Умнее. В тебе есть все, что вы запрещаете, все прекрасные качества: гордость, упорство, жажда быть лучшим и...

– Хватит!

Было так тихо, так пусто, и солнце неумолимо гасло, садилось за горизонт, и от этой подступающей тьмы Нилу было так страшно. Может быть, Маг и остальные наблюдают за ними, невидимые. А может, тут на много километров вокруг никого нет. Только лес, и мягкая пружинистая земля, и запах ночи.

– У меня есть другое предложение, – зашептал Кадет. – Помоги мне найти место силы и выманить одного из местных. Не обязательно того сопляка, любой сойдет. Я заберу тебя с собой. Ты уникален, тебя будут изучать. Ты разовьешь в себе анимус, это возможно даже для выходца из этих мест, поверь. Не бойся, тебя не убьют, ты слишком ценен. Соглашайся, иначе мне придется... Не думай, что обхитришь меня. Мы всегда побеждаем. Всегда.

Он как будто бредил: сам не верил в то, что выгорит, и просто частил, лихорадочно, сбивчиво. Нил попятился. Он никогда не видел, чтобы Ястребы кого-то уговаривали, и это было очень, очень страшно.

– Нет, – выдавил он.

– Нет? – не поверил Кадет. – Почему нет? Я не понимаю.

Это вдруг прозвучало так по-человечески, так раздраженно и хмуро, что Нилу захотелось снять с него маску, чтобы увидеть лицо целиком, а не полосу между капюшоном и переносицей, – все равно, если там окажется жуткая пасть или просто ужасное уродство. Вместо этого Нил опустил на колени и прижал обе ладони к земле.

«Ну же, давайте, остановите меня», – подумал он. Но ничего не произошло, не появился ни Маг, ни кто другой. Нил прикрыл глаза, сосредотачиваясь. Подсказка – не главное. Нужно просто захотеть, и ты найдешь то, что нужно. Он лег на землю всем телом, прижался животом, грудью, руками. В голове было пусто и светло. А потом он почувствовал удар в сердце, как будто что-то из-под земли едва ощутимо толкнуло его в ребра, и поднял взгляд.

У дальних кустов сидело животное и смотрело прямо на него. Зверек был мягкий на вид, пушистый. Длинные уши, длинные лапы. Заяц. Он отскочил на пару шагов, снова прыгнул ближе и опять отскочил, не отводя от них темных выпученных глаз. Кадет медленно выдохнул, и на его лице проступило непонятное, противоречивое выражение.

– Он ведь не светится, не разговаривает, – тихо сказал Кадет. Как ни странно, он выглядел так, будто не хотел никуда идти. – Может, это обычный заяц.

Нил покачал головой и шагнул к зверьку. Тот понял, что его заметили, и бросился прочь, а Нил рванул за ним, думая о том, что все в жизни просто. Важные вещи уж точно.

Короткий пушистый хвост мелькал в траве. Нил спотыкался, вставал и мчался дальше. Они спустились с холма, поднялись на другой. Деревья здесь росли гораздо гуще – белоснежные, с длинными ветками, висящими до земли. Заяц бежал не слишком быстро, чтобы за ним успевали, но все равно оказывался все дальше – первоклассным бегуном Нил не был, да и Кадет, видимо, тоже. Нил пробежал еще немного, но дорога вскоре пошла вверх, и вот это уже было слишком. Он остановился, упираясь ладонями в колени. Заяц прошуршал в траве, и все стихло.

– Что это было? – спросил запыхавшийся Кадет и без сил прислонился к дереву. Грудь у него тяжело вздымалась – нет, определенно не бегун. – Если он вел тебя, то куда? Тут нет ничего!

Нил немного отдышался и зашагал по холму вверх – нельзя же просто остановиться посреди склона, не узнав, что на той стороне. На той стороне был просто лес. Заяц пропал без следа.

– Интересно, что это за звук, – задумчиво протянул Нил, прислушиваясь.

– Какой звук?

– Ну, высокий такой звон. Ты не слышишь?

Кадет помотал головой, и Нил зашагал дальше.

– Ты не прав, – сказал он на ходу. Его так и подмывало выдать что-нибудь героическое и запоминающееся. – Я такой же, как они. Только с одной разницей: я не проиграю.

– Как я и сказал: я все еще здесь, потому что ты хочешь не просто всех спасти. Ты хочешь выиграть. – Голос у Кадета был бесстрастный, но под этой бесстрастностью что-то дрожало. – Без борьбы я не сдамся. Помни: нас учат умирать, если это нужно, чтобы добиться цели.

– Да, чудесно вам живется, – пробормотал Нил. – Просто отлично. Идем.

Он не хотел думать о словах Кадета, потому что боялся, что они окажутся правдой. Поэтому он поступил с неприятными мыслями так же, как делал всегда: задвинул подальше и сделал вид, что их не существует.

Глава 11

Место силы

Звук издавали яблоки. Теперь, стоя прямо перед ними, Нил вынужден был признать, что звон очень тихий, – еле-еле слышное «дзинь», когда ветер покачивал ветви и два яблока на мгновение соприкасались наливными розовыми боками. Звук был едва различим за шуршанием листьев, и Нил не понимал, как ухитрился расслышать его на таком расстоянии. С тех пор они с Кадетом успели подняться на холм и спуститься в незнакомую долину, пересекли рощу колючих деревьев и пробрались через заросли кустов с ароматными белыми цветами, от которых вся одежда теперь была покрыта пылью. За цветочными зарослями оказались яблони – это определенно был посаженный кем-то сад, деревья стояли ровными рядами, но вокруг не было даже ограды.

Закат уже погас, небо медленно наливалось темнотой. Яблони успокаивающе шумели и позвякивали от ветра.

– Ого. Металлические, но при этом вроде как настоящие, – пробормотал Нил. Звук собственного голоса его успокоил. – Интересно.

Кадет не отвечал. Вид у него был такой, будто его треснули по затылку и он никак не может прийти в себя. Нил разглядел на рыхлой земле следы босых ног и пошел вдоль них. Ряды яблонь закончились, за ними оказались усыпанные ягодами кусты и прудик с деревянным мостом, перекинутым на другую сторону. Впереди маячил старый, заброшенный на вид дом – в одном месте крыша была проломлена, дверь покосилась, но, похоже, там все-таки жили: на просторном крыльце сидела круглолицая девушка и задумчиво расчесывала гребнем длинные русые волосы. У ее ног, босых и покрытых грязью, лежала лопата.

– Мы ничего не трогали, – сообщил Нил, чтобы она не подумала, будто они пришли красть яблоки.

– И правильно сделали, – веско сказала девушка и слабо, краем губ улыбнулась. – Вы издалека, верно? Присядьте, отдохните. Хотите воды?

Не дожидаясь ответа, она отложила гребень и ушла вглубь веранды, погромела там чем-то и вернулась с двумя глиняными кружками.

– Надо осмотреть дом, – проскрипел Кадет и поднялся на крыльцо.

Видимо, боялся, что там засели волшебники, что все это – ловушка. Девушка ему не мешала.

– Никого нет, – сказал Кадет, выходя.

У него было что-то с лицом: как будто судорогой свело. Он что-то увидел там, внутри, но Нилу не хотелось туда идти, и он сел на крыльцо. Бояться не получалось – для страха нужны силы, а он слишком устал.

– Давно нет. Тут только я. Пейте.

– А источник у вас проверенный? – спросил Нил, увидев, каким жадным взглядом Кадет глянул на кружку, прежде чем торопливо отвести глаза: похоже, он очень хотел пить.

– Более чем.

Нил с благодарностью кивнул, взял кружку и выпил все до доньшка – вода была ледяная, и в ней красиво отражались звезды. Кадет свою кружку не принял, и девушка нахмурилась.

– Ты нашел тут что-нибудь интересное? В доме? – с напором спросила она.

– Там ничего нет, – проскрежетал Кадет не своим голосом.

Она улыбнулась и подошла к нему.

– Ты знаешь, кто я?

– Нет.

– Тогда пей. – Девушка настойчиво ткнула кружкой ему в грудь. – Разве можно обижать хозяйку недоверием? Это местная традиция, знак гостеприимства.

Кадет хмуро оглядел Нила, убедился, что тот после угощения не протянул ноги, и взял кружку. Девушка не отводила взгляда, и Кадет отвернулся сам, сделав вид, что рассматривает сад. Скрытый темнотой, он стянул маску, выпил, шумно сглатывая, и сразу натянул ее обратно.

– Добро пожаловать живым, – сказала девушка звенящим, негостеприимным голосом.

Кадет обернулся, присматриваясь к ней сквозь тьму. И вдруг, пошатнувшись, вцепился в поручни крыльца.

– Это ведь не просто вода? – спросил он.

– Смотря для кого.

Девушка села на крыльцо и продолжила любовно расчесывать волосы.

– Яблоки, – выдохнул Кадет. У него внезапно начал заплетаться язык. – Они могут придавать сил, а могут убивать. С водой то же самое?

– В зависимости от пожеланий, – кивнула она, глядя на Кадета почти с сочувствием.

Когда она проводила по волосам, по ним красиво пробегал свет. Нил похолодел. Он запоздало понял: тут нет света, нет луны, нет даже звезд, а значит, они никак не могли отражаться в чашке. Кадет нетвердо сел на ступеньку и прислонился головой к одному из столбиков крыльца. Движение было заторможенным, но спокойным, словно он знал, что упадет, и просто не хотел делать это неаккуратно.

– Эй. – Нил сел рядом и потряс его за плечо. – Эй!

Кадет не шевелился. Глаза его были закрыты, он навалился всем весом на парапет крыльца, расслабленно и неподвижно – было видно, что он сползет на землю, если начать трясти его сильнее. Монструм горько завыл и лег на крыльцо.

– Не трудись, – посоветовала девушка.

– Ты... Ты его... – ошеломленно начал Нил. В голове билась глупая мысль, что Кадет оказался прав: вода может убивать.

– Ты сам бы не решился, я помогла тебе, – безмятежно сказала она. – Есть свои и есть чужие, третьего не бывает. Так что поблагодари и вперед. Место силы вон там.

Она махнула рукой, и в траве засияла дорожка, как будто узкая полоса земли покрылась золотой пылью. Тропа уходила в лес.

– Ты охраняешь это место, – выдохнул он, не отводя глаз от неподвижного Кадета. – Маг сказал, у места силы есть покровитель.

– Именно.

Девушка взглянула на него внимательно и остро, и Нилу стало страшно до дрожи, страх брал начало где-то под солнечным сплетением и липкой волной растекался по всему телу. Монструм продолжал скулить. Почему он не исчез? Куда ему теперь податься?

– Так нельзя. Оживи его! Я привел его сюда, я за него отвечаю. – Она подняла брови, и Нил с жаром продолжил: – Это против законов радушия. Нельзя вредить гостю, нельзя предлагать отравленное угощение, не...

Она резко встала, и Нил выпятил челюсть, показывая, что не боится.

– Ты глупец, – звенящим голосом сказала она. – Даже не понял, что он собирается сделать? Побереги доброту для своих.

– Тут все берегли доброту для своих, – выдавил Нил. – Потому и магия почти иссякла. Я его не подпущу к месту силы, я успею, обхитрю, да можно ведь просто привязать! Но пожалуйста, оживи его. Так нельзя.

Она шагнула ближе, смягчившись, и потрепала Нила по щеке. Рука у нее была теплая.

– Я не могу. Но ты можешь. В первые несколько минут жизнь еще можно вернуть, но я бы не советовала.

Нил отчаянно посмотрел на сияющую тропку, которую она расстелила перед ним. Она уводила далеко в лес, и идти было явно больше нескольких минут. Он не успеет.

– Говори как, – твердо сказал он. – Ты – просто охранник. Не тебе решать, кто умрет, а кто выживет. Чем мы лучше Ястребов, если будем убивать всех, кто нам мешает?

Она фыркнула, глядя, как Нил, бросившись к столу, заглядывает в кувшин с остатками блестящей воды.

– Это мертвая вода, – сказала девушка. – Ты ведь знаешь, что, если рискуешь, всегда можешь проиграть?

– Знаю, – огрызнулся Нил, взбалтывая воду в кувшине.

Девушка так внимательно наблюдала за его руками, что его не оставляло чувство, будто он делает все правильно. Он ведь никогда еще не принимал настоящих решений. Ну то есть ему просто приходило в голову что-то, что он считал неплохой идеей, но момент размышлений он всегда сокращал до предела, чтобы в случае чего сказать самому себе, что не виноват.

Но оказалось, что, даже когда от тебя все зависит, выбирать не так уж трудно. Важные вещи знаешь сразу. Нил передал аниму руке и стряхнул золотую пыльцу в кувшин. Анима ведь и есть жизнь, как можно было ради нее кого-то убить?

В кувшине теперь отражались не звезды, а солнце. Нил с улыбкой посмотрел на девушку – смотри, что я смог! Но она его радости не разделяла, даже блики в ее волосах погасли. Она отбросила гребень в темноту и пошла к двери.

– Под твою ответственность, – сердито отрезала она и ушла в дом, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Стало очень тихо, только где-то стрекотал сверчок. Нил глубоко вдохнул цветочный запах ночного сада. У него кружилась голова.

Потом подошел к Кадету и снял с него маску. Она оказалась тягучей, мягкой. Несколько секунд он рассматривал то, что под ней оказалось. Это совсем ему не понравилось, зато многое стало понятно.

Нил вдруг понял, что знакомство с Кадетом не прошло даром. Он не такой, как Ястребы, но кое-чему и у них можно научиться. Например, предусмотрительности. Нил поставил кружку на ступеньку и бросился в дальний конец крыльца: там была натянута тухлявая, иссохшая бельевая веревка. Он с хрустом сорвал ее и кинулся обратно. Монструм крутился под ногами так взбудораженно, что Нил чуть об него не споткнулся.

– Тихо, тихо, спокойно, – прошептал он и наполнил веревку золотым сиянием – так ярко, как мог.

Примотал Кадета к стойке крыльца всем телом, чтобы тот не смог пошевелиться. Потом медленно выдохнул, решаясь, и приложил поблескивающую кружку к его рту. Большая часть воды пролилась, но, наверное, много и не нужно было. «В зависимости от пожеланий», – сказала девушка, и Нил изо всех сил пожелал, чтобы Кадет перестал быть мертвым. Любая жизнь – это ценность. Все, что может жить, должно этим и заняться.

Нил вернул маску на место и стал ждать, удивляясь тому, как ровно бьется его собственное сердце: ни беспокойства, ни сожалений. Он рискнет и, даже если проиграет, будет знать, что хотя бы пытался.

Кадет закашлялся и с хрипом пошевелился. Руками он двинуть не мог и первым делом потерялся щекой о плечо, проверяя защиту на лице, – и теперь Нил отлично понимал, отчего ему не хочется, чтобы кто-то увидел то, что под ней. Наверное, Кадет почувствовал, что маска сдвинута, но она была на месте, и он судорожно, с облегчением выдохнул. Монструм прыгал вокруг него, тыкаясь носом в колени. Нил глупо улыбнулся.

– Где она? – Кадет выглядел испуганным, но вполне живым, и от этого Нилу стало легче на душе. – Где?

А потом он увидел сияющую дорожку, и глаза у него расширились. Он начал биться, но руками шевельнуть не мог, примотали его крепко.

– Она убила тебя, а я оживил, – сбивчиво зачастил Нил. – Сейчас я уйду, но я за тобой вернусь, ясно? Сиди тут. Не дергайся. Обещаю, я тебя отвяжу. Тебя не накажут, ты старался как мог. И проиграл. Так бывает. Сиди!

Нил спрыгнул с крыльца и помчался прочь. Монструм бросился следом, но Нил, обернувшись, запустил в его сторону пригоршню золотой пыли. Она собралась в шарик, и монструм попытался ухватить его ртом, но шарик откатился, и пес закрутился вокруг своей оси в попытках его догнать. Шарик резво убежал – в сторону, противоположную той, куда мчался Нил.

Монструм выбрал шарик. Нил ухмыльнулся, оглядываясь на удаляющееся от него гавкающее пятно тьмы. Под ногами влажно хрустели палые яблоки с золотой оболочкой – похоже, не такой уж и крепкой, – и воздух был наполнен их запахом, печальным и счастливым одновременно. Потом сад закончился, за ним началась роща деревьев с гладкой белой корой. Ветер едва заметно ерошил их длинные ветви, в траве тут и там шуршали ночные животные. Нил бежал. Он чувствовал себя именно так, как мечтал почувствовать всю жизнь: счастливым и свободным.

Нил был уверен, что тропинка закончится чем-то необыкновенным, но она оборвалась посреди ничего: самая обычная поляна. Весна сказала, что нужно коснуться места силы, но до чего, до чего именно тут надо дотронуться? Нил приложил руку к земле, но ничего не случилось, – он бы почувствовал, точно почувствовал, если бы потерял аниму.

Он хватался по очереди за деревья, за траву, трогал все подряд, и ничего не происходило. Тишина здесь была абсолютной, неестественной – ни птичьих голосов, ни шума листьев. Не было даже запахов, словно поляна была вне времени и пространства. Значит, место верное. Но что нужно сделать?

Подумать как следует он не успел: сверху упала тень, и Нил отпрянул – это было так внезапно и жутко, будто на тебя в темной комнате прыгнул паук, а ты едва успел отшатнуться. Перед ним на землю спикировала большая темная птица. Ястреб ударился так, будто хотел размозжить себе голову. В землю вмялся ворох темных перьев, который неуловимо превратился в складки темной ткани, и Кадет встал, целый и невредимый.

– Успел, – выдохнул тот. – Что здесь?

Нил даже не удивился. Он шагнул назад.

– Как видишь, ничего, – не своим голосом проговорил он. – Как ты освободился?

На запястье вдруг сжалось что-то ледяное, и Нил вскрикнул, опустив глаза. Монструм висел у него на руке, сжав ее зубами в прыжке. У него даже глаз не было, но Нилу все равно показалось, что монструм смотрит на него перепуганно. Он почему-то стал меньше, словно сжался до размеров щенка – даже костлявую руку Нила еле удерживал в зубах.

– Пришлось часть его потратить. Он все-таки иногда меня слушается, – без выражения проговорил Кадет. – Перекусил веревку. Тебе надо было привязать и его.

Последнюю фразу он добавил каким-то непонятным тоном, будто учил Нила, как себя надо вести. У Нила от этого холодом прошило позвоночник, но свое занятие он не бросил, продолжая лихорадочно осматривать поляну. Надо просто коснуться первым того, чего нужно коснуться, и...

И он увидел. Камень. Нил так ждал чего-то мощного и крупного, что поначалу его даже не заметил. А тут обычный камень, размером чуть больше кулака, но на нем были знаки, вырезанные явно человеком: мелкие животные и цветы. Нил тут же отвел взгляд, чтобы не подсказывать Кадету, куда смотреть, но тот видел его трюки насквозь. Он заметил. И стоял ближе к камню, чем Нил.

Когда Нил это понял, его пробил такая дрожь, что зубы лязгнули. Что же делать? Нужно какое-то заклинание. Нужно что-то придумать.

– Такой маленький, – протянул Кадет, глядя на камень. – Уверен, его невозможно сдвинуть, чтобы место силы нельзя было перенести, но я ждал чего-то более впечатляющего. А ты?

– А... Да.

– Это мое задание. Я должен выполнить его. – Но он не выполнял. Стоял и смотрел и почему-то не выглядел довольным. – Но ты спас меня. Я... благодарен тебе. – Он произнес это через силу, слова тяжело ворочались во рту. – Ты можешь подойти.

– И в чем подвох? – выпалил Нил.

Слабину дать нельзя, иначе с потрохами съедят.

– Ни в чем, – тихо сказал Кадет. У него в глазах была настоящая, неподдельная тоска. – Давай, Шесть Четыре Пять Два. Спасай землю. Ты очень далеко зашел для парня из золотого народа.

Брови у него изломанно сошлись на переносице. Нила накрыло таким облегчением, что затряслись колени. Сработало. Еще в доме лесовика он подумал: избыток анимы и пребывание в золотых землях либо убьют Кадета, либо сделают его человеком. Вот в этом Маг был прав. Доброта и понимание могут исправить даже чудовище.

– Тебя долго не было, они поймут, что ты старался изо всех сил, – сказал Нил. – Честно, они поймут. Тебе ничего не будет. Или знаешь что? Оставайся здесь. Нам будет весело. Ваши никогда сюда не пройдут, магии хватит надолго. Мы тут все будем в безопасности. Но если ты захочешь уйти, я тебя отпущу. Я никогда не буду тебя держать, если не захочешь. Хорошо? – Кадет кивнул с очень сложным выражением на лице. – Маг тебя простит, я ему объясню. У нас всегда прощают.

– Я знаю. – Кадет говорил так, будто едва мог дышать, между бровей залегла короткая напряженная складка.

Голос у него совсем съехал, и Нилу захотелось сказать: «А я знаю, что под маской», но он сдержался: лучше придержать это до более подходящего момента, их теперь будет полно.

Ну, пора. Нельзя тянуть, а то передумает. До камня было шагов пять, и Нил пошел к нему. Раз, два, три, четыре.

Все произошло на пятом, когда он уже не ждал подвоха, когда думал только о том, что вот сейчас коснется камня и все будет хорошо. Он нагнулся, передал аниму руке, и камень, будто почувствовав его приближение, загорелся золотом, которое подсветило рисунки изнутри. Нил улыбнулся.

Грудь прошило такой огромной, поразительной болью, что Нил даже не сразу понял: ее источник где-то в спине, около позвоночника, между ребрами.

«Нельзя было поворачиваться к нему спиной», – медленно, запоздало подумал Нил.

Он хотел упасть вперед, последним усилием коснуться камня, но, конечно, ему не позволили. Затянутые перчатками руки сжались на его плечах и опрокинули назад, уложили на землю подальше от камня.

Нил даже не мог понять, кричит ли он, дышит ли, двигается или замер неподвижно, он теперь будто весь состоял только из этого горячего, рвущего, мучительного ощущения, заполнившего грудную клетку.

Над ним было беззвездное небо и верхушки деревьев, потом их заслонило лицо Кадета: темный капюшон, маска, а между ними – узкая полоса белой кожи, по-прежнему изломанные брови и темные, лишенные выражения глаза.

Нил с трудом опустил взгляд. В руке у Кадеты был нож, тот самый, широкий и острый, которым он недавно резал себе запястье. В мире волшебников, магии и заклинаний Кадет просто взял и заколол его. Это было ужасно, но почему-то смешно, и Нил засмеялся, но вместо смеха изо рта вырвался булькающий хрип, а за ним вытекло что-то скользкое и горячее, с отвратительным металлическим вкусом.

– Я – Ястреб, – сказал Кадет. Он, очевидно, считал, что говорит бесстрастно и взвешенно, но получалось сдавленное бормотание. – Мы всегда доводим дело до конца. Почему ты не догадался?

Нил попытался встать, чтобы дать ему по затянутой маской роже, и не смог – сил хватило только на то, чтобы выплюнуть кровь и вцепиться в рукав формы. Кадет вздрогнул – наверное, Нил задел какой-то из его порезов. Монструм рядом выл, тихонько, на одной ноте.

– Мы станем первым народом, который действительно захватит весь мир. Империя огромна и будет еще больше, – сказал Кадет так, будто и самого себя уговаривал, и хотел, чтобы и Нил действительно понял его. Безумие. – Мы просто берем другие племена под свое покровительство. Избавляем от заблуждений. Стать частью Империи почетно.

Нил нашел бы, что на это ответить, но не мог даже вдохнуть. Он так хотел жить, так сильно – и это желание больше не имело никакого значения.

Кадет вдруг качнулся вперед и коснулся лбом его лба. Нил попытался закрыть глаза, но почему-то не смог. Ему больше не было больно, даже холодно не было, он чувствовал себя как матрас, набитый соломой. Пару секунд Кадет смотрел на него таким невыносимым взглядом, что Нилу даже сейчас, несмотря ни на что, захотелось сказать ему, что все в порядке, хотя ничего, ничего не было в порядке.

А потом Кадет расправил плечи и поднялся. С решительным, неподвижным лицом он положил руку на камень и заговорил на шипящем, отрывистом языке, который Нил слышал раньше, но никогда не понимал, а теперь каждое слово почему-то было совершенно ясным.

– Теперь эта земля принадлежит народу Ястребов, – сказал Кадет.

И вот тогда Нил почувствовал нечто такое, что было куда хуже удара ножом. Земля теряла силу, и будущее исчезало – для всех, кто жил в этом уголке мира. Все, чем они могли бы стать, стиралось, и Нила раздирали на части бесконечная, огромная боль без боли, ощущение финала, молчаливый крик умирающей земли. Мать-земля дарит волшебство всему живому, она – его источник, и сейчас этот источник иссяк. Кажется, даже Кадет что-то почувствовал: он вскинул руки, чтобы закрыть уши, но сразу заставил себя их опустить. А потом небо вдруг вспыхнуло золотом: купол засиял во всю силу и начал осыпаться. Золотая пыльца обрушилась вниз, как дождь, и растворилась.

Теперь это был просто кусок территории. Кадет какое-то время стоял, глядя в одну точку, потом встряхнулся и раскинул руки, глядя в небо.

– Квадрат Ноль Ноль взят, – сказал он на том же шипящем языке.

Как бы быстро ни летели Ястребы, какую бы магию ни использовали, прошло добрых полчаса, прежде чем раздалось хлопанье крыльев. Все это время Нил лежал, не в силах даже закрыть глаза. Он ничего не чувствовал, ни о чем не думал, и если вот это и значит быть мертвым, то он был совершенно мертв. Кадет сидел спиной к нему, обхватив колени. Когда над лесом пронеслась первая крылатая тень, он встал.

От удара о землю птицы мгновенно, незаметно превращались. Пятеро Ястребов один за другим поднялись на ноги. Нил сразу их узнал – в основном по монструмам. Щупальца, здоровенный пес – все старые знакомые, все, кто работал в Селении. Потом среди них соткался шестой силуэт – прямо из Тени, как будто ночь стусилась в одном месте до такой степени, что превратилась в фигуру. Нил узнал и ее: теневой призрак с низко надвинутым капюшоном, тот самый, который изрек пророчество давним утром вчерашнего дня. Нил узнал его рост, его сгорбленную спину и капюшон, закрывавший лицо целиком, – под ним не было видно даже глаз, и казалось, что внутри только тьма. Может, так оно и было.

– Работа выполнена, – прошелкала фигура на том же пугающем до одури языке. Кадет опустил на колени. – Кадет Семь Два Три, ты завершил миссию. Пророчество не исполнилось. Учитывая твое происхождение, это впечатляющий результат. Ты будешь награжден и переведен на работу в центр.

Пятеро Ястребов поклонились. Нил понять не мог, радуются они, печалются или завидуют, лица у них были совершенно равнодушные, Нил и забыл, какие пустые лица у Ястребов, когда их жизнь идет своим чередом.

Теневой призрак протянул руку, совершенно бестелесную, и коснулся Кадета. С черной, призрачной руки сползла тьма, перетекла в его плечо, и на униформе проступила узкая лиловая полоса.

– Магический ранг повышен, – сказала фигура.

А потом сделала шаг назад и растворилась во тьме. Монструм, который испуганно жался к ноге Нила, вдруг издал высокий визг и начал меняться, сжиматься в бесформенный ком тьмы. Нил зажмурился. Он не хотел, не хотел, не хотел смотреть.

Господин Череп отрывисто кивнул Кадету.

– Желаю успешной работы на новом месте, – проговорил он, и снова по голосу невозможно было разобрать: он искренне поздравляет? Издевается? Ему все равно?

Упрямый глупый мозг никак не хотел выключаться, заснуть, перестать думать. Потом Нил внезапно почувствовал боль в спине. Чувствовать хоть что-то было странно, а боль с каждой секундой росла, пока не заставила его издать какой-то сдавленный звук. Все удивленно обернулись – до этого никто даже на него не взглянул, словно он был деталью пейзажа.

Щупальца господина Черепа метнулись к Нилу и оплели грудь. Нил вздрогнул, сонно удивившись, что вообще может дергаться.

– С какой стати он еще жив? – пробормотал Господин Череп на своем языке и вытащил из Тени бестелесное полотнище, покрытое искристыми зелеными контурами и зелеными же огоньками. Золотого цвета там больше не было. – Карта врать не может, земля присвоена. Значит, ритуальное убийство дикаря из местного племени прошло успешно, иначе бы не сработало. Почему он жив?

Ритуальное убийство дикаря, значит. Щупальца прокатились по телу, заглянули Нилу в глаза, и Нил закашлял. Воздух царапал легкие, и они тоже болели, вообще все болело, ныла каждая кость. Глазные яблоки, до этого будто заледеневшие, снова начали слушаться. Спина казалась очень горячей, но Нил чувствовал: разошедшаяся от ножа плоть снова сошлась, края разреза стянулись под заскорузлой от крови тканью, где-то внутри сходились порванные мышцы, кровь, заполнявшая легкие, возвращалась на свое место.

– Может, все дело в том, что эта земля была особенной, – сказал Кадет. Он смотрел на Нила во все глаза, но выражение лица было совершенно нечитаемым. – Я не разбираюсь в их варварских обычаях. Может, она его пощадила.

Сволочь. Гад. Какой же гад.

Господин Череп шагнул к Нилу и протянул напряженную руку, но Кадет молниеносно перехватил его запястье. Похоже, делать это было нельзя – Кадет тут же опустил руку, остальные притихли. Щупальца сползли с Нила и повернулись к Кадету.

– Зачем тратить рабочую силу? – спокойно спросил Кадет. Он казался совсем другим, когда говорил на своем языке, и Нилу было страшно, так страшно смотреть на него. – Он еще может потрудиться на благо Империи. В Селении данные о его существовании стерли, так что я предлагаю оставить его здесь. Эта земля завоевана, магии тут ни у кого не будет. Оставить его жить и видеть плоды нашей победы – более целесообразно.

– Вы оспорили действия старшего по званию, – без выражения сказал Господин Череп.

– Тень отличила меня сегодня. Меня. – В голосе у Кадета прорезалось какое-то сильное, яркое чувство, которое он попытался тут же подавить. – Я получил Квадрат Ноль Ноль. Я хочу, чтобы низшее существо, с которым мне пришлось провести два дня, мучилось, глядя на свою павшую землю. Не вижу, как это противоречит нашим принципам.

Он подошел и резко вздернул Нила на ноги. Тот издал мокрый, болезненный звук – и от жара, опалившего позвоночник, и от ледяного холода, которым теперь веяло от Кадета.

– Уходи, – сказал Кадет на местном языке, глядя ему в глаза. – Убирайся.

У его ног копошилось что-то темное, и Нил не хотел туда смотреть, потому что это больше был не монструм, во всяком случае – не тот, которого он знал.

Просто не думать о плохом, и все проблемы исчезают.

Нил попытался не упасть на своих негнущихся, полумертвых ногах. Что-то вернуло ему его бесполезную жизнь, но это, похоже, было наказание, а не благословение.

– Прощай, игрок Шесть Четыре Пять Два, – сухо произнес Кадет и шагнул назад.

Когда бесформенный монструм прополз мимо, Нилу вдруг захотелось, чтобы он обернулся, но тот на него даже не взглянул.

А потом все шесть Ястребов упали назад, раскинув руки. Ударившись о землю, они превратились в птиц, взлетели, приминая воздух мощными крыльями, сделали круг над лесом и скрылись.

Нил проводил их взглядом, потом добрал до камня, который по-прежнему валялся в траве. Рисунки на нем поблекли, выглядели жалкими и потертыми. Камень легко оторвался от земли – обычный булыжник. Бесполезный. Этот край теперь принадлежал Ястребам.

Земля стала совершенно холодной и мертвой. Нил прижался к ней всем телом, но теперь это было просто скопление остатков растений и существ, материя, лишенная сил.

– Прости. Я думал, все получится, – прошептал он, прижимаясь щекой к холодной траве. – Я не знаю, что мне делать. Что мне делать?

Но никто ему не ответил.

Глава 12

Лисий хвост

Нил проснулся перед рассветом. Бесцветно-серое промозглое утро накатывало медленно и неохотно, словно с трудом выползло из темноты. Птицы молчали, и абсолютную, мертвую тишину нарушал только сухой шум листьев. Слишком сухой. Нил кое-как приподнялся на локте, морщась от боли во всем теле. Ныла каждая кость, холод прокатывался по позвоночнику волнами, будто кто-то лил на него ледяную воду. Но все, что стало с его телом, жизнью и мнением о себе, было ерундой по сравнению тем, что произошло с лесом.

Листья, еще вчера так сочно, влажно шумевшие, высохли. Их безжизненные края загибались к серединкам, где еще кое-как сохранялся бледно-зеленый цвет. Нил поднялся с вялой травы, цепенея от ужаса. Вчера, когда Ястребы улетели, а он валялся на земле, ему казалось, что хуже, чем сейчас, уже не будет, – а вот и нет, ошибся.

Вечером ему было так сладостно плохо, так бесконечно и невыносимо ужасно, что мир вокруг приятно поблек. Нил даже не мог вспомнить, как заснул. Просто лежал, пока мысли о том, что он наделал, не вырубили его, словно удар в челюсть. И вот теперь...

На подгибающихся ногах он дошел до ближайшего дерева с белоснежным стволом и тронул сухой, как бумага, лист, просто чтобы проверить: вдруг ему кажется, вдруг это все – обман зрения и на самом деле все в порядке? От его прикосновения лист отвалился и упал на пожухлую траву. Нил отшатнулся.

Он бы не отказался, чтобы вот сейчас его поразила молния, только бы всего этого не видеть. Нил на всякий случай даже на небо взглянул, но избавление не пришло – наоборот, стало только хуже. Предрассветное небо было таким безжизненным и ровным, что вдруг до одури напомнило небо над Селением. Что, если Ястребы сделали здесь так же? Что, если солнце вообще никогда не выйдет? Нил вцепился в волосы и тяжело прислонился к дереву. Он не узнал бы этот лес, если бы не был уверен, что за ночь не сдвинулся ни на метр.

Нил не шевелился еще очень долго и чуть не упал от облегчения, когда солнце все-таки взошло. За облаками не разглядеть, но оно определенно было на месте – просвечивало сквозь серость, как тусклая монета. Птицы все еще не пели. В Селении Нил годами их не слышал, но за вчерашний день так привык к этому гомону, что теперь молчание казалось невыносимым.

Тишина. Ужасная, ужасная тишина.

И никаких молний. Никакого наказания, от которого хоть на секунду, но стало бы легче.

С места он все-таки сошел как раз ради этого: пора было идти на поиски наказания. Это желание проснулось раньше, чем голод, жажда или усталость. Нужно было срочно найти кого-то или что-то, способное понять, что он натворил. И сдаться. И позволить сделать с собой все что угодно. Нил побрел через лес, кое-как припоминая, с какой стороны пришел вчера. Никакой золотой дорожки в траве, конечно, больше не было. Ха-ха, какая еще дорожка. Магии-то больше нет. Вообще нет. Умерла.

Нил доплелся до яблоневого сада и замер. Яблони увяли, ветки обвисли, плоды потускнели и сморщились. Отблеск металла на их вялых боках был мутным, едва заметным.

Дом не изменился: проломленная крыша, покосившаяся дверь. Лопата по-прежнему валялась у крыльца, кружка, из которой Нил напоил Кадета, стояла на ступеньке. Нил так надеялся, что его встретят тут, он даже нашел в себе силы на тихий, слабый крик «Эй!», но сразу почувствовал: никого нет.

А потом он поднялся на крыльцо и выяснил: про него все же не забыли.

Кувшин все так же стоял на столе, а рядом с ним лежало яблоко, и выглядело оно куда живее своих собратьев из сада. Кожица была золотистой, и в золото вплетались черные прожилки – они слабо, едва заметно пульсировали, будто у яблока есть кровеносные сосуды,

только в них течет не кровь, а что-то совсем другое. Плод выглядел настолько ядовитым, насколько это вообще возможно. «Либо придают сил, либо убивают», – сказал Кадет, и это яблоко явно было для задачи номер два. На одеревеневших ногах Нил дошел до стола и заглянул в кувшин. Так и думал: в остатках воды едва заметно отражались звезды, поразительно неуместные на этом темном крыльце.

Ну вот. Вопрос решен. Нил понюхал яблоко: запах обычный, но с какой-то слабой, гниловатой и совсем не фруктовой нотой. Девушка, хранившая это место, оставила ему подарок. Куснешь – и до свидания. Ну, можно еще запить. Для верности.

Он не собирался тянуть, но тянул. Осмотрел яблоко со всех сторон. Поболтал воду в кувшине. Вынес их на ступеньки крыльца, чтобы лучше было видно. Сел. Встал. Внезапно подумал о странном. О том, что, окажись он снова во вчерашнем вечере, сделал бы то же самое. Девушка, хранившая место силы, не должна была травить гостя. И Нил спас бы его снова, потому что смерть невыносима.

Нил опять сел на крыльцо, едва не выронив яблоко, – так закружилась голова. Он, наверное, сумасшедший, но Кадета ненавидеть не получалось вообще. Ястреб поставил цель выше остального, ох, какая новость.

А вот ненавидеть себя получалось отлично, и яблоко должно было решить эту проблему. Нил еще разок обвел взглядом похухший его стараниями сад и поднес яблоко ко рту.

И не смог откусить. Яблоко пахло яблоком и гнилью, в саду еле слышно шуршали ветки, небо медленно наливалось тусклым, разбавленным светом, скрипела наполовину сорванная дверь, ступенька чуть просела под ногами. Восхитительные признаки того, что он жив, были такими яркими, такими мучительно настоящими. Яблоко в руке – тяжелое и холодное, усталость во всем теле – яркая и мучительная. Засохшая кровь на рубашке царапает спину. Оттого, что спал на земле, ломит плечи. Хочется есть. Очень хочется есть. Воздух пахнет осенью и землей. На душе паршиво, но даже это сейчас кажется родным и нормальным. Нил медленно выдохнул. Постоял, взвешивая в руке яблоко.

Потом размахнулся и швырнул его вдаль. Мощного броска не вышло, онемевшие мышцы вспыхнули болью, и яблоко упало на траву шагах в десяти от него. От прикосновения к земле оно тут же, мгновенно и страшно, начало гнить: почернело, заросло пушистой плесенью и растреклось. На земле еще какое-то время шевелилось пятно, потом впиталось – и все стихло. Нил сжал губы.

– Я бы и так не передумал, – хрипло сказал он, с трудом узнавая свой голос. – Но спасибо.

Он перевернул кувшин. Трава на том месте, где вода коснулась земли, завяла окончательно. Нила перевернуло. День внезапно показался ему почти неплохим. Да, все ужасно, но с ним бывало и такое. Например, когда его забрали из дома. Или когда перевели из детского Селения в игровое. Или жажнули по шее Тисками Боли. Или когда он понял, что через Изгородь не перебраться, сколько ни надейся. Если вдуматься, список неудач был внушительным и почти вызывал уважение.

Нил опустил на крыльцо. Глаза были сухие, сердце билось еле-еле, будто дремало, и все-таки чувство жизни вернулось – побитое, хромающее на обе ноги, как дряхлый, но еще не переставший дышать старик.

От голода желудок ныл и дергался, как будто превратился в жесткое, живое и скребущееся насекомое. Чувство было настолько отвратительным, что это заставило Нила встать и пойти в дом. Тот был мало похож на место, где можно пожить роскошными яствами, но вдруг хоть что-нибудь найдется?

Дверь, кривая и сильно покосившаяся, держалась кое-как. Нил сначала собирался проскользнуть внутрь через широкую щель, как сделал вчера Кадет, но ужасно хотелось по чему-нибудь врезать так, чтобы оно развалилось. Поэтому Нил начал, пыхтя, трясти ручку двери и дергать ее на себя. Результат превзошел ожидания: дверь, слетев с оставшихся петель, грохну-

лась на крыльцо. Оно затрещало так, что пару секунд Нил был уверен: дом сейчас сложится внутрь. Потом дрожь под ногами стихла. Постройка выдержала.

Внутри царил разруха, как будто дом бросили много лет назад. А, да, конечно: местные ведь покинули дома, когда появился купол, и поселились все вместе. При мысли о Маге, его сородичах и о том, что с ними теперь, в груди все мгновенно слиплось в холодный ком, и Нил тряхнул головой, заталкивая воспоминания подальше. Лучше не думать, толку – никакого.

Он осторожно прошелся по комнатам, перед каждым шагом пробуя ногой то место, куда собирался наступить, – пол выглядел так, будто провалится в любой момент. Четверть часа назад он собирался съесть отравленное яблоко, а сейчас ногу боится сломать. Жизнь побеждать умеет.

Еды не нашлось, пахло затхлой сыростью, сгнили даже половики и одеяла. Страшного ничего, правда, не обнаружилось, обычный дом. Если вчера в присутствии волшебной девушки тут и было что-то, способное напугать Кадета, оно наверняка уже исчезло.

Нил вышел на улицу, сорвал с дерева яблоко и посмотрел на него так пристально, будто яблоко могло посмотреть в ответ.

– Умирать не хочу. Не трави, – твердо сказал Нил и откусил.

Яблоко было ватное, безвкусное, словно усохло за ночь. Отливающая металлом кожа прокусывалась легко, только чуть горчила. Странного запаха не было, темных прожилок тоже, и приходилось признать, что с голодухи яблоко просто изумительное. Нил съел еще два и сел на крыльцо. Судя по скорости, с которой вчера сморило Кадета, ждать пришлось бы недолго, но он все сидел, ежась от холодного ветра, а расплата не наступала. Сил, правда, тоже не прибавилось – видимо, яблоки стали просто яблоками. Нил обхватил колени. Он привык, что его все время что-то ведет, – чутье, упрямство, мечты о магии, сама магия, земля, – и теперь не представлял, что делать.

И, словно в ответ на его мысли, над головой раздалось хлопанье крыльев.

Нил вскинул голову. Над лесом пролетели Ястребы – много, не меньше двадцати. Они ворчливо клекотали что-то друг другу, держа ровный строй даже в полете. Нил оцепенел, но Ястребы пролетели мимо – то ли не заметили, то ли не придали значения.

Он никогда еще не видел больше шести одновременно и сейчас почувствовал беспомощную липкую тоску. В Селении даже шестерка птиц вызывала ужас огромной толпы здоровых парней, и Нил не сомневался, что для поддержания порядка в Селении хватило бы и одного Ястреба. А вот теперь, когда они уже здесь, выгнать их не получится точно. Это невозможно, это как... Как луну с неба снять.

Нил растянулся на крыльце, положил ладони на шершавый деревянный пол и стал ждать, когда что-нибудь случится.

За день он увидел Ястребов еще несколько раз – они пролетали в разных направлениях, по одному и стаями – похоже, изучали новую территорию. Их было гораздо больше двадцати, этих рыжевато-коричневых птиц с широко раскинутыми крыльями. Перья на концах крыльев трепетали, словно дрожащие растопыренные пальцы.

Время вело себя странно, день тянулся и тянулся, а Нил лежал и лежал. Пить хотелось ужасно, но воды нигде не было, а искать ее в лесу, как Кадет, он не умел. Губы пересохли и лопнули, трещинки горячо и противно тянуло. Еще немного так полежать – и он иссохнет, как яблоки в саду.

Нил с кряхтением сел. Чего-то хотеть – уже неплохо. Он видел, как иссыхали игроки, теряя аниму. Не плакали, не жаловались, просто ложились и больше не хотели есть, спать, драться и – самая заветная мечта – выигрывать игру. Вот тут уж точно пиши пропало.

Мысли о свежей, чистой, вкусной воде заставили вспомнить, в какой стороне озеро, и кое-как поковылять в лес. Приближался вечер, серое неровное небо будто дышало, где-то тучи

были гуще, где-то реже, и солнце, клонясь к горизонту, серебряным пятном просвечивало сквозь них.

Идти пришлось почти час, и дошел он только на силе желания припасть к воде. Вдоль береговой линии тянулись прогалины, коряги, пни – и никакого песка. На озеро смотреть было стыдно, но Нил все равно смотрел – невозможно было не любоваться на эту серую шелковую рябь.

Он улегся животом на берег и долго пил, потом залез в воду целиком. Вдали проступал другой берег, который раньше не давали рассмотреть солнечные блики на воде. На том дальнем и темном берегу смутно вырисовывались деревья и мелкие огоньки: дома на чьей-то чужой, давно захваченной земле.

Тут было так красиво, так мучительно прекрасно – озеро, и небо, и каждое поблекшее дерево, и причудливо изогнутые коряги на берегу, – что Нилу вдруг стало чуть легче. Магии больше нет, но ведь люди живут и так.

Всю жизнь он мечтал о магии, и получил ее, и потерял самым идиотским, бездарным и тупым образом, какой только можно придумать. Но он жив, а когда у тебя нет ничего, кроме жизни, глупо разбрасываться последним.

– Тихо, – пробормотал он с заложенным носом, глядя на свое размытое отражение. Руки лениво двигались, разбивая контуры лица. – Я о тебе позабочусь. Все в порядке.

В порядке не было ничего, но это вдруг подействовало. Нил вылез, оделся и пошел обратно в чужой заброшенный дом.

Вечер был холодный и темный, дом выглядел угрожающе, но огонь Нил все равно разжигать не умел. Он на ощупь пробрался в глубину дома – там было чуть потеплее, чем на улице. В самой дальней и лучше всего сохранившейся комнате обнаружился сундук с тяжелой крышкой, который Нил при первом осмотре дома принял за лавку. Внутри – аккуратно сложенные рубашки, платья, косынки, маленькие детские лапотки, чистые, ни разу не надетые, словно зачем-то оставленные на память. Нил переоделся в штаны и рубашку, натянул кусачие носки и большие потрепанные лапти, отыскавшиеся в углу сундука. Свернулся калачиком на крышке – лежать было жестко, но тепло и сухо. Когда он заснул, ему ничего не приснилось.

Следующие две недели Нил обживал дом. Выбросил на улицу самые склизкие и непонятные вещи. Приспособил кадку для воды, сходил с ней к озеру и еле-еле дотащил обратно. Долго бродил по комнатам в безуспешных поисках еды. Выкопал на огороде несколько вялых клубней репы. Набрал с деревьев яблок и разложил сушиться на полу, чтобы не сгнили под унылыми мелкими дождями, которые зарядили, как в октябре. Отыскал в лесу какие-то неизвестные ягоды, но не решился съесть – лучше будет держаться на яблоках.

Земля ветшала и бледнела на глазах, и это свело бы Нила с ума, если бы он не запретил себе раскисать. И еще – не думать о том, что он будет делать, когда закончатся яблоки.

Цели у него больше не было, ничего больше не было, но маленькие радости иногда случались. Засыпать, слушая дождь, тихо бьющий по деревянной крыше, оказалось волшебным. Ястребы, шнырявшие в небе первые дни, вскоре исчезли – новизна им приелась, они поняли, что эта земля такая же, как и все другие, и вернулись к делам.

Все произошло в серый, угрюмый вечер. Порывистый ветер рвал с деревьев листья, они с жутковатым шорохом катились по земле, и Нил спрятался в доме, только бы не слышать. Первую комнату – с проломленной крышей – он обычно проходил, глядя только под ноги, чтобы не обрушить полусгнивший пол, но сейчас на душе было так тяжело, что он решил изучить даже истлевшие остатки вещей в этой комнате.

Их было не так много – в основном полки с посудой, которая не нужна, если у тебя нет еды, и обрывками ткани, которые, видимо, раньше были полотенцами. Между двумя горшками

стояла на стене плоская штука, похожая на выцветший кусок бересты с каким-то рисунком, и Нил из любопытства протянул к ней руку.

Да, точно, береста. Нил снял ее с полки, опасно балансируя на одной ноге, чтобы не ставить вторую на подозрительно прогнувшуюся доску.

Первые несколько секунд он был так удивлен, что просто стоял на одной ноге, уставившись на поблекшее изображение. Зато сразу стало ясно, что именно поразило Кадета, когда тот зашел в дом. Все это время подсказка была тут, Нил ходил мимо нее каждый день, а заметил только теперь.

До него не сразу дошло, что на самом деле значит эта штука, а когда дошло, он хрипло, сдавленно рассмеялся. Волшебная девушка не зря привела их именно сюда. Как же это странно – одна подсказка была на бумаге, вторая – на бересте. Кадет сказал, что на их землю это не похоже, но вот вам, пожалуйста.

Так. Так. Это надо осмыслить. Нил торопливо выбрался на улицу. Он чувствовал себя так, будто две недели спокойно спал, и вдруг кто-то решил, что лучший способ разбудить его – это дать дубиной в грудную клетку. Сердце ныло так, что боль отдавалась в спину.

Вот оно как. Вот оно, оказывается, как.

Правда жгла огнем, и он испытал желание, которое не посещало его уже две недели: поговорить с кем-нибудь, хоть с кем-то. Пусть ему скажут, что он предатель, пусть делают что хотят, только... Нил постоял на крыльце, тяжело дыша открытым ртом. Очереди из желающих с ним поболтать не наблюдалось, да и, пожалуй, на свете не было вообще ни одного человека, который хотел бы с ним поговорить. Но, может быть...

Нил спустился в темный, продуваемый ледяным ветром сад, сделал пару шагов и опустился на колени. Земля размокла под утренним дождем, и он провел по ней рукой, с силой вдавливая ладонь. Пальцы сразу покраснели от холода.

– Прости, – забормотал он. Краснота ползла от костяшек выше, к запястью, рука немела от влажной ледяной земли. – Я такой болван. Такой... Прости, пожалуйста. Но у меня есть план. Я буду здесь сидеть, пока вы не явитесь. – Голос дрогнул. – Если хоть что-то, хоть кто-то тут еще есть, мне очень нужна помощь. Достаточно ведь просто попросить, и получишь, верно? Так ведь все и работает?

В саду выл ветер, гнул неподатливые, жесткие ветки, сыпал листьями в лицо, иногда с тихим стуком ронял яблоки в траву. Земля под коленями была холодная и мокрая, и Нил очень сомневался, что напугает хоть кого-то угрозой стоять тут, пока не упадет. И все же... Есть особое удовольствие в том, чтобы быть упрямым. В том, чтобы начинать все сначала и пробовать заново. С Изгородью же сработало! Вот и теперь оставалось только надеяться.

И он надеялся.

Вечер превратился в глухую безрадостную ночь. Постепенно ветер усилился, сбросил с крыльца кружку, из которой пил Кадет, – Нил ее так и не убрал, сам не зная почему. Кружка упала и покатилась, из нее вылилась дождевая вода. Порывы ветра били по лицу, как пощечины. Нил сидел, сжимая в пригоршнях мокрую черную землю, и втягивал голову в плечи. Еще вчера он думал, что без магии станет никем, но, кажется, оставался тем же и таким же, каким был до нее: полным веры в лучшее и упертым как баран. Это было уютное, хорошее чувство, словно возвращаешься домой, и этот дом всегда с тобой, даже если снаружи все плохо.

– Я не сойду с места, – хрипло проговорил он. – Земля никогда не умирает полностью, меня ведь даже в Селении нашли, а значит, кто-нибудь да остался. Духи, существа, да хоть говорящие кроты. Пожалуйста, мне очень нужно поговорить.

Ничего. Конечно же, ничего – а чего еще он ждал?

Темнота сгустилась, колени сначала заболели, потом затекли, потом он вообще перестал их чувствовать. Глаза слипались, между позвонками словно насыпали песку, в голове все заты-

нуло туманом. Нила качнуло вперед, и он понял, насколько сильно, только когда впечатался лицом в землю. Его измученное тело отказывалось подыгрывать его же безумной затее.

Нил прижался щекой, глядя, как грязь просачивается между пальцами. Живот холодило. – Прости, – пробормотал он. От земли пахло влажностью и перегноем. – Прости меня.

Холод убаюкивал, сад затих, словно дремал, и Нил тоже провалился в дрему – темную, прерывистую, какой-то полубред между реальностью, где холод стискивал его все сильнее, и сном, где Ястребы раздирали его когтями, пока один из них мирно записывал что-то на бересте. «Причина смерти – сопротивление задержанию», – прощелкал Ястреб на языке, который Нил понимал даже во сне.

Что-то пушистое вдруг попало ему в нос, и он чихнул, но оно продолжало лезть прямо в ноздри. Нил с трудом приоткрыл глаза. Вокруг было очень темно, а пушистое оказалось звериным хвостом, который прилагался к самому зверьку: рыжему, с острой мордой и темными лапами. «Лиса», – заторможенно подумал Нил. Лиса снова ткнула ему хвостом в нос. От меха приятно пахло зимой и снегом, хотя снега вокруг не было и в помине.

Потом хвост перестал возить по его лицу, зверек отбежал и уселся неподалеку. И еще немного отбежал. И опять сел. Похоже, это было приглашение, но Нил будто в землю вмерз, пальцы не гнулись, даже глаза не открывались до конца. Неравный бой со сном закончился в пользу сна, и Нил провалился обратно в тот же вязкий бред, который внезапно прервал мощный пинок в грудь.

Маленькая нога, похоже, знала, куда бить: угодила в какое-то особо чувствительное место там, где сходятся нижние ребра. Нил закашлялся и попытался сесть, но окоченевшая рука не слушалась, и он упал обратно. Как ни странно, удар не повторился – вместо него на Нила опустилось одеяло, такое теплое, что он чуть не застонал от удовольствия. Да и воздух больше не был таким уж холодным. Нил полежал, отогреваясь, и кое-как заставил себя сесть.

Перед ним горел небольшой костерок, а по другую его сторону расположился лесовик. На руках он держал лису, та мирно дремала.

– Сплю, – пробормотал Нил, кутаясь в одеяло.

Лесовик взглянул на него, подняв брови.

– Ну, это ты мне скажи, – хмыкнул он, подбрасывая в костер сухих веток.

Нил хотел спросить, что это вообще значит, но решил промолчать. От тепла его разморило.

– Держи, бедолага. – Лесовик протянул ему дымящуюся глиняную кружку.

Нил отпил: какая-то трава, заваренная в кипятке.

– Знаешь, что самое смешное? – поинтересовался лесовик, хотя Нил вообще ничего смешного тут не замечал. – Она думала, ты догадаешься сразу. Но умение соображать – это, прости, не твое.

Лесовик почесал лису за ухом, и та зажмурилась. На секунду Нилу показалось, что лесовик говорил как раз о ней, но он тут же отогнал эту мысль – вряд ли о нем когда-нибудь думали лисы.

Одеяло приятно грело, колени больше не мерзли. Ночной лес повеселел, и золотой свет костра смягчал его хмурые контуры. Все это казалось совершенно реальным, и все же Нила не покидало ускользающее, сонное чувство, что шевельнешься – и все исчезнет. Он осторожно, затаив дыхание, пошарил за пазухой. Может, все-таки не сон – береста, которую он сунул под рубашку, была на месте.

– Ты знал? – спросил он, протянув ее лесовику.

– Конечно. – Лесовик рассмеялся, будто изображение на бересте – не катастрофа, а совсем неплохая новость. Его внимательные глаза поблескивали в темноте. – Это очень легко было понять.

Нил молча воззрился на него, сжимая второй рукой кружку. Он так промерз, что даже удивиться как следует не мог.

– Она ведь тебе, болвану, говорила: слушай свою магию, сердце и чутье – этого достаточно, – внятно, доходчиво сказал лесовик. Лиса махнула хвостом. – Анима всегда знает, что делать. Но чувствовать – не значит не думать. Запомни, пригодится.

– Не пригодится, – сдавленно проговорил Нил. – У меня больше ничего нет.

– А ты проверял? – с забавной серьезностью спросил лесовик.

Нил выдавил смешок.

– Знаешь, я бы заметил, если бы у меня была магия.

– А ты уверен? – Лесовик посмотрел на него так, будто сильно сомневается, стоит ли вообще тратить слова на такого тугодума. – Ты ведь не умер. И не отдавал аниму. Что в словах «анима и есть жизнь» не дошло до тебя с первого раза?

Лесовик выпустил лису, и та чем-то зашуршала, завозила в темноте.

– Я думал, на захваченных землях волшебство умирает, – пробормотал Нил.

Сердце у него колотилось все быстрее и быстрее, часто и громко.

– Тогда откуда же оно взялось у тебя там, где доступ к земле был отрезан всей теневой магией, какая есть? А? – Лесовик приподнял брови. – Волшебство никогда не умирает. Подавлено – да, выросло в цене – еще как, надо из кожи вон лезть, чтоб получить то, что раньше давалось почти даром. Но немного волшебства для живых всегда найдется. Странно напоминать об этом единственному, кто смог накопить прорву золотой магии, будучи в самом ужасном месте, какое только можно представить.

– Не так уж там и плохо, – пробормотал Нил, даже немного обидевшись за родное Селение.

Лесовик фыркнул и потыкал палкой в огонь. Искры с треском взвились вверх.

– Вот именно. Мир такой, каким ты его видишь. Так анима и работает: сияешь ты сам, а то, что вокруг, просто отражает твой свет. Ладно. – Он хлопнул себя по коленям. – К делу. Давай, малыш. Где там твоя магия?

Нил шевельнул пальцами, мягко прижал подушечки к ладони – и ничего не почувствовал. Они были холодные, задубевшие и будто чужие. Определенно никакой магии.

– Почему ты помогаешь? – спросил он, чтобы отвлечься. – Я ведь... проиграл.

– Ну, люди проигрывают, так бывает. Невозможно выигрывать всегда. Анима не иссыхает из-за проигрыша, она иссыхает, когда люди идут против того, во что верят. Когда им наплевать на других. Но тебе – нет. Никогда. Ты позвал меня даже ради того, что нашел. – Он кивнул на бересту. – Давай. Ты сможешь. Вспомни, как нужно.

Нил шумно выдохнул. Ладно. Ладно. Что он теряет? Самое главное в магии – это умение полюбить момент. Он потерял ладони друг о друга, и лесовик кивнул, будто хотел его поддержать. Отблески огня плясали на его лице, в неровном свете костра все казалось красивым и зыбким. Вот этот момент полюбить было очень, очень легко. Нил закрыл глаза и улыбнулся. Подумал о том, что увидел на картинке. И об озере с холодной мокрой водой. И о теплой шерсти лисы. И о маме. В душе что-то шевельнулось, но в руки перетекать не желало, ощущение было – словно канат пытаешься продеть сквозь игольное ушко.

Озеро. Картинка. Мама. Лиса. Дом. Весна.

Он развернул руки ладонями вверх. Кончики пальцев начало покалывать и вдруг свело так, что Нил зашипел. Так, дальше. Желание. Нужно чего-то захотеть. Мозги работали еле-еле, и единственное, что пришло в голову, была еда, – зато желание было такой силы, что мурашки по всему телу пробежали.

В Селении еда была не ужасной, но совершенно пресной, будто приготовлена теми, кто начисто лишен вкусовых ощущений. Ха, да так оно и было. Ноги от их кормежки не протянешь, но и удовольствия не получишь, тем более что соли Ястребы, похоже, не признавали вообще. А

потом Нил вспомнил масляные лепешки в доме лесовика. Жаркое из репы и моркови в котелке, которое готовила его мама. Яблоки, только не эти, увядшие, а сочные, летние и хрустящие. Ух, да. Нил зажмурился, успев подумать, как мало иногда надо, чтобы почувствовать счастье.

Мясо на вертеле. Соленые грибы. Горячая каша с молоком. Свежий хлеб. Брюква на углях. Нил тихо рассмеялся, и ладони вдруг потеплели. Вот оно. Вот оно. И правда, как он не заметил? Магия не исчезла, просто ушла глубже, и ее стало сложнее достать, но она никуда не делась. Вот-вот – и получится. Но ничего не получилось: поток анимы иссяк так же внезапно, как и появился. Нил открыл глаза.

– Ну, создать что-то из ничего – до такого ты еще не дошел, этому учиться надо, – улыбнулся лесовик. Глаза у него блестели. – Вот, бери. Чем богаты.

И он протянул миску с кусками незнакомых Нилу разваренных клубней и деревянной ложкой. Нил схватил ложку и проглотил все в один присест. Как же вкусно! Он понятия не имел, что это, но оно было такое острое, и пряное, и так приятно рассыпалось на мягкие теплые куски, когда нажмешь зубами. Нил вылизал миску, потом ложку, потом вылизал еще раз и то и то, – вдруг хоть крошка где-то осталась. От удовольствия у него запылали уши. А потом он кое-что вспомнил, кое-что такое, от чего волна счастья мгновенно схлынула.

– Мне оставили яблоко, – хрипло выдал он.

Лесовик фыркнул.

– Какой же ты еще наивный, прямо умиление берет. Она оставила яблоко, чтобы ты его не ел.

– Не понимаю.

– Еще раз: анима – это жизнь. Это было испытание, ты его прошел. Сохранил свою. Не поддался. Это было бы очень простое решение, простое и трусливое. Иссякнуть гораздо проще, чем выжить. Но ты справился, ты молодец. – Лесовик потянулся через костер и ласково положил руку ему на грудь, глядя почти с жалостью. – У тебя есть кое-что очень ценное. Не только магия. Ключ от спасения – у тебя.

Нил залпом допил травяное варево. Все, пора. Он встал и пошел в ту сторону, где, как он помнил, было место силы. И вернулся обратно.

– Я ведь могу это сделать? Прямо сейчас? – хрипло уточнил он. – Раз магия у меня, раз я не успел ее отдать, я могу вернуть купол и оживить землю. Так?

Лесовик кивнул.

– Ты можешь все, – просто сказал он. – Проблема никогда не была в этом.

– И эти две недели мог?

Лесовик посмотрел на него с таким бесконечным терпением, что Нил почувствовал себя ребенком.

– Да, естественно.

Нил нахмурился. От этого взгляда у него появилось ощущение, как будто он что-то недопонял, что-то очень важное, но ухватить этот обрывок мысли так и не смог.

– Я и летать тоже мог бы?

– Пфф, – фыркнул лесовик, но глаза у него стали какие-то грустные. – Стоит только захотеть. В том и суть.

Нил улыбнулся, чтобы его подбодрить, и хотел было идти дальше – уж без полетов он как-нибудь обойдется, – но остановился снова. Кусок бересты по-прежнему валялся у костра. Нил поднял его и долго смотрел.

– Или... Или можно не идти прямо сейчас, – медленно проговорил он, леденя от собственной смелости.

Магия, сердце и чутье говорили ему кое-что сделать. Кое-что очень безумное, настолько глупое и сумасшедшее, что внутри от одной мысли как будто разверзлся гигантский колодец.

Но зачем вообще жить, зачем иметь магию, если не рисковать? Нил решительно подобрал бересту, сунул ее за пазуху, и лесовик фыркнул.

– А ты легких путей не ищешь, да?

– Не-а, – помотал головой Нил, и лесовик улыбнулся ему мягко, как ребенку. – Отдай мне ту штуку.

– Какую? – притворно удивился лесовик, но Нил видел, как заблестели его глаза.

– Плашку. С номером.

– Хм. Наверное, я ее потерял. – Нил продолжал протягивать руку ладонью вверх, и лесовик хмыкнул: – Ладно, держи.

И так просто, будто все время держал эту вещь в руке, положил ему на ладонь металлический ястребиный значок, на обратной стороне которого по-прежнему торчали несколько ниток. В середине значка крупными цифрами был выбит номер: «723». Огонь мягко отражался от него, но значок был совершенно холодный.

– Просто ночь холодная, – покачал головой лесовик, будто услышав его мысли. – Эта вещь совершенно чиста, в ней нет Тени. Знаешь почему?

– Потому что эти значки делают дети. Точнее, выбивают номера, – хрипло ответил Нил. – В тех Селениях, где они живут до того, как их переведут в игровые.

– Да, – задумчиво кивнул лесовик. – Знаешь, Ястребы всегда забирают в свои Селения только детей, а взрослых оставляют работать на земле. Детей можно обучить чему угодно, вырастить любыми, но что-то всегда остается. Земля, где ты родился, всегда остается частью тебя. Запомни, пригодится.

Нил сжал значок в руке.

– Это опасно?

– Более чем, – с плотоядной улыбочкой сказал лесовик. – Но кто не рискует, тот ничего не получает. Это прекрасная древняя истина, которую с освоением золотой магии слегка подзабыли.

Нил, наверное, должен был расстроиться, но получилось наоборот: надежда пробивалась в нем, как трава, которая весной упрямо растет сквозь голую и мертвую на вид землю. Опасно и невозможно – не одно и то же, это уже тянет на лучшую новость дня. Нил сел обратно и протянул руки к костру, осторожно шевеля пальцами. Искры улетали в темноту, в лесу тихо шуршали ночные звери, и он чувствовал, что улыбается.

А потом лег, вытянувшись на одеяле, и заложил руки за голову.

– Мне надо подумать, – торжественно заявил он.

Лесовик рассмеялся.

– О, а ты умеешь? Прости, я не знал. Да уж, попробуй, пожалуйста, вдруг понравится?

Думать по-настоящему он действительно не особо пробовал, но надо ведь когда-то и начинать, верно? Нил поерзал спиной по одеялу, устраиваясь удобнее. Если и бывают люди, которым размышления даются легко, он к ним точно не относился, но придется постараться.

Отсветы костра подсвечивали лес. Лесовик смотрел в огонь, иногда палкой ерошил поляны. Нил лежал и думал, глядя на звезды. Как ни странно, это оказалось не так уж трудно и, пожалуй, довольно весело, он даже удивился, почему не занимался этим раньше, – и сам не заметил, как соскользнул в сон.

Когда он проснулся, поблизости не было ни следа костра. Вместо одеяла он лежал на груди осенних листьев. Нил хотел было поискать, во что превратились кружка и миска, но раздумал и торопливо поднялся. Лучше уж не знать.

Глава 13

Попутный ветер

План был блестящий и простой: для начала – отыскать Ястребов. Любых. Хоть каких-то. Слова «найти Ястребов самому» уже звучали как безумие, но Нил решил, что его это не остановит.

Дойти до Ястребов можно пешком, а можно... Пока магия еще с ним, грех не воспользоваться, такого ведь никогда больше не будет. Почему бы хоть разок не полетать? Любопытно же, как это. Да и Ястребам, наверное, легче заметить приближающегося человека, чем мелкую птицу.

Если где Ястребы поблизости и отыщутся, так это в деревне, должны же они как-то следить за жителями. А если нет – местные знают, как их вызвать. Ха-ха, вызвать Ястребов, да кому бы в голову такое пришло. Нилу стало не по себе: встречаться с теми, кому ты всю жизнь испортил, куда страшнее, чем с Ястребами.

Но придется. Решительность и мужество, вот что ему теперь пригодилось бы. Нил упрямо выпятил челюсть. Ястребы на его месте никогда не стали бы раскисать, просто делали бы то, что нужно, – и сейчас он возьмет пример с них.

Утро было сумрачное и ветренное, как и все дни теперь. Нил встал посреди сада и встряхнул руками. Проблема была в том, что он мог сколько угодно хотеть превратиться в стрижа, но очень смутно помнил, как эти птицы выглядят: раздвоенный хвостик, острые крылья, темно-серые перья, и больше никаких деталей.

Из горла вырвался жалкий, дрожащий смешок. Лучше всего он помнил кур, но превращение в курицу, даже если успешное и целиком, определенно не поможет добраться до места быстрее. Нил представил одинокую курицу, грустно бредущую через лес в неизвестном направлении, и захохотал так, что с ветки снялась и улетела какая-то мелкая птичка. Они теперь появлялись, но очень редко, словно чувствовали, что земля отныне принадлежит Ястребам, и с трудом приходили в себя от этой новости.

«Держитесь, птицы», – подумал Нил.

От смеха в голове разом стало больше места: надо запомнить на будущее, какое это волшебное средство. Вот и идея сразу появилась! Нил лихорадочно потер ладони друг о друга, разогревая кожу, и повернул руки ладонями вверх, чтобы сияние можно было заметить изда-лека.

– Дорогие птицы, – начал он и еле подавил глупый, неуместный смешок. Дело было серьезное. – Простите меня. Это я дал Ястребам захватить землю, и мне очень, очень жаль. Но теперь я собираюсь забрать ее обратно, и мне нужна ваша помощь.

В лесу было тихо: то ли птицы не хотели иметь с ним дела, то ли просто нужно быть искусным волшебником, чтобы их вызвать. Нил медленно выдохнул, справляясь с разочарованием. И вдруг вспомнил, как в детстве он с мамой выходил к озеру перед закатом, и стрижи носились во все стороны, то низко ныряя к воде, то взмывая вверх – крохотные и быстрые, трепещущие крыльями. За деревьями садилось желтое солнце, и лучи освещали воду так прощально и сладко, что дух захватывало. Тогда Нил не сомневался, что вот так всегда и будет, но, похоже, ничто не бывает навсегда.

Эта мысль была очень грустной, и по всем заветам золотой магии надо было гнать ее подальше, но Нил не стал. Он вдруг почувствовал что-то новое, сильное, как щекотка прямо в сердце.

Кадет тогда сказал ему: «Ты увидел несовершенство мира». И вот сейчас, стоя в блеклом иссохшем саду, заваленном гнилыми яблоками, Нил видел его снова. Все на свете умирает и заканчивается. Его дома больше нет. Его семьи больше... Нет, не думать, не думать об этом.

Его озеро теперь принадлежит другим. Те стрижи, которых он видел в детстве, давно сохли, и их маленькие пушистые тела поглотила земля. Ничего из того, что он когда-то любил, не осталось.

Он так долго старался об этом не думать, не касаться даже краем сознания, быть веселым и полным надежды, только бы не думать, ни о чем не думать, но это ведь не помогает, верно? Мир не такое уж веселое место.

И все же... Легко любить жизнь, когда не знаешь, какой ужасной бывает и она, и ты сам, как ты можешь всех подвести и сколько потерять. И все же Нил любил ее даже такой. Даже стоя в умирающем саду, даже лежа с ножом в спине, – потому что жизнь прекрасна, и никогда, никогда не повторится, и пока она есть, – пусть хоть совсем немного, – все еще не так плохо.

Нил прижал руки к лицу и разревелся, уродливо и громко, с хрипом. На минуту он будто оглох, потом дыхание начало выравниваться, заложенный нос – дышать, опухшие глаза – открываться. Он выпрямился и снова повернул мокрые руки ладонями вверх.

– Я прошу, – сипло выдавил он. – Идите сюда.

Месяц назад Нил не поверил бы, что магия может получиться, если тебе грустно, это ведь против всех правил, но печаль отчего-то делала радость более острой, и золото скользнуло в руки без всякого усилия – так, будто это не сложнее, чем дышать. Мокрые ладони загорелись теплым золотом, крупинки взвились над ладонями тихо и легко, как искры над костром. А потом отовсюду вылетели стрижи.

Он понятия не имел, где они гнездятся, не видел и не слышал их ни разу, пока жил здесь, но сейчас эти маленькие птичьи тела на быстрых крылышках появились со всех сторон, будто прятались в каждой щели. Нил завороченно приоткрыл рот.

Птицы закружили вокруг него, издавая трепещущие горловые звуки, частый звонкий щебет, – Нил очень ясно представил, как пульсируют стрижиные горлышки. Разглядеть он не успевал – стрижи носились с головокружительной скоростью, проследить за их полетом было невозможно. И как они лбами не сталкиваются?

Но птицы не сталкивались – может, особо глубокими мыслителями они и не были, но свое летное дело знали блестяще. Нил опустил руки и запрокинул голову. Стрижи мгновенно перестраивали линию полета в зависимости от постоянно возникающих на пути препятствий. Зрелище было поразительное: сама жизнь, шумная и бестолковая, но определенно не лишенная смысла и направления. Нил улыбнулся и раскрыл ладонь. Стриж тут же спикировал на нее, царапнул цепкими лапками. Нил поднял ладонь к глазам.

– Чтобы во что-то превратиться, надо знать, как это выглядит, – негромко сказал он, поворачивая ладонь туда-сюда.

Стриж помогал разглядеть себя, как мог: прыгал вокруг своей оси, как заведенный. От этого рассмотреть подробности его устройства становилось решительно невозможно.

– Замри, – велел Нил, и стриж замер, глядя на него круглыми сердитыми глазками.

Нил изучил все: крохотные черные когти на розовых лапках, черный клюв с белым пятном вокруг, аккуратно, как чешуйки, уложенные перья. Вот тут до него и дошло, почему лесовик сказал, что создать еду с нуля у него не хватит умения. Судя по стрижу, вблизи все предметы и существа куда сложнее, чем издали: удивительные, созданные какой-то особой великой магией, с которой Нилу не тягаться.

– Спасибо, – тихо сказал Нил. – Лети.

Стриж вспорхнул с ладони и исчез в толпе собратьев. Нил закрыл глаза и попытался вообразить себя стрижом. Гомон вокруг не мешал, наоборот, легче было представлять. Торопиться некуда, без него спасение земли не начнут. Эта мысль так его насмешила, что Нил рассмеялся в голос, и этот взбудораженный детский звук будто подтолкнул магию, прокатился по телу – и разрешил превратиться.

Все произошло так быстро и легко, что Нил даже подумать не успел, просто как-то... изменился. Голова думала так же, но вот всего остального больше не было, и с непривычки он едва не грохнулся на землю: та резко надвинулась на него, но пушистые головы подпихнули его под живот и кое-как вытолкнули наверх. Паника прокатилась по телу, как истерический вопль на одной ноте, но Нил велел ей замолчать. Он вдохнул глубже, отметил, что воздух поступает очень странно, как будто строение внутренних органов совершенно изменилось. Ха-ха, ну почему «как будто». Он же теперь птица, а кто ж знает, как у них все работает внутри.

Нил отчаянно замолотил крыльями и набрал высоту. Ощущение было забавное: как будто бежишь изо всех сил, только не вперед, а почему-то вверх. Птиц вокруг он не понимал, их гомон по-прежнему оставался волной неразборчивого звука, но это, наверное, с опытом приходит. Так. Ладно. Лететь. Не удивляться. Удивиться и потом можно.

Он кое-как приноровился и полетел, припадая то на одно, то на другое крыло, ныряя вниз и взбираясь по воздуху вверх. Мир резко дергалось, и Нил со смехом подумал: «Если б кто увидел такого стрижа в стае других, решил бы, что птица то ли глотнула кваса, то ли слегка сошла с ума».

Гомон вокруг стал громче и выше – частый пульсирующий щебет, и Нил каким-то краем сознания, о существовании которого даже не подозревал, понял, что птицы смеются. Его полет кажется им совершенно уморительным. Нил сжал клюв. Он бы тоже засмеялся вслух, но это умение лучше освоить как-нибудь потом, тут бы об землю не треснуться. И не напороться на ветку. Ой. Ой. Страшновато.

Нил постарался громко и четко подумать о том, что хочет попасть в большую деревню, где живет много людей. Надежда, что его поймут, была, в общем, почти нулевая, но иногда и такой достаточно: по сознанию прокатилось, как вспышка, ощущение того, что птицы уловили идею.

И они полетели.

Сказать, что это было приятно и весело, Нил не смог бы при всем желании. Крылья, которые он чувствовал как ноги, а не как руки, устали так, будто он мчался в гору, как заведенный, а гора все не кончалась. Снизу иногда угрожающе придвигался лес, а когда ты не привык видеть мир под таким углом, избежать встречи с верхушкой елки становится задачей почти невыполнимой. К счастью, его тут же начинала подталкивать под живот чья-нибудь голова, и путь продолжался.

А еще наверху дул ветер. Очень громко. И что-то чесалось под перьями. И небо оказалось таким пугающе-огромным. И зрение стало слишком острым, до звона в голове.

В общем, когда они начали снижаться, Нил вздохнул с таким облегчением, что чуть не рухнул раньше времени. Его окружили, заставляя постепенно снизить высоту. Куда именно они садятся, он не видел – слишком яркие цвета сбивали с толку, – так что просто расслабился, позволяя другим стрижам доставить его до места. Ощущение было такое, словно в полуобмороке идешь на негнущихся ногах, а толпа веселых, шумных ребят тащит тебя под руки и за шкирку, не давая упасть.

Шумные ребята опустили его на траву. Нил с одуряющей ясностью почувствовал ее когтями, подумал, что теперь, наверное, можно и превращаться – и когти тут же превратились в руки, а он сам – в себя. Ему хотелось понять, как это работает, но нет, видимо, не сегодня: только что он валялся как полудохлая птица, а вот уже валяется как взмокший до нитки человек с дрожащими ногами. Нил погладил землю трясущимися руками и кое-как перевалился на спину. Стрижи гомонили над ним, и Нил слабо улыбнулся им, раскрывая руку.

– Пока, ребята, – неразборчиво пробормотал он: рот с трудом вспоминал, как складывать слова. – Спасибо вам.

Стрижи разлетелись во всех направлениях – так целеустремленно, будто у каждого была работа, где его ждут, многозначительно глядя на солнечные часы и повторяя, что перерыв

закончился. Нил раскинул руки и ноги. Голова кружилась так, что встать он пока что не решался.

Видимо, первый опыт – это всегда скорее познавательно, чем приятно. Наверное, если потренироваться, удовольствия от полетов будет куда больше. Тут Нил вспомнил, что магию-то отдаст и, значит, больше не потренируется. На секунду эта мысль ужасно его опечалила, но потом он снова повеселел – ничего, другие вообще ни разу не пробовали, он-то еще счастливчик.

Он кое-как сел, сжимая голову обеими руками. Вдалеке виднелась деревня людей, вокруг тянулись поля: направо какие-то злаки, а там, где он лежал, росла репа – Нил сразу узнал бледные клубни, наполовину высунувшиеся из земли, и мягкие блеклые листья, торчащие у каждого клубня из макушки. Совсем вялые листья, кое-где даже пожелтевшие. Нил с тихим, болезненным сожалением понял, что своим проигрышем двухнедельной давности подвел даже репу.

Эта мысль придала ему сил. Он заставил себя встать и, шатаясь, побрел через поле. Ближе к деревне угадывались фигуры людей – далеко, но ничего, дойдет. Зато они не видели, как он упал с неба.

До людей он дошагал через полчаса – день успел разгореться, солнце за серыми тучами, которые теперь с неба вообще не сходили, угадывалось легче. Мужчины и женщины, собиравшие репу, заметили его поздно: он был уже в десятке шагов, а они все выдергивали клубни за ботву, стряхивали комья земли и складывали репу в корзины.

– Доброе утро, – прохрипел Нил севшим от волнения голосом.

Они подняли головы, и у него сжалось сердце от того, как они изменились. Две недели назад он видел здоровых, веселых людей, а сейчас глаза потухли, румянец поблек. Вот такими же были бородачи, которых они с Кадетом встретили в лесу.

– Мне нужна ваша помощь, – сказал Нил, ловя себя на том, что уже сутки только ходит и просит всех о помощи: лесовика, землю, птиц, а вот теперь и людей. – Где мне найти Ястребов?

У мужчины, стоявшего ближе всех, клацнули зубы. Да уж, все было так, как Нил и предполагал: Ястребов не зовут, они сами приходят.

Нил не сомневался, что, если бы он заорал достаточно громко и провернул какой-нибудь трюк с золотой магией, Ястребы примчались бы мгновенно, но он не хотел поднимать лишнего шума и даже сам себе немного удивлялся: какая предусмотрительность! Да Ястребы гордиться им могли бы, если б он не пытался в данный момент подложить им свинью.

Мужчины и женщины глядели на него с пустыми лицами. Узнали его или нет, Нил не понял – может, они вот так смотрели теперь на всех, даже на тех, кто их не подставлял.

– Ладно. – Он решил сменить подход. – Никаких Ястребов. Просто скажите, где Маг.

При звуке этого имени глаза у них чуть прояснились. Один из мужчин поднял руку и указал вправо.

– Благодарю, – сказал Нил, переступил через корзину с репой и торопливо ушел.

Он думал, что дорогу придется спрашивать еще несколько раз: «вон там» – это все-таки немного размытое направление в большой деревне, окруженной полями. Но Маг нашелся неожиданно легко: ближе к домам несколько человек сортировали репу, откладывали крупные клубни в одну сторону, видимо, на зиму, мелкие – в другую. Нил долго смотрел в шуплую спину с налипшей потной рубашкой – видимо, работа шла уже давно. Надо было позвать, но Нил вдруг оробел: он у всех здесь и так много отнял, а у этого парня больше всех.

– Эй, – наконец сказал он. – Ты живой?

Приветственная речь получилась так себе – Маг определенно мертвым не был, но Нил спрашивал не об этом. Судя по мгновенно застывшей линии плеч, Маг узнал его даже по голосу. И медленно повернулся.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Светлые патлы Мага обвисли, будто даже их буйный беспорядок поддерживала магия. Глаза потускнели, но узнавание в них определенно было, и Нил, затаив дыхание, ждал, когда это узнавание перейдет в удар по лицу.

– Ты, – сказал Маг, продолжая одной рукой сжимать облепленную землей репу.

Нилу показалось, что репа сейчас полетит ему в голову. Он бы и не возражал, но Маг, похоже, просто забыл, что держит ее, – посмотрел, опустил на землю и вытер руку о штаны. Люди, с которыми он работал, не двигались, не бежали, не возмущались, просто смотрели. Нил предпочел бы, чтобы они либо кричали, либо простили, но ясно было: ни того ни другого он не дождется.

– Можно мы поговорим? Где-нибудь? – выпалил Нил.

Маг выпрямился, отряхнул землю с колен и твердо пошел в сторону домов. Нил плелся за ним, чувствуя спиной тяжелые взгляды. Маг остановился около чьей-то избы, окруженной чахлым садиком, и прислонился спиной к стене из полукруглых бревен.

– У тебя осталась магия? – спросил Нил.

Маг покачал низко опущенной головой, но, вопреки опасениям Нила, не заплакал.

– Ее больше нет. – Он сухо, коротко облизнул губы. – Раньше мы собирали урожай с ее помощью, теперь приходится так.

Он посмотрел на свои руки, облепленные землей, с черными полукружьями под ногтями.

– Прости, – сказал Нил. – Это из-за меня она исчезла.

Маг слабо улыбнулся.

– Я догадался.

То, что Маг все-таки не был ни тупицей, ни трусом, показалось Нилу разом ужасным и замечательным. Ужасным, потому что стыд снова проснулся и жег огнем, но одновременно – прямо камень с души упал.

– Ястребы сейчас тут?

– Один. Следит. Он не говорит на нашем языке. – Маг сложил руки на груди, обхватив себя за локти. – Я сразу почувствовал, что мы потеряли землю. Проснулся среди ночи. Это как... Вот если у тебя есть рука, ты ее не замечаешь, но если ее не будет – узнаешь, как она много значила. Понимаешь?

Нил закивал. Он очень хорошо понимал.

– Они прямо ночью всех разбудили, – бесстрастно продолжал Маг, глядя себе под ноги. – Там был один, он говорил хорошо. Тот, что приходил с тобой. Он сказал, что мы теперь принадлежим Империи и что это почетно. Что теперь мы будем трудиться, и в нашу жизнь придет порядок, и это избавит нас от заблуждений.

– А ты... Ты хорошо запомнил, – выдавил Нил.

И с секундным запозданием сообразил, какую глупость сморозил: естественно, запомнил, это же был худший момент в его жизни! Он что, должен был все забыть? Нил открыл уже рот, чтобы извиниться, но Маг жестом остановил его.

– Я запомнил, потому что учитель хотел, чтобы я тренировал память.

На его бледном лице вдруг проступило что-то похожее на улыбку: не настоящая, не в полную силу, скорее, просто возможность улыбки, но от того, что эта возможность не потеряна навсегда, Нилу стало легче.

– Ты натренировал, – брякнул он.

Маг кивнул и поднял глаза. Вдалеке работали люди, толстый слой облаков в небе медленно двигался, перестраивался внутри самого себя, ветерок шевелил волокна пакли, щедро торчавшие между бревен в стене. Нил улыбнулся, и Маг еле заметно, через силу, но улыбнулся в ответ.

– Учитель был не отсюда, – задумчиво протянул он, опустив взгляд на свою грязную руку. – В его краю много внимания уделяли всем этим штукам: памяти, знаниям. А я его никогда не слушал, хотел только магии учиться. Я его разочаровал.

– Нет! – Нил подошел ближе и осторожно, боясь спугнуть, тронул за плечи. – Ты чего? Конечно нет! Ты мелкий сопляк, а стал главным магом золотой земли.

– И кто я теперь? – Маг невесело улыбнулся. – Учитель говорил, магия может уйти в любой момент, как в его земле было, а знания останутся. – Его губы презрительно скривились. – Я был ужасен. А он был прав. И теперь ничего уже нельзя исправить.

– Еще как можно! – Нил сжал его плечи и встряхнул. – Это я и хочу сделать. Магия вернется. И купол – тоже. Все станет как было.

– Тебе нужна моя помощь? – уточнил Маг. Без возмущения, без издевки, просто интересовался.

Нил моргнул.

– Тебе не стоит мне помогать. После всего, что я...

– Ну, ты же извинился, а я вел себя ничем не лучше. И еще я слушаю аниму. – Маг положил руку себе на грудь. – Магии больше не существует, но какой-то... отголосок остался. И он говорит мне, что тебе можно верить.

– Она существует, – покачал головой Нил.

А потом убрал свою ладонь с плеча Мага, сжал кулак и разжал у него перед лицом. По руке размазалось золотое сияние. Маг смотрел, медленно моргая. В глазах отражались золотые блики.

– Твоя – да, – завороченно пробормотал он. – Моя – нет. Ты не заметил, что они изначально были разные? Твоя более... теплая. Насыщенная. Я никогда такой не видел.

Тут Нил сообразил, что парень-то прав. Волшебная дымка, за которой Маг в тот день прятал себя и деревню, была бледно-золотистой, светлой. А его собственные руки всегда блестели другим золотом – закатного цвета, а не рассветного.

– Учитель говорил, что золото, накопленное вопреки тьме, блестит, как никакое другое, – прошептал Маг и дернул рукой, будто хотел коснуться сияния, но тут же положил ладонь обратно на локоть. – Оно создается из ничего, из пустоты, и поэтому имеет огромную силу. Ты мог бы города создавать. Делать все что угодно. Я потому и хотел, чтобы ты остался. – Он криво усмехнулся, стискивая свой локоть. – Ты не такой, как я. Твоя магия не уйдет, потому что ты сам ее соткал.

Нил взял его ладонь, отцепил от локтя и сжал. Мысленно подтолкнул – и немного золота перетекло в покрытую землей ладонь. Маг охнул, потрясенно глядя на их руки.

– Твоя скоро тоже вернется, – сказал Нил. – Но если вдруг у меня ничего не выйдет, пусть у тебя хоть что-то останется.

Он выпустил руку, и Маг уставился на свою ладонь. Золото медленно впитывалось в кожу.

– Ух ты. – Маг сглотнул, осоловело моргая. – Вот почему от тебя тогда аж воздух искрился. Ты... Ты сам не понимаешь, что у тебя есть. Ты – сама жизнь. Это... Это просто... – Он потерял мысль и замолчал, медленно сгибая и разгибая пальцы. – Этого мне хватило бы на пару лет, если бы я расходовал ее, как раньше, направо и налево. И хватит на десять, если я буду ее беречь. И на двадцать, если беречь изо всех сил.

– Со счетом у тебя тоже нормально, не только с памятью, – фыркнул Нил.

Он думал, что сейчас придет сосущее ощущение пустоты в груди, но оно не пришло, будто он ничего и не терял.

– Что нужно сделать? – твердо спросил Маг, натягивая рукав ниже, словно боялся, что кто-то заметит, хотя анима уже впиталась без следа.

– Просто скажи, где тот Ястреб, который тут дежурит.

– Нет. Я хочу участвовать. Давай, скажи, что делать.

Нил заморгал. Он на это не рассчитывал, но, если вдуматься, – а вдумываться он со вчерашнего вечера полюбил и надеялся на досуге заниматься этим чаще, – помощь Мага очень бы пригодилась. Что, если местный Ястреб – один из тех, что работали в Селении? И даже если нет, вдруг всем Ястребам рассказали, как он, Нил, выглядит? А местный житель уж точно подозрений не вызовет.

– Ладно. – Нил вытащил из-за пазухи нагревшуюся от его кожи металлическую плашку: утром он сунул ее под рубаху, заправленную в штаны, и плашка все время сползала по животу то левее, то правее. – Вот это надо показать Ястребу.

– И все? – не понял Маг, разочарованно вертя плашку в руках.

– И покажи жестами, что эта штука упала с неба. Сможешь?

Маг с сомнением посмотрел на него, но потом все же сжал плашку и ушел. Нил дождался, пока он отойдет, и двинулся следом, стараясь держаться ближе к домам. Людей вокруг не было – видимо, в это время все заняты работой. Маг зашел в какое-то здание. Нил ждал, не подходя близко, и от нечего делать разглядывал дома: крепкие, хорошие, с небольшими садами и огородами – видимо, большую часть еды или искали в лесу, или сажали на общих полях. Эх, как же хорошо будет, если ему разрешат тут поселиться!

Минут через пять вышел Маг. С глубоко озадаченным видом оглядел улицу – и подошел, когда Нил помахал ему из-за угла дома.

– Он так... всполошился, – пробормотал Маг, спрятавшись за углом вместе с ним. – Я видел, что он хочет расспросить подробнее, но слов не знает. Это же просто номер, они их на форме носят. Что в нем такого?

– У каждого Ястреба номер свой, – тихо ответил Нил, выглядывая из-за угла. Дом, из которого вышел Маг, признаков жизни не подавал. – Они не повторяются. За их потерю надо отчитываться. Кадет вернулся к себе без номера и, уверен, что-то наврал о том, где его потерял. Правду наверняка не сказал – он отдал плашку лесовику, чтобы нам разрешили переночевать.

– Так. – Маг удивленно хлопал глазами, явно не понимая, к чему он клонит.

– У Ястребов есть такая теневая штукавина, я видел в детском Селении. Туда отправляют детей, которых забрали из дома, и при них иногда бывают вещи. – Нил спохватился. – А почему тебя, кстати, не забрали? И других детей тоже, я их в поле видел.

Маг пожал плечами – он, кажется, вообще не особо понял суть вопроса, а вот до Нила дошло: видимо, Ястребы не решились забрать тех, кто столько лет провел в краю с сильной золотой магией, – пусть уж лучше на земле работают.

– Так вот, – продолжил Нил, снова выглядывая. Ни движения. А что, если он ошибся? – При детях иногда бывают вещи. Ястребы их забирают и набрасывают на них такую особую теневую сеть. Мне кто-то из ребят сказал, что эта штука позволяет увидеть, нет ли в предмете золотой магии. Если есть, сеть начинает поблескивать, и тогда вещь тут же уничтожают. Если нет – для чего-нибудь используют. Ястребы золотой магии боятся как чумы.

– И что? – нахмурился Маг, и Нил как никогда ясно понял, насколько у них все-таки разный жизненный опыт.

– То, – внятно пояснил он. – Плашка для Ястребов – очень важная вещь, они с ней никогда не расстаются. Ты показал ему, что такая ценная вещь упала с неба. Это вряд ли возможно без участия золотой магии. А теперь представь, что ты – ваш местный Ястреб. Ты проверяешь, чей же это номер, и находишь: «О, того самого Ястреба, который в одиночку захватил землю, недоступную никому прежде».

Маг слушал, но вид у него был такой, какой иногда бывал у Кадета: когда слова ему вроде ясны, но суть не доходит.

– И тогда ты, наверное, проверишь эту плашку на магию, – не особо надеясь на понимание, закончил Нил. Он болтал уже просто так, чтобы не молчать. Время шло, никто не появ-

лялся, и ему было тревожно. – Тем более что она как-то подозрительно колет тебе пальцы теплом. Набрасываешь на нее сеть и...

– А если у этого Ястреба нет сети? – спросил Маг: за историей он, похоже, следил внимательно, хоть и не понимал ее смысл.

– Есть. У них все общее – то, что надо, они просто вытаскивают из Тени.

Маг глубокомысленно кивнул.

– В общем, ты проверяешь эту плашку и обнаруживаешь в ней прорву золотой магии. Твоя сеть искрит и сгорает до углей. Ну, если Тень может сгореть. – Нил нервно рассмеялся. – Это для нас как если бы... Как если бы кто-то, кого мы считаем героем, утаил от нас что-то очень важное и очень темное, понимаешь? И самая ценная для него вещь оказалась бы пропитана тьмой.

– Ты их как-то слишком хорошо понимаешь. – Маг поежился. – Это мне не нравится.

– И не должно нравиться, главное – чтобы сработало, – отмахнулся Нил, и Маг нахмурился. – Не спросишь, откуда в той железке золотая магия? А я все равно скажу. Вот откуда!

Нил пошевелил пальцами, улыбаясь во весь рот. Он был в восторге от своей затеи, но Маг его чувств не разделял.

– Это все как-то... по-ястребиному, – выдал он. – Такой... Такой сложный план. Мы так не делаем.

– А вот пора бы начать, – фыркнул Нил, стараясь не показывать, как его беспокоит, что никто еще не появился.

Что, если местный дежурный не стал ничего проверять? Что, если проверил, написал какой-нибудь отчет и отложил в сторону?

– Я думаю, найдя что-то такое странное, Ястреб вызовет того, кому принадлежит плашка, чтобы узнать, в чем дело. У него ведь нет примера, нет правила, что делать в таких случаях. А Ястребы боятся своего начальства. Их наказывают за ошибки. Они стараются улаживать свои дела сами, потому что иначе им будет очень плохо, – шептал Нил, прислонившись щекой к стене и выглядывая на улицу.

Он вспомнил, как Ястребы в Селении мялись, не желая обращаться к Магусу. Но что, если он ошибся, что, если не все Ястребы такие, и никто не появится, и...

И тут сверху раздалось хлопанье крыльев. От облегчения у него чуть ноги не подкосились – птица была одна.

– Удачи, – прошептал Нил, не глядя на Мага. – Все будет в порядке. Иди обратно к своим.

Спиной он чувствовал, что тот на него смотрит, но не обернулся. Боялся, что Маг тоже сомневается в успехе и будет смотреть прощальным взглядом, и тогда Нил разревется, а ему бы сейчас этого совсем не хотелось.

– Иди, – повторил он, вцепившись обеими руками в угол дома.

Маг еще пару секунд не двигался, потом сжал его плечо, выпустил и пошел прочь.

Глава 14

Семь два три

Птица мощно приминала крыльями воздух. Долетев, она камнем спикировала вниз и ударилась о землю с такой силой, что Нил понял, насколько Кадет зол, еще до того, как тот превратился.

Видеть его опять было странно, и пару секунд Нил просто дышал, пытаясь справиться с непрошеным чувством отвращения, неловкости и страха. Легко было прощать, когда он Кадета не видел, но вот он, в темной форме с лиловой полосой через плечо, в маске, в капюшоне, с узнаваемой спиной. У Нила прямо заныла лопатка, под которую Кадет в прошлый раз вогнал нож, хотя рана давно зажила без следа.

Нил с тяжелым сердцем опустил взгляд на монструма, который держался рядом с ногой Кадета как приклеенный. Он все еще был каким-то бесформенным, и Нила мороз по коже продрал. Монструм был крупнее прежнего, у него была голова и четыре ноги, но больше – никаких отличительных признаков, болванка для создания животного, заброшенная на полдороге. Двигался монструм тяжело, пугающе – незавершенность этой твари придавала ей какую-то особую отвратительность.

Кадет поправил форму и зашагал к зданию. Взгляд у него был неподвижный, скучающий, будто он вынужден тратить время на что-то, не стоящее ни крупницы внимания. Нила этим было не обмануть – примчался, как миленький, просто делает вид, что все ему нипочем.

Нил медленно, через силу выдохнул и вышел из-за угла здания.

– Эй, ты! Да, ты!

Голос получился довольно жалкий – не героический рык, а какой-то сдавленный скрип. Кадет обернулся, но в глазах ничего не отразилось – видимо, способность не двигать лицом Ястребы годами воспитывают. Нил пошел к нему, очень надеясь, что шаг у него твердый и решительный. Поразить он хотел не столько Кадета, сколько местного Ястреба, который, несомненно, наблюдал из окна. Пусть знает, что не каждый местный – размазня.

Нил остановился напротив Кадета, упрямо выпятив челюсть. На того это никакого впечатления не произвело – смотрел потяжелевшим взглядом и просто ждал.

– Недоброе утро, – сказал Нил, не придумав ничего интереснее. – Как дела? Плохо?

Он и сам не знал, на что надеялся, – на окрик, на удивление, но Кадет даже бровью не повел. Холодом от него теперь веяло куда сильнее: волны мороза, будто рядом с тобой стоит глыба льда. Ну, холод сейчас будет очень уместен – буквально через десять секунд.

Эта мысль, очевидно, проступила у него на лице довольно глупой улыбкой, потому что Кадет едва заметно нахмурился. И тогда Нил закрыл глаза и подумал о снеге.

Облака в небе были толстые, серые, но, ясное дело, не снежные. Ничего, это можно исправить. До Нила вдруг как-то разом дошли слова лесовика о том, что он может все, если постарается. Вообще все.

Пушистые снежинки. Чудесный запах зимнего дня. Тишина снегопада. Холод, которым охватывает нос изнутри, если вдохнешь глубоко. То, как ноги мягко вдавливаются в снег, когда наступишь. Все это стремительно пронеслось у него в голове, и все это он передал своим рукам. Касаться – не обязательно, ты все равно связан со всем, что есть вокруг, а оно – с тобой.

Думать об этом было так приятно и странно, что он тихо рассмеялся. Кто бы сказал ему раньше, что он будет бесстрашно проворачивать такой трюк под носом у двух Ястребов, – не поверил бы. Раньше золотая магия представлялась ему прекрасной и отдельной, несовместимой с Ястребами, а сейчас он с лихорадочной, шальной веселостью думал: «Да нет уж, давайте-ка совместим».

Все эти размышления заняли у него от силы две секунды, и Кадет, наверное, успел бы его остановить, если бы не опешил от такой наглости. Ястреб, который наблюдал из окна, видимо, чувствовал то же самое. Золотые народы не сопротивляются, не преподносят сюрпризов, не творят дерзкой и самоубийственной ерунды. Чтобы ничем не рисковать, они просто ложатся и проигрывают.

Нил широко ухмыльнулся. Обычно – да. Но не сегодня.

С неба повалил снег – не нарастая постепенно, как нормальный снегопад, а весь и сразу, словно туча очень торопилась и решила выбросить все, что у нее есть, за минуту. Вот обычный день ранней осени – а вот уже сыплет белым, как из мешка. Кадет посмотрел вверх. Нил не сомневался, что Ястреб в доме тоже смотрит и либо уже вызывает подмогу, либо удивляется и ждет, что будет дальше. Скорее – второе. Необычные ситуации, лишённые логики, – единственное, что может выбить Ястреба из колеи.

– Но... Тут больше нет магии, – сипло проговорил Кадет, глядя вверх.

Снег валил ему прямо в лицо, и он часто моргал, чтобы хоть что-то разглядеть.

– А она моя. С местом не связана, – пожал плечами Нил.

Ладони слабо поблескивали золотом – они были единственным ярким пятном среди белого. Снегопад уже отрезал их от соседнего дома, от улицы, даже друг от друга – Кадет выглядел размытой темной фигурой с бледной полосой лица, а снег падал все гуще, все быстрее. Снежинки залетали в нос вместе с воздухом, и ужасно тянуло чихнуть, но Нил держался: чих – это не героически, а ему хотелось впечатлить.

– Зачем ты это делаешь? – неразборчиво спросил Кадет – снег глушил слова. – Чтобы показать, что магия еще при тебе? Мы сейчас просто заберем тебя и придумаем, как от нее избавиться.

– Не думаю, – ответил Нил.

Времени было мало – Ястреб в здании скоро перестанет хлопать ушами и кого-нибудь вызовет, – но Нил медлил. Он не знал, с чего начать то, что нужно сказать.

– Снегопад отлично подходит для побега, – выпалил он. Его начало слегка трясти – магия магией, а одежда-то не зимняя. – Мы умеем менять погоду, потому в Селении небо и контролировали, а?

Кадет издал невнятный звук, который, очевидно, изначально был задуман как презрительный смешок.

– Ты не сбежишь. Я просто достану теньевую веревку или десяток других предметов. Еще один Ястреб в доме, в нескольких шагах от нас. Он окажет мне содействие.

– Может, и так. Но это не мой побег, – фыркнул Нил.

И сделал шаг назад. А потом еще один. И еще. Кадет инстинктивно двинулся следом – Ястреб не может не ловить то, что от него убегает. Вот только он не знал, о чем Нил думал на ходу и кого из всех сил звал. А еще не знал, что достаточно попросить о помощи и она придет. Зимнее пристанище появляется тогда, когда нужно, замерзающим путникам достаточно просто захотеть.

Снег валил все гуще, так что ничего больше невозможно было разглядеть. Нил сделал еще шаг спиной вперед и поскользнулся с такой силой и размахом, что рухнул на спину, вскрикнув от боли. Кадет угрожающе навис и собирался что-то сказать. Нилу было неинтересно – он его репертуар изучил уже вдоль и поперек, – но Кадет и не успел ничего сказать. Когда он сделал шаг ближе, – очевидно, чтобы нависнуть еще более угрожающе, – его нога резко скользнула по льду, и он рухнул, от удивления не успев вернуть себе равновесие. Монструм застыл рядом совершенно неподвижно, будто неживой. Он, похоже, способностью удивляться не обладал в принципе.

Кадет ощущал поверхность под своей распластанной ладонью, смел снег – и обнаружил под ним исчерканный чем-то острым лед. Несколько секунд он смотрел, и Нил сразу понял:

Кадет уже вспомнил, где видел вот такой лед, и просто поверить не может, что это происходит. Нил еще несколько секунд ловил рукой и открытым ртом снежинки, потом медленно сжал ладонь в кулак. Снегопад резко прекратился – крупные хлопья падали с неба все реже и реже, пока на землю не приземлились последние.

Деревни вокруг больше не было – только елки, сугробы и избушка с резными наличниками. В окнах плясал свет очага, дверь была приоткрыта. Нил приподнялся на локтях.

Они лежали на замерзшем пруду, припорошенном снегом. Кадет еще несколько раз моргнул, потом резко встал, с трудом удержавшись на льду. На Нила он уставился самым грозным из своих угрожающих взглядов. Тот даже ухом не повел.

– Что ты творишь? – процедил Кадет.

– Это похищение, – заявил Нил. К этому вопросу он подготовился. – Я, похоже, всемогущий. И буйный. Так что со мной лучше не спорить.

– Ты хоть понимаешь, что я с тобой сделаю?

Ну, началось.

– Дай-ка подумать. Ничего?

– В порошок сотру. Меня будут искать. И найдут. Но даже без содействия я...

Слушать было скучно, поэтому Нил просто разглядывал его лицо. За две недели оно изменилось, осунулось, как у голодного злого животного, и кости на висках обозначились четче.

– Решил отомстить? – процедил Кадет. – Довольно глупый способ.

– Нет. Я просто хочу тебе помочь.

Кадет выдавил смешок:

– Думаю, ты потерял остатки разума. Терять было особенно нечего, но ты справился. Я ухожу.

– Нет. – Нил удобнее устроился на льду. – Во-первых, у тебя не выйдет – это место скрыто, и ты будешь просто очень, очень долго бродить по лесам. Во-вторых, даже если получится, что-то ты слишком много подозрительного натворил. Номерная плашка, набитая золотой магией, исчезновение среди снегов. Ты, случайно, не предал Империю?

Кадет вытаращил глаза. Он удивился так, что даже забыл сделать злобное лицо.

– Ты... Ты меня подставил.

– Я такой. Коварный. Извини, – смягчился Нил. – Но ты будешь рад слышать, что в этот раз я все продумал и мы исправим свои ошибки. Ну, точнее, я исправлю, а ты пожнешь плоды моей изумительной победы. – Кадет потряс головой, словно ушам своим поверить не мог, и Нил прибавил: – Я тут кое-что узнал. Твой секрет.

– А, ясно. Шантаж. – Кадет злобно скривился. – В Академии я прятал еду под матрасом. Если ты об этом, не думаю, что кого-то впечатлит.

– Нет, я вот об этом, – спокойно ответил Нил. Вытащил из-за пазухи бересту, найденную в доме с яблоневым садом, и протянул Кадету. – Знаешь, это многое объясняет.

Тот взглянул, и лицо у него дернулось, все, целиком, будто мышцы свела судорога. Монструм у его ног пошел рябью – он был совершенно никакой, просто заготовка, сгусток тьмы, но даже он ощутил, как хозяин перепугался. Кадет стоял и смотрел на бересту. Нил смотрел на него.

– Зайдем? – негромко спросил Нил. – Тут мы в безопасности. Они не найдут.

Ответа не последовало, и он зашагал первым, осторожно ступая и пытаясь не скользить, – их выбросило прямо на середину замерзшего пруда. Чем лесовик так исчеркал лед? Надо будет потом спросить. Потом, когда все закончится.

В доме было жарко натоплено и пусто. Нил посмотрел в потолок.

– Ты здесь? – С чердака ответа не последовало. – Ладно, все равно спасибо.

Кадет вошел следом, опустил на лавку и положил кусок бересты на стол.

На бересте углем была нарисована собака. Мелкая, черная, с торчащими ушами и клочковатой шерстью, – и как две капли воды похожая на старого монструма Кадета. Рисунок выцвел и покоробился от влажности, и все равно было понятно: во-первых, рисовал ребенок, во-вторых, с большими способностями к этому делу.

– Это ты нарисовал, – тихо проговорил Нил, усаживаясь на дальний конец лавки. – Тот дом – твой. И сад с яблоками тоже.

Кадет не двигался. Нил перевел взгляд на монструма – тот безжизненно сидел около стола, совсем не похожий на себя прежнего.

– Из бывших игроков получают неплохие солдаты, да? Так ты сказал? – пробормотал Нил. Он до сих пор сам себе не верил, но по лицу Кадета было ясно: не ошибся. – Ты местный. Ты отсюда.

– Мне пора возвращаться к работе.

Кадет встал так резко, что чуть не перевернул лавку, и размашисто пошел к двери, но она захлопнулась у него перед носом. Дернул за ручку – не открылась. Кадет злобно обернулся. Нил не стал опускать вытянутую в сторону двери руку, пусть видит: ладонь мягко сияла золотом.

– Нет, – просто сказал Нил. – Мы поговорим. Потом уйдешь, если захочешь.

Несколько секунд Кадет трясся от гнева, сжав кулаки, потом резко выхватил что-то из воздуха и швырнул в его сторону. Что именно, Нил разглядеть не успел, но ясно было, что ничего хорошего: шевелящийся черный сгусток Тени. Нил инстинктивно упал на пол. Он, может, отличным игроком и не был, но все же как-то дожил до своих лет – в основном на умении вовремя увернуться. Черное ударило о стену, пробило в ней дыру и вылетело на улицу. В избу сразу потянуло морозом.

– Не советую, – сказал Нил, ловко перебираясь под стол. – Это не тот хозяин, которому можно безнаказанно крушить дом. В лягушку превратит, тебе не понравится.

Пока он говорил, Кадет отчаянно и безуспешно дергал на себя дверь. Нил сидел под столом и ждал, когда ему надоест.

– Ты из Селения. Выиграл игру, и тебя взяли работать на Ястребов, – настойчиво проговорил он.

Кадет перестал рвать на себя дверь и уперся в нее лбом.

– Чего тебе надо? – с ненавистью прошипел он. – Оставь меня в покое. Я тебя не сдам. Сиди тут сколько влезет. Просто открой.

– Собаки прекрасны, да? – задумчиво начал Нил, прислонившись к ножке стола. – Твой монструм – не этот, настоящий, – так выглядел, потому что у тебя когда-то была похожая собака. И чем дальше мы шли, тем живее он становился. Может, чувствовал, что приближается к дому?

– Заткнись! – крикнул Кадет с такой злобой, что Нил от неожиданности подпрыгнул и стукнулся головой о столешницу. – Это не твое дело, ясно тебе?

– А знаешь, что забавно? Ты идеально говоришь на нашем языке, потому что это – твой язык.

Кадет запустил руку в Тень, вытащил что-то похожее на бестелесный ключ и вогнал в дверь. Не в замочную скважину – в саму дверь. Тот вошел легко, как в масло, дверь тут же почернела, обуглилась и упала вперед, едва не проломив крыльцо. С чердака донесся возмущенный вопль. Нил зашипел, втянув голову в плечи. А хозяин-то все же дома.

– Извини, – сказал он, посмотрев наверх. Потолок загоразживала столешница, но он не сомневался, что его услышат. – Я почию.

Кадет уходил вдаль таким шагом, будто его тело весило в два раза больше прежнего, монструм той же поступью плелся за ним. Зрелище было – мрачнее не придумаешь. Нил вылез из-под стола и встал в дверях. Он чувствовал, что разговор начал как-то неловко, ну да ладно – будет пробовать, пока не получится. Кадет не представляет, с кем связался.

Так. Нужно придумать что-нибудь веселое. Он на секунду задумался, а потом сжал руку, дождался, когда она прогреется, и бросил Кадету вслед золотой шарик.

В полете тот изменил форму, и Кадета догнал уже не шар, а почти живое создание. Это была собака, слепленная из золотой пыли и очень похожая на прежнего монструма. На боках у пса было несколько пар крыльев, которые с трудом удерживали его мохнатое тельце в воздухе.

Собаку Нил представил себе легко – все-таки пару дней провел с монструмом бок о бок, – а вот с крыльями пришлось срочно что-то решать. Подробно он помнил только устройство стрижиных, так что их и вообразил. Сразу пять пар, чтобы пес не упал. И теперь вот это летало вокруг Кадета кругами, неуклюже перебирая в воздухе короткими мохнатыми лапами. Хвост нервно вилял.

Монструм остановился первым – шлепнулся на свой толстый зад и поднял голову вверх. Это было самое живое движение, какое Нил увидел в его исполнении. Кадет попытался идти дальше, но золотой летающий пес тяжело носился вокруг, перегораживал путь и иногда ударял лбом в бок. Кадет с шипением остановился.

– Серьезно? – спросил он, уклоняясь от золотой собаки. Он, кажется, едва разжимал зубы от ярости. – Ты вот так собираешься меня остановить?

– Угу. – Нил кивнул, прислонившись к притолоке. Руку он по-прежнему держал вытянутой – управлять движением чего-то движущегося, пусть и сотканного из его собственной анимы, оказалось труднее, чем он думал. – Знаю, глупо. Но смешно. Разве нет?

Летающий пес боднул Кадета лбом в лицо. Тот зашипел и отшатнулся, щурясь от яркого света.

– Как я сам не догадался? – продолжил Нил, пользуясь заминкой. – И лесовик, и та девушка, которая тебя отравила, они сначала заговаривали с тобой, не со мной. Я был просто... за компанию. Они знали, что ты отсюда. Знали, что ты вернулся домой. – Голос получился скрипучий – пса становилось все труднее контролировать. – А ты ведь, наверное, тоже когда-то мечтал стать золотым волшебником. Ты поэтому так разозлился на Мага? Он получил то, что хотел ты?

Кадет зарычал. Нил шумно выдохнул и опустил руку. Пес исчез, рассыпавшись золотой пылью.

– И поэтому ты так вглядывался в тех людей в деревне, – задыхаясь от усталости, продолжил Нил. – Твои родители еще наверняка здесь. Не хочешь их найти?

– Зачем? – Голос у Кадета выровнялся, кулаки разжались. – Откуда бы я ни был, я уже давно Ястреб. Разделяю их ценности. Принял их точку зрения.

– И как же они тебя заставили это сделать?

– Я тебя понял, – устало проговорил Кадет. – Ты хочешь шантажировать меня тем, что расскажешь о моем происхождении, в обмен на какое-то содействие. Но это не секрет. Меня отправили на работу в ваше Селение, потому что я знаю язык местных племен. Твоя находка ничего не меняет, так что выпусти меня отсюда и давай с этим покончим.

Вид у него был упрямый, и Нил вздохнул. Так, ладно. Надо попробовать зайти с другого конца.

– На тебя тут не сердятся, если ты этого боишься, – мягко сказал он. – Сам же сказал: наши всегда прощают. И земля на тебя не злится. Помнишь, как листья повторяли: «Добро пожаловать живым»? Они, по-моему, не только меня имели в виду. И земля пропустила тебя сквозь купол, я уверен, уверен, что другие Ястребы не смогли бы пройти! Так что если ты беспокоишься, что тебя не простят, если тебе стыдно, ты не...

Кадет жестом приказал ему остановиться, и Нил замолчал.

– Ты бредишь, – сухо ответил Кадет. – Мне нет дела, простили меня или нет. Мы не мыслим в таких...

– Категориях. Да, я в курсе. Но тебе больше не нужно быть как они!

Кадет приподнял брови, и Нила охватило отчаяние: что, если он во всем ошибся? И, будто подтверждая его слова, Кадет холодно сказал:

– Ты правда думал меня этим завлечь? Я уже изменился. Десять лет – долгий срок. Это место и люди, которые тут живут, больше не мои. А ты своей выходкой рискуешь разрушить мне карьеру. Она – моя. Так что если для тебя, по всем заветам доброго и всепрощающего идиотизма золотых магов, имеет значение мое благополучие, ты меня выпустишь. Я могу идти?

Нил приоткрыл рот. К такому повороту он был не готов – думал, стоит сказать Кадету: «Я знаю, кто ты», тот сразу разревется и скажет: «Да, теперь я готов вернуться домой». Но ничего подобного. Так зачем удерживать того, кто хочет уйти?

– Ты можешь идти, – через силу пробормотал Нил. – Выход там.

Он указал наугад, но не сомневался: сейчас это место его послушается. Кадет развернулся и пошел прочь. Монструм заковылял следом, вяло волоча лапы. Нил опустил на крыльцо, глядя вслед прямой, как доска, спине Кадета. А потом взглянул на монструма, низко опустившего голову, – и осознание ударило его, как молния.

Монструм не хочет уходить. А это значит, что...

– Дух защитил эту землю, Ястребы не могли сюда проникнуть, – выпалил Нил, вскакивая. Неважно, что говорить, главное – чтобы задело. – Так как ты ухитрился отсюда пропасть? Ты... Ты что, сам вышел за купол?

Кадет застонал и обернулся. Его стон явно означал: «Да когда ж ты отвяжешься», но Нила этим было не обмануть – он смотрел на монструма, а тот, в отличие от Кадета, врать не умел.

– Ты сам сдался Ястребам? – выдохнул Нил. – Хотел быть как они? Ничего себе у тебя мечты были в семь лет!

В лице Кадета что-то чуть дрогнуло – впервые за их разговор.

– Я бы так не сделал.

– Да? А что ж тогда с тобой произошло?

Нил спрыгнул с крыльца и подошел к нему, стараясь изобразить на лице все, что ценят Ястребы: решительность и нежелание отступить. Только бы не спугнуть. Кадет попятился, но не сбежал и Тенью швыряться не стал.

– С тобой что-то случилось. Ты был ребенком, и тебе было страшно, – негромко сказал Нил, сам не веря, что говорит это Ястребу. – Расскажи, как ты ухитрился потеряться. Мне есть дело.

– Когда появился купол, я был не дома, – ответил Кадет, так неразборчиво, что Нил едва расслышал. – Ястребы поняли, что я местный. Хотели узнать, что это за купол и как попасть внутрь. – Он дергано пожал плечами. – Я не знал как.

– И как они это выясняли? Так, как ты спрашивал у Мага?

– Примерно. – Голос был отсутствующий. – Но я действительно не знал. Им понравилось, что я не плакал, и они меня забрали. Я не был в Селениях, меня сразу отправили в школу.

Нил ждал затаив дыхание. Продолжения не последовало – Кадет застыл, глядя перед собой.

– Все, что тебе было дорого, осталось внутри купола, – пробормотал Нил. – А ты остался за бортом.

– Я сам виноват. Я шел к озеру за утятами и встретил духа земли. Минут за пять до того, как он создал купол, – бесцветно проговорил Кадет. – Он сказал, что я должен бежать домой, чтобы меня не поймали. Если хочу.

Нил заморгал.

– Ты бы успел вернуться и сам не захотел? Ну что я могу сказать? Ты тупой.

– Он сказал, что если я не зайду, то смогу сделать что-то великое. Что-то особенное. Стану героем.

Нил тяжело вздохнул.

– Кошмар, – заключил он.

Кадет издал отрывистый, злой звук.

– Он просто болтал. Никаким героем я, как ты видишь, не стал, а теперь все это уже не имеет значения.

– Еще как имеет. Слушай. – Нил глянул вниз и шагнул ближе. – Знаешь, что еще до меня дошло? Монстры отражают то, что вы чувствуете, но показывать не хотите. Когда вы волнуетесь, они волнуются. Бойтесь – они боятся. Вам хорошо – и им тоже. Помнишь, как твой монструм трясся у забора, когда ты не мог разгадать пророчество? Может, у него и нет своего сознания. Зато он отражает твое. – Нил подошел вплотную. – Посмотри на свою тварь.

Они одновременно опустили глаза. Черный сгусток Тени лежал, по-собачьи уложив голову на вытянутые лапы. Морда по-прежнему ничего не выражала, но поза была такой печальной, что казалось, будто тварь сейчас завоет.

– А ты не умеешь проигрывать, да? – негромко спросил Кадет.

– Просто не хочу. Вы, Ястребы, цените стремление к победе, разве нет?

Кадет зло, отрывисто рассмеялся – жутковатый звук, но это было лучше, чем ничего.

– Ты уж как-то определись, кто я такой: Ястреб или местный.

– И то и другое, – пожал плечами Нил.

Ответ был очевиден, но Кадет почему-то дернулся, как от удара, и наконец посмотрел в глаза.

– Если твоя карьера важнее, я правда не буду тебя удерживать, – с жаром прибавил Нил. – Вернись и скажи, что тебя похитил местный. Очень злобный и дикий. Но я все равно сделаю, что собирался. Ты меня не остановишь.

Кадет дернул бровями, и выражение его лица чуть изменилось, будто где-то под маской он разжал стиснутые зубы.

– И что ты собираешься делать?

– О, – оживленно ответил Нил, довольный, что они перешли к этой части. – Примерно то же, что ты мне не дал сделать в прошлый раз. Я передам свою магию земле, создам новый купол, и все будут жить долго и счастливо.

– Нам говорили, что места силы вернуть нельзя. Кое-где жители пытались, но магия там выжжена полностью, это как... как шрам на теле земли, – пробормотал Кадет, глядя на него сложным, непонятно что выражающим взглядом.

– Ничего, я справлюсь. Я чувствую, что могу. Магия – во мне. Огромная. Я ее просто не слышал, но она никогда не пропадала. – Он широко улыбнулся. – Так что либо катись отсюда, либо оставайся и наблюдай, как я надеру Ястребам их пернатые зады.

Кадет тяжело прислонился к дереву. А в монструме, кажется, что-то все же осталось от настоящего: он очень по-собачьи грустил, уткнувшись мордой в лапы, а сейчас вдруг тихо, мучительно заскулил. Нил протянул руку, чтобы погладить, но монструм дернулся в сторону.

– Ты... Я не понимаю, – выдавил Кадет. – У меня логика отказывает. Ты можешь – или думаешь, что можешь, – вернуть магию земле. И вместо того, чтобы это сделать, ты идешь к Ястребам и вызываешь меня, того, кто эту магию отнял, и рассказываешь о своих планах. Знаешь, это даже на тупость не тянет. Ты серьезно болен.

Он вдруг начал разговаривать, как нормальный человек, простыми словами, и Нил решил считать это хорошим знаком.

– Да я здоровее всех! Знаешь, я еще утром хотел пойти и все сделать. – Нил пожал плечами. – Мне не нужна твоя помощь: уж извини, но из нас двоих я тут всесильный волшебник. Просто решил предложить: вдруг ты захочешь вернуться домой? Другого шанса не будет.

У Кадета свело лицо.

– Позволь кое-что напомнить, – процедил он. – Я. Всадил нож. Тебе. В спину. Я убил тебя. Это был удар на поражение. Я знал, что делаю.

Нил пожал плечами:

– Как видишь, я очень, очень живучий. И память у меня плохая, так что давай забудем.

Кадет издал какой-то звук, отдаленно напоминающий печальный смешок. И покачал головой. Забыть он, очевидно, не мог.

– Я на тебя не злюсь, – сказал Нил, решив, что это надо прояснить вслух раз и навсегда. – Ты делал, что должен. Для вас цель важнее, вы такие. Но ты не только такой. Ты не сдавал меня своим, когда ловил у Изгороди. А теперь угадай с трех раз, на ком выместят зло за то, что так удачно взятая земля легко ускользнула? – Нил ткнул его пальцем в грудь. – Этот Ястреб ведь местный. Наверное, он подыграл своим. Давайте-ка его убьем.

– То есть ты меня действительно подставил, – уточнил Кадет: без злости, просто как-то устало. – Нашел способ наказать за то, что я сделал. Знаешь, а не так уж глупо придумано.

– Если бы я хотел тебя наказать, был вариант куда проще: оставить тебя там, где ты был. Но тебя один раз уже оставили там, где ты был. Точно хочешь второй раз?

– Не ты меня оставил снаружи, не тебе об этом и беспокоиться, – процедил Кадет.

– Ну, знаешь, исправлять только свои ошибки – так каждый может. Но я же ого-го, – фыркнул Нил.

– Ты сумасшедший. По меркам обеих магий.

– Спасибо за похвалу. – Нил ухмыльнулся. – И знаешь что? Если б ты хотел уйти, монструм уже мчался бы отсюда со всех ног. Но он что-то совсем не мчится, так что сиди тут, а я пошел.

– Куда?

– Спасать землю, я же сказал. Когда все будет сделано, лесовик тебе скажет.

Нил развернулся и пошел прочь, но его остановил сдавленный звук, раздавшийся за спиной. Он обернулся.

– Ты не шутил, – пробормотал Кадет. Глаза у него постепенно расширялись. – Ты действительно... Никакого хитрого плана мести нет? Ты... Ты просто взял и притащил меня сюда, чтобы, – я не верю, что говорю это, – спасти от Ястребов?

– Знаешь, до тебя доходит с такой скоростью... Я не понимаю, как ты ухитрился чего-то в жизни добиться. – Нил улыбнулся шире. – Ястреб в этих землях только один, кроме тебя. Ты за него не волнуйся, когда вернется купол, я найду способ его выставить, он не пострадает.

Он успел сделать шагов пять, когда Кадет сказал:

– Уже не один.

– Что?

– Это экстренная ситуация. Ты не понимаешь, да?

– Нет.

– Ты похитил Ястреба с помощью золотой магии в земле, где уже нет никакой золотой магии.

Он явно ждал какого-то ответа, ждал, пока до Нила что-то дойдет, и тот ответил:

– Ну, я молодец.

Кадет тяжело вздохнул.

– Сюда уже вызвали несколько ближайших гарнизонов. Золотая магия опасна, и поверь, такого еще не было, чтобы в землях, где ее больше нет, она сама собой появилась. Местный работник, скорее всего, давно взял себя в руки и запросил подкрепление.

Нил растерянно посмотрел на него.

– Тут Ястребы? В нашей земле?

– Да. Я отсюда не могу их почувствовать, это место... – Кадет неопределенно повел рукой. – Отрезает чувство стаи. Но я тебя уверяю: они уже здесь. С приказом найти тебя и остановить.

– О, – растерянно выдохнул Нил. Такого он не предполагал. – Ну, они меня не найдут. Сам же говорил – у золотой магии запаха нет.

– Зато можно спросить у местных, – снисходительно ответил Кадет. – Возможно, кто-то из них знает, кто ты такой и откуда у тебя магия. Ты зря это все затеял.

– Они... – Нил сглотнул. До него дошло. – Они будут про меня спрашивать у Мага и остальных.

– Да, гений. Именно.

– Значит, для начала я иду их спасать.

– Стой! – Кадет широким шагом догнал его. – Этого от тебя и ждут. Мы понимаем, как вы мыслите: конечно, ты пойдешь всех спасать, тут тебя и возьмут.

– И что... что мне делать?

– Ты меня спрашиваешь?

Нила охватило отчаяние. Да что ж такое, ну почему, почему, почему! Он ведь хотел как лучше! Но отступать некуда, он не может все переиграть, он уже там, где есть, и идти дальше можно только отсюда.

– Если я вернусь, это не поможет, – выдавил он. – Мне всех не спасти. Но местные не знают, что и как я хочу сделать, им нечего выдать. Значит, нужно как можно быстрее вернуть магию. Это, наверное, отвлечет внимание ваших. Или... Или нет.

Он сжал кулаки, стараясь не паниковать. Кадет смотрел на него удивленно, будто не ожидал, что Нил после таких новостей сохранит способность хоть как-то рассуждать.

Тут эта способность и исчерпалась: Нил бессильно опустился в снег и прижал руки к лицу. Опять рискнул – и опять все сделал не так. Сидеть было мокро и холодно, но это хотя бы отвлекало от безнадежности положения.

– Даже если они ничего не расскажут, все леса проверят, и тебя найдут, – сухо проговорил Кадет, нависая. – Никто еще не возвращал магию туда, где она потеряна. Такого не допустят.

– Спасибо за поддержку, – огрызнулся Нил, мысленно умирая от страха.

Монструм, неподвижно лежавший рядом, заинтересованно поднял голову, и Нил через силу вскинул взгляд. Кадет на него уже не смотрел – глядел в одну точку, сосредоточенно перебирая в голове какие-то идеи. Очевидно, о том, как быстрее избавиться от ненавистного соседа по саду.

– Когда я попал внутрь купола, я перестал слышать стаю, – задумчиво проговорил Кадет, не меняясь в лице. – Ужасное чувство, очень... тревожное. Мучило меня так, что можно с ума сойти. Купол полностью отсекает то, что внутри, от того, что снаружи.

Нил уронил руки на снег и зажмурился. На него навалилась такая беспросветная тоска, что он сейчас и крупицу золота не смог бы создать. Тут-то Кадет его и прикончит. Лучше уж не смотреть.

– Если ты вернешь купол, на всех Ястребов, которые тут будут в это время, падет тишина, – повторил Кадет. – Они больше не будут слышать приказы.

Нил открыл глаза. Сердце у него застучало быстрее.

– Вы... Вы не сможете сами решить, что делать. На этот случай ведь нет правила, а от этого у вас в голове все перегорает. – Кадет отрывисто кивнул, и Нил вскочил. – Они вылетят за купол, чтобы получить инструкции. И не смогут влететь обратно. И тогда мы всех спасем. – От «мы» Кадет скривился, и Нил поправился. – Я, не мы. Спасибо. Огромное спасибо.

Он бросился через лес, не сомневаясь, что выйти из владений лесовика будет легко, стоит только захотеть, но Кадет опять позвал его:

– Эй. У тебя хоть какой-то план есть? На случай, если Ястребы найдут.

– Буду действовать по обстоятельствам.

– Это значит «нет». – Кадет помолчал. – Ты опять поступаешь, как они. Доверяешь важное дело случайности и надежде.

«Они» на этот раз явно значило «золотые волшебники». Нил неопределенно махнул рукой, показывая, что придумает что-нибудь, но Кадет перегородил ему путь.

– Тебя прикончит первый же патруль. Против них у тебя ни единого шанса. Ваша магия чужда насилию, а они будут действовать на уничтожение.

– Ты умеешь вселить надежду, как никто.

– Я не собираюсь ничего вселять. Просто иду с тобой.

Нил моргнул.

– Со мной?

– Не переспрашивай, это глупо. Одно из условий удачного плана – его внезапность. Им не придет в голову, что я мог... мог... мог... Оказать тебе содействие, – через силу закончил он.

– Ты пойдешь со мной, чтобы... мне помочь? – При слове «помочь» Кадет опять скривился, но медленно кивнул. – Ты уверен?

– Мы думаем со скоростью, превышающей вашу. Да, я уверен, – холодно сказал Кадет. И когда Нил уже решил, что он больше ничего не скажет, вдруг прибавил: – Мне кажется, это я тебя вернул. Там, в месте силы. Теперь даже не знаю, стоило ли.

– Как – ты? – не понял Нил.

– Когда я тебя убил, мне почему-то было... неприятно, пусть я и действовал по инструкции. Нам нельзя чего-то хотеть, но... Но я хотел, чтобы ты ожил. Подумал об этом много раз подряд. Волшебство уже покидало землю, но она меня послушала. Я этого не ожидал.

– Для земли все возможно, – ответил Нил, стараясь не показывать, как он растроган. День открытий, что тут скажешь. – Я поэтому начал понимать ваш язык? Из-за того, что это ты попросил ее меня вернуть?

– Скорее, потому, что я убил тебя тем ножом, которым... На нем были остатки моей крови.

Кадет сжал одной рукой запястье второй, и Нил вспомнил про его шрамы. И улыбнулся, пытаясь вложить в эту несчастную дрожащую улыбку все: что он прощает, и благодарен за помощь, и надеется, что у них все получится. Лицо у Кадета стало такое, будто еще секунда, и он передумает, так что Нил решил не испытывать судьбу и, обернувшись к избушке лесовика, замахал рукой. Никого не было заметно, но он не сомневался: оттуда наблюдают.

И точно: отблески огня, которые можно было разглядеть сквозь приоткрытые ставни, вспыхнули ярче, словно прощаясь, и дом начал растворяться в воздухе.

– Прости за дверь! – крикнул Нил. – И за стену! Я потом все почию!

Ему не ответили – дом уже исчезал, а с ним исчезали и елки, и пруд, и снег. Нил с ужасом понял, что они сейчас окажутся посреди деревни, окруженные толпой Ястребов, и беспомощно сжался, но когда снежный лес совсем растаял, под ним оказался другой: осенний, просторный и пустой. Высоко в древесных верхушках, прямо под серым небом, тихо переговаривались лесные птицы.

– Где мы? – негромко спросил Кадет, скользя взглядом по небу. – Куда именно ты пожелал оттуда выйти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.